

Б. К. 15.

номер. и сумма
А.

$A \equiv 394$

$\frac{XVA}{394}$

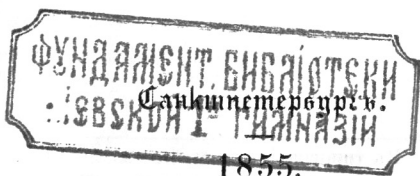
63

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Я. П. Полонскаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 18 Февраля 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Въ типографіи и. ФИШОНА.

✓

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1) Солнце и мѣсяцъ	1
2) Статуя. (Изъ воспоминаній художника)	4
3) Ангель	8
4) Разсказъ волпъ	10
5) Старушка	14
6) <i>Развалину башни, жилище орла</i>	16
7) Тѣни.	17
8) У Аспазіи	18
9) Переходъ черезъ Нѣманъ	20
10) Качка въ бурю	22
11) Пѣсня цыганки	25
12) Зимній путь	27
13) Имеретинъ	29
14) Старый Сазандаръ	33
15) Рыбакъ. (Подражаніе Геге).	38
16) Глаза.	41
17) Весна	43
18) На пути изъ-за Кавказа.	45

	стр.
19) Воспоминаніе	49
20) Птичка	52
21) <i>Пить, пить! не оттого признаемъ медлю я</i>	53
22) Спасибо	54
23) Изъ Гейне	56
24) <i>Какъ въ Ромео, когда въ роскошномъ снѣ</i>	57
25) <i>Пришли и стали тѣни ночи</i>	58
26) Жалоба	60
27) Мраморное сердце.	62
28) Затворница	64
29) Встрѣча	66
30) <i>Не мои ли страсти</i>	67
31) Колокольчикъ	68
32) Смерть малютки	70
33) <i>Недѣлю назадъ мнѣ нашъ докторъ шутилъ говорилъ</i>	71
34) Вызовъ	72
35) Новой Лауръ. Сонетъ	74
36) Прости	75
37) Послѣдній разговоръ	77
38) Маска	79
39) Дубокъ	81
40) <i>Посмотри, какая мила</i>	83
41) Ночь въ горахъ Шотландіи	84
42) Вечеръ	86
43) Подражаніе корану	87
44) Дорога	89
45) Лѣсъ	91
46) <i>Жизнь движется впередъ походкою неровной</i>	93
47) М. А. С—вой	94
48) Бредъ	96
49) Первые шаги	98

	стр.
50) Къ ***	99
51) Ночь	101
52) Нищій	103
53) На могиль	104
54) <i>Священный благовѣстъ торжественно звучитъ.</i>	105
55) <i>Вчера за васъ пошлѣ онъ на дуэли . . . . .</i>	106
56) Подражаніе корану	107
57) Утро	109
58) Послѣдній выводъ	111
59) Примадоннѣ	112
60) <i>О, подними свое чело!</i>	114
61) Лунный свѣтъ	116
62) Весталка	118
63) Взятіе Мемфиса	123
64) Факиръ	126
65) Изъ драматической поэмы «Магометъ.»	136
66) Деамея	142
67) <i>Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ . . . . .</i>	143
68) <i>Уже надъ ельникомъ изъ за вершинъ колочихъ . . . . .</i>	144
69) Въ глуши	146
70) Финскій берегъ	148
71) Письмо	151
72) Узникъ	153
73) Цвѣтокъ	155
74) <i>О Боже, Боже!</i>	157
75) <i>Моя судьба, старуха, нялька злая . . . . .</i>	159
76) <i>Поэтъ, въ минуты вдохновенья . . . . .</i>	161
77) Тишь	162
78) Пчела	163
79) Времени	164
80) Бѣда-проповѣдникъ	166

	стр.
81) Татарскія пѣсни	169
82) Горная дорога въ Грузіи	174
83) Грузинская ночь	177
84) Содержаніе одной Грузинской пѣсни.	179
85) Послѣ праздника	181
86) Послѣ праздника.	181
87) Пастухъ и археологъ	183
88) Не жди	185
89) Заступница	187
90) Въ Имеретіи	189
91) Кахетинцу.	191
92) Агбаръ.	193
93) Татарка	197
94) Прогулка по Тифлису	199
95) Саятъ-Нова	210
96) Ночь на восточномъ берегу Чернаго моря.	212
97) Сатаръ.	214
98) Выборъ Уста-Баша.	215
99) Тамара и пѣвецъ ея Шота-Руставель	220
100) Надъ развалинами въ Имеретіи	224
<i>Примѣчанія</i>	I—VIII

СОЛНЦЕ И МЪСЯЦЪ.

Въ колыбель младенца, ночью,
Мѣсяць лучь свой заронилъ.
«Отчего такъ свѣтитъ мѣсяць?»
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день—деньской устало Солнце,
И сказалъ ему Господь :
«Лягъ, засни! и за тобою
«Все задремлетъ, все заснетъ.»

И взмолилось Солнце брату:

«Братъ мой, Мѣсяць золотой!

«Ты зажги фонарь, и ночью

«Обойди ты край земной!

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,

«Кто мѣшаетъ людямъ спать —

«Все развѣдай, и по-утру

«Приходи и дай мнѣ знать!»

Солнце спитъ; а Мѣсяць ходить,

Сторожить земной покой...

Завтра-жъ рано-рано къ брату

Постучится братъ меньшей.

Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворять двери.

«Солнце, встань! Грачи летять,

«Пѣтухи давно пропѣли,

«И къ заутрени звонять.»

Солнце встанетъ, Солнце спросить:

«Что, голубчикъ, братецъ мой,

«Какъ тебя Господь Богъ носить?
«Что ты блѣдень? что съ тобой?»

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ —
Кто и какъ себя ведетъ...
Если ночь была спокойна —
Солнце весело взойдетъ.

Если жъ нѣтъ—взойдетъ въ туманъ;
Вѣтеръ дунеть, дождь поидеть,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня —
И дитя не поведетъ.

1841.

СТАТУЯ.

ИЗЪ ВОСПОМНАНІЙ ХУДОЖНИКА.

Въ часъ заката, съ послѣднимъ лучомъ
Покидалъ я въ Локридѣ мой домъ;
Въ часъ мерцанія вѣчныхъ свѣтилъ
Отдыхать я на камнѣ любилъ,
Возлѣ Моря Коринѣскаго — тамъ,
Гдѣ почіеть разрушенный храмъ.

Помню я, какъ летучій песокъ
Знойный вѣтеръ крутя подымаль
Тамъ, гдѣ прежде священный потокъ
Подъ оливами звонко журчалъ,
Гдѣ, бывало, по яснымъ зарямъ
Отражало живое стекло
Вѣчно-юное нимфы чело,
И кипѣла живая волна
Подъ навѣсомъ пахучихъ листовъ,
Когда ночью купалась она,
На траву сброся бѣлый покровъ,
И въ таинственномъ мракѣ звончѣй
На шиповникъ пѣлъ соловей...
О Элада! Элада!

Тамъ, гдѣ прежде въ четыре ряда
Подпирали колонны карнизъ,
Помню я, какъ бродили стада,
И зеленою плетью вились,
То взбѣгая, то падая внизъ,
По руинамъ живые листы
Повилики, и мохъ выступаль,
И на сѣромъ обломкѣ плиты
Желтый змѣй чешуею сверкаль...
О Элада! Элада!

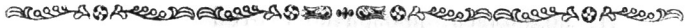
Но надъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей
Поднималась статуя. Въкѣ
На лицѣ пощадили черты
Первобытной ея красоты,
И была лишь отбита рука,
Да обтесаны складки одежды
Безпощадной рукою неведждъ...
И была обвита вся кругомъ
Та статуя зеленымъ плющомъ.

Помню ночь — ночь была
Упоительной нѣги полна,
Въ облака погружаясь луна
И изъ нихъ выплывая, была
Такъ тепла, такъ волшебна светла,
Что, казалось, въ заливъ морскомъ,
Золотымъ подвигаясь столбомъ,
Ея лучъ волны моря зажжетъ,
Что ей гимнъ гдѣ-то нимфа поетъ!
Чей-то парусъ бѣлѣлся вдали;
Кто-то правилъ чуть видный рулемъ;
Темный руль догоняли струи,
Отливаясь вдали серебромъ...

И, колеблясь, прозрачно-густой
Отъ земли къ небесамъ парь ночной
Поднимался—какъ будто богамъ,
Безъ огня, самъ собой енимамъ
Воскурался...

Въ эту ночь на холмъ я стоялъ.
Я къ статуѣ мой взоръ приковалъ,
И ея блѣдно-мраморный ликъ
Съ томно-яснымъ челомъ съ высоты
Мнѣ на встрѣчу глядѣлъ, и въ тайникъ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собой
До утра унести ихъ домой —
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучомъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать,
И чредою грядущимъ въкамъ
Все, что было завѣщено намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать!

АНГЕЛЪ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампы золотой,
Благоговѣнное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Прійдетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?..
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньѣ трепетномъ лампаднаго огня,

Въ блѣдно-серебряномъ сидѣль онъ одѣянь...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнуть былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли вдаль —
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
«Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цаловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

РАЗКАЗЪ ВОЛНЪ.

Я у моря, грусти полный,
Ждалъ родные паруса.
Бурно пѣнились волны,
Мрачны были небеса —
И рассказывали волны
Про морскія чудеса.

«Слушай, слушай! Подъ волнами —
«Тамъ, среди гранитныхъ скалъ,
«Гдѣ растеть, сплетясь вѣтвями,
«Блѣдно-розовый коралль ;

«Тамъ, гдѣ груды перламутра
«При мерцающей лунѣ,
«При лучахъ пурпурныхъ утра,
«Тускло свѣтятся на днѣ;

«Тамъ, среди чудесъ природы —
«Токомъ водъ принесена,
«Отдыхать отъ непогоды
«На песокъ легла она.

«Вьютъ косы, размываясь;
«Чуденъ блескъ раскрытыхъ глазъ;
«Грудь ея, не опускаясь,
«Высоко приподнялась.

«Нити травъ морскихъ густою
«Сътью спутались надъ ней,
«И повисли бахрамою,
«Притупляя блескъ лучей.

«Высоко надъ ней горами
«Ходятъ волны, и звучить

«Надъ кипящими волнами
«Звонкій голось Нерейдъ.

«Но напрасно тамъ въ пространствѣ
«Слышны плески, крикъ и стонъ:
«Непробуденъ въ нашемъ царствѣ
«Чудной дѣвы сладкій сонъ.

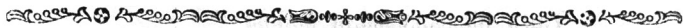
«Много лѣтъ заря вставала,
«Много вашихъ кораблей
«Злая буря разметала,
«Много гибло васъ, людей...

«Но и нынѣ подѣ водою,
«Распростерта на песокъ,
«Прислонившись головою
«Къ блѣдно-мраморной рукъ,

«Отъ грозы, отъ непогоды
«Отдыхаетъ ваша дочь —
«Въ лонѣ матери-природы
«Отдыхаетъ день и ночь!»

Такъ разсказывали волны
Про морскія чудеса.
Бурно пѣвились волны,
Мрачны были небеса...
И глядѣль я, грусти полный —
Чьи бѣвлютъ паруса ?

СТАРУШКА.

Старушка сгорбившись сидитъ;
Свѣча печально догораетъ,
Ночь тянется; она зѣваетъ...
Всѣ спятъ — она одна не спитъ...
И все сидитъ — и все гадаетъ.

Но можетъ быть, кого-нибудь
Въ далекій проводивши путь,
О дочери, о миломъ сынѣ
Она гадаетъ, и понинѣ

Ихъ ждеть съ любовью каждый часъ.
Нѣтъ, брачныхъ узъ она не знала,
Сердечныхъ правъ не признавала —
Ее Господь отъ горя спасъ.

Зачѣмъ же, подпершись руками,
Старушка сгорбившись сидитъ,
На карты мутными глазами
Глядитъ и блѣдными губами,
Гадая, молча шевелить?

За то, что бѣдная не знала,
О чемъ всю жизнь свою гадала,
Она взамѣнъ молитвъ и сна
Теперь гадать осуждена.
О всѣхъ теперь она хлопочеть:
И чтò кума? и чтò сосѣдъ?
Лишь объ одномъ у картъ не хочетъ
Спросить — умретъ она, или нѣтъ?

1842.

Развалину башни, жилище орла,
Съдая скала высоко подняла,
И вся наклонилась надъ бездною морскою,
Какъ старецъ подъ ношей, ему дорогѣй.

И долго та башня уныло глядитъ
Въ глухое ущелье, гдѣ вѣтеръ свиститъ;
И слушаетъ башня—и слышится ей
Веселое ржанье и топотъ коней.

И смотритъ съдая скала въ глубину,
Гдѣ вѣтеръ качаетъ и гонитъ волну,
И видитъ — въ обманчивомъ блескѣ волны
Шумяты и мелькаютъ трофеи войны.

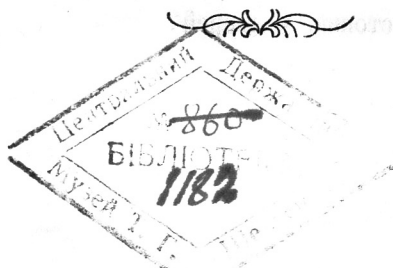

ТѢНИ.

По небу синему тучки плывуть;
По лугу тѣни широко бѣгутъ.
Тѣни ль толпой на меня налетятъ —
Дальнія горы подъ солнцемъ блестятъ.
Солнце ль внезапно меня озаритъ —
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ.
Такъ на душѣ чловѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

1845.

У АСПАЗИИ.

Гость.

Чтобъ это значило? — вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты;
Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчѣсаны;
Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна, — словно всеми забытая,
Молча стоишь у дверей?

—

2811

Аспазія.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тьнью сквозныхъ галерей.
Шумъ ея замеръ, и это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это — Перикль говоритъ...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ — весь городъ молчитъ!...
Чу! шумъ на площади... рукоплесканія...
Друга вѣнчасть народъ!...
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ въ эти двери войдетъ.

1854.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ НЪМАНЬ.

Вотъ Руси граница, вотъ Нѣмань. Французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздастся: «Vivat!»
За кѣмъ на коняхъ короли — адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,

На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ —
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ, и видитъ —
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: «Эта темная туча
«Моей свѣтозарной звезды не затмитъ!» —
И мнится ему въ то же время — сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ....»

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои русскій народъ!»
«Впередъ!» говорятъ ему слава и гений:
«Впередъ, императоръ! впередъ!»

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ —
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

КАЧКА ВЪ БУРЮ.

(Посв. М. А. Михайлову.)

Громъ и шумъ. Корабль качаетъ ;

Море темное кипитъ ;

Вътеръ парусъ обрываетъ

И въ снастяхъ свиститъ.

Помрачился сводъ небесный,

И, ввѣрясь кораблю,

Я дремлю въ каютъ тьсной...

Закачало — сплю.

Вижу я во снѣ : качаетъ
Няня колыбель мою,
И тихонько запѣваетъ :
«Баюшки-баю!»

Свѣтъ лампы на подушкахъ;
На гардинахъ свѣтъ луны...
О какихъ-то все игрушкахъ
Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шкваль? —
«Плохо — стеньга обломилась,
«Рулевой упалъ.»

Что же дѣлать? что могу я?
И, ввѣрясь кораблю,
Вновь я легъ и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мнѣ : я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ, мечты кипятъ...
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ.

Скоро ночь — темнеют ели...
Слышу ласково-живой,
Тихій лепетъ : «На качели
«Сядемъ, милый мой!»

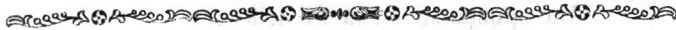
Стань ея полувоздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось? —
«Руль оторванъ ; черезъ носъ
«Вдоль волна перекатилась,
«Унесенъ матросъ!»

Что же дѣлать? Будь, что будеть!
Въ руки Бога отдаюсь :
Если смерть меня разбудить —
Я не здѣсь проснусь.

1851. Ялта.

ПѢСНЯ ЦЫГАНКИ.

Мой костеръ въ туманъ свѣтитъ ;
Искры гаснуть на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ ;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдетъ — и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходимись въ эти дни.

Кто то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто то завтра, соколь мой,
На груди моеѣ развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя
На колыняхъ у тебя!

Мой костеръ въ туманъ свѣтитъ;
Искры гаснуть на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ;
Мы простимся на мосту.

1853.

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

Ночь холодная мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей ;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
А ямщикъ погоняетъ коней.

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны ;
Вой протяжный голодныхъ волковъ
Раздается въ туманъ дремучихъ лѣсовъ...
Мнѣ мерещатся страннныя сны.

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
На скамейкѣ старуха сидитъ —
До полуночи пряжу прядеть,
Мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
Колыбельныя пѣсни поетъ.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
Бѣду я по тропинкѣ лѣсной
Воевать съ чародѣемъ-царемъ
Въ ту страну, гдѣ царица сидитъ подѣ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворецъ окружаютъ сады;
Тамъ жаръ птицы поютъ по ночамъ
И клюютъ золотыя плоды;
Тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды...
И не вѣришь и вѣришь очамъ!

А холодная ночь такъ же мрачно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
И ямщикъ погоняетъ коней.

ИМЕРТИНЪ.

О! было время, трудъ полезный
Имертинъ позабываль,
Мвняя плугъ и серпъ желзный
На ружья, шашку и кинжалъ.

Вражда стучалась въ наши двери,
Мы прятались, куда кто могъ,
Иль, кровожадные, какъ звѣри,
Шли на врага, взведя курокъ.

Костры сигналъ намъ подавали :

По высотамъ сторожевымъ

Мы ночью зарева искали,

А днемъ разглядывали дымъ.

Насъ ночью глушь льсовъ пугала ;

На стражъ сидя у дверей,

Мы принимали плачь шакала

За плачь украденныхъ дѣтей.

Какъ часто вѣтра шумъ привольный,

Трескъ сучьевъ, лошадиный топъ —

Меня бросалъ то въ жаръ невольный,

То въ лихорадочный ознобъ.

Въ ножи играли дѣти наши

И бѣжали обнажены,

И, дна не видя горькой чаши,

Не ждали мы конца войны.

И равнодушно мы сносили

Нашъ плѣнь и нашъ позоръ, когда

Красавицъ нашихъ уводили

На трапезонтскія суда.

Мы знали, дома ждалъ ихъ голодъ ;
Мы знали, брачную постель
Ихъ замела бы въ зимній холодъ
Неугомонная метель.

Жилища наши стали бѣдны,
И обдѣвли алтари,
Гдѣ передъ битвами молебны
Служили некогда цари.

Но, закаленные бѣдами,
Не закалили мы сердце...
Какъ надъ младенцами, надъ нами
Небесный сжалился Отецъ.

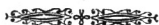
Потухло зарево пожаровъ,
Угмонилася вражда ;
Плѣнно-продавцевъ янычаровъ
Исчезли грозныя суда.

Единоверному народу
Вручили мы свою судьбу ;
Онъ далъ намъ полную свободу
Начать безкровную борьбу —

Борьбу съ сохой, борьбу съ лопатой,
Съ шелкомотальнымъ колесомъ...
И сталь богатъ нашъ домъ досчатый
Мотками шелка и виномъ.

Рубли въ карманахъ завелися,
Висятъ замки на сундукахъ,
И съ пѣснями до Кутанса
Мы Русскихъ возимъ въ каюкахъ.

1849.

СТАРЫЙ САЗАНДАРЪ.

Земли, полуднемъ раскаленной,
Не освѣжила ночи мгла.
Заснулъ Тифлисъ многобалконный;
Гора темна, луна тепла...

Куря шумить, толкаясь въ темный
Обрывъ скалы живой волной...
На той скалѣ есть домикъ скромный,
Съ крыльцомъ надъ самой крутизной.

---

*) Импровизаторъ-пѣвецъ.

Тамъ, ни кого не потревожа,
Я разостлать могу коверъ,
Тамъ цѣлый день, спокойно лежа,
Я бь могъ смотрѣть на цѣпи горь:

Горь не видать — вся даль одѣта
Лиловой мглой; лишь мостъ висить,
Чернѣетъ башня минарета,
Да тополь въ воздухѣ дрожить.

Хозяинъ мой хоть брови хмурить,
А право радъ, что я въ гостяхъ...
Я все молчу, а онъ все курить,
На лобъ надвинувши папахъ.

Усы сѣдые, взглядъ сердитый,
Суровый видъ; но пѣсенъ жаръ
Еще таитъ въ груди разбитой
Мой престарѣлый Сазандаръ.

Когда мнѣ сердце грусть сжимаетъ,
И я зайду къ нему, бродя

Въ часъ поздней ночи — онъ снимаетъ
Чунгүри * пыльную съ гвоздя.

И, мѣдныхъ струнь перстомъ касаясь,
Поеть, какъ будто пѣсьнь его
Способна, дико оживляясь,
Касаться сердца моего!

Поеть: «Молись, чтобъ духъ твой крѣпнулъ ;
«Не плачь ; пока весь этотъ міръ
«И не оглохъ и не ослѣпнулъ,
«Ты званый гость на Божій пиръ.
«Пока у насъ довольно хлѣба,
«И есть еще кувшинъ вина,
«Не раздражай слезами Неба,
«И знай, тоска твоя грѣшна.
«Гляди — еще цѣла за нами
«Та сакля, гдѣ тому назадъ
«Полвѣка, жадными глазами
«Ловилъ я сердцу милый взглядъ.

---

*) Чунгүри — музыкальный инструментъ.

«Тогда мнѣ міръ казался тѣсенъ ;
«Я умираю , когда не могу
«На праздникъ , во имя пѣсенъ ,
«Переступить ея порогъ .

«Вотъ съ этой старою чунгүри
«При ней, бывало, на дворъ
«Я пѣлъ, какъ птица послѣ бури
«Хвалебный гимнъ поетъ зарь .

«Теперь я старъ ; она — далеко !
«И гдѣ ? не въдаю ; но върь,
«Что дальше той, о комъ глубоко
«Ты можетъ-быть грустишь теперь...

«Твое мученье — за горами,
«Твоя любовь — въ родномъ краю ;
«Моя — надъ этими звездами
«У Бога ждетъ меня въ раю !»

И вновь молчитъ старикъ угрюмый ;
Облокотясь на край ковра,

Онъ тихо внемлетъ съ важной думой,
Какъ подъ горой шумитъ Кура.

Ему бывое время снится...
А мнѣ?... Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни къ кому;

Что мнѣ въ огромномъ этомъ мѣрѣ
Не весело; что можетъ-быть
Я лишній гость на этомъ пирѣ,
Гдѣ собралися ѣсть и пить;

Что пѣсень даръ меня тревожитъ,
А пѣснямъ нѣкому внимать,
И что на старости быть-можетъ
Меня въ раю не будутъ ждать!

1853

РЫБАКЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ.

(Посв. А. Н. Майкову.)

Волна бѣжить, шумить, колышетъ
Едва замѣтнѣй поплавокъ ;
Рыбакъ поникъ и жадно дышетъ
Прохладой, глядя на потокъ.
Въ немъ сердце сладко замираетъ...
Онъ видитъ — женщина изъ водъ,
Ихъ разсыкая, выплываетъ
Вся на поверхность, и поетъ —

Поеть съ тоскою безпокойной :

«Зачѣмъ народъ ты вольный мой

«Манйшь изъ волнъ на берегъ знойный?

•Приманкой хитрости людской?

«Ахъ, если бъ зналъ ты, какъ привольно

«Быть рыбкой въ холодъ рѣчномъ —

«Ты бъ не остался добровольно

«Съ холма слѣдить за поплавкомъ.

•Свѣтила любить, надъ морями

«Склонясь, уйдти въ пучину водъ :

«Ихъ, надъшавшихся волнами,

•Не лучезарнѣй ли восходъ?

•Не ярче ли лазурь трепещеть

«На персяхъ шепчущей волны?

«Ты самъ... гляди, какъ ликъ твой блещеть

«Въ прохладѣ ясной глубины.»

Волна бѣжить, шумить, сверкаетъ...

Рыбакъ поникъ надъ глубиной.

Невольный жаръ овладѣваетъ

Въ немъ замирающей душой.

Она поетъ... рыбагы не смѣло
Скользить къ водѣ... его нога
Ушла въ потокъ... волна вскипѣла —
И опустѣли берега...

1852.

Г Л А З А .

Свѣтъ восходящихъ звездъ, вся ночь, когда она
Свѣтла безъ мѣсяца, безъ облаковъ темна,

Заклучена въ глазахъ твоихъ чудесныхъ.

При нихъ теряюсь я, и не могу понять —

И словомъ не могу понятнымъ передать

Волненій, сердцу неизвестныхъ.

Я вѣрю иногда, что мнѣ въ глазахъ твоихъ

Читать любовь была бь отрада;

А иногда мнѣ страшно возлѣ нихъ,
Какъ темной ночью возлѣ клада.
Что выражаетъ мнѣ твой непонятный взглядъ,
Когда глаза твои глядятъ и не глядятъ
Изъ подъ рѣсницъ тяжеловѣсныхъ?
Не такъ ли двѣ звезды, двѣ путницы небесныхъ,
Не зная, чьи мечты за ними вслѣдъ текутъ,
Горять — не грѣютъ, но влекутъ...

А В А Л Т

ВЕСНА.

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просьшаются силы земныя,
А усталаго клонить ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приносить ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь... сердце плачетъ;
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты, любовь, празднои жизни подруга!
Не съумѣла ужиться съ трудомъ...
Со слезами со мной ты простилась —
И другимъ улыбнулась тайкомъ...

И, лукаво подмазавши петли
У дверей, что нескромно скрываютъ,
Для другихъ засветила лампаду
И окно занавѣсила въ садъ.

1853.

НА ПУТИ ИЗЪ-ЗА КАВКАЗА.

I.

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказъ, нашъ воинственный край,
Ты, нашъ городъ Тифлисъ знойно-каменный,
Светлой Грузиі солнце, прощай!

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
Я за снежный несущу переваль...
Я Казбекъ миноваль, я Крестовую
Миноваль, не далёко Дарьяль.

Слышу, Терека волны тревожны
Въ мутной пѣнѣ по камнямъ шумять;
Колокольчикъ звенить, и надёжны
Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Выси горъ, въ облака погруженныя,
Разступитесь! Приволье станицъ,
Разстилаются степи зеленныя...
Я простору не вижу границъ.

И душа на просторъ вырывается
Изъ подъ власти кавказскихъ громадъ...
Колокольчикъ звенить—заливается;
Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Погоняй! тухнетъ день за курганами;
Съ вышекъ молча глядятъ казаки;
Красный мѣсяцъ встаетъ за туманами;
Не далеко дрожатъ огоньки.

Въ сторонѣ слышу карканье вѣрона;
Различаю въ потьмахъ трупъ коня...
Погоняй, погоняй! тѣнь Печорина
По слѣдамъ догоняетъ меня.

Ты, съ которой такъ много страдаія
Терпливо я прожилъ душой,
Безъ надежды на миръ и свиданіе,
Навсегда я простился съ тобой.

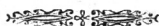
Но боюсь, если путь мой протянется —
Изъ родимыхъ полей въ край чужой
Одинокое сердце оглянется
И сожметъ знакомой тоской...

Вспомнить домикъ твой, дворикъ, увѣшанный
Виноградными лозами, тѣнь,
Гдѣ твоимъ лепетаньемъ утѣшенный,
Я вдавался въ безпечную лѣнь...

Вспомнить розъ аромать надъ канавою,
Бубна звонъ въ поздній вечера часъ,
Твой *личакъ* и улыбку лукавую,
И огонь соблазняющихъ глазъ.

Все, что было обманомъ, взмѣною,
Что лежало на мнѣ, словно цѣпь,
Все исчезло изъ памяти съ пѣною
Горныхъ рѣкъ, вытекающихъ въ степь.

1851.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Какъ быстро пароходъ летѣлъ, рулю послушный,
Какъ тяжело колебалъ въ волнахъ онъ грудь свою,
И какъ я долго ждалъ душой равнодушной,
Чтобъ отворилась дверь твоей каюты душной,
Чтобъ ты взошла на ютъ и съѣла на скамью.
Дулъ вѣтеръ; сизыми грядями
Катились волны; небеса
Пурпурными свѣтѣлись облаками;
Труба хрипѣла; дымъ клоками
Летѣлъ, — и ты съ кормы глядѣла, вмѣстѣ съ нами,
    Какъ опускали паруса...
Я помню — ты была блѣдна, безъ покрывала;
Зловѣщая заря свой пламень отражала

Въ зрачкахъ твоихъ глубоко-темныхъ глазъ...

Какъ вдругъ ты на меня взглянула и сказала:

«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась!»

— За чѣмъ? съ невольнымъ изумленьемъ

Тебя я шопотомъ спросилъ...

Но Богъ не вялъ твоимъ моленьямъ

И море въ ночь угомонилъ.

Надъ палубой луна сіяла такъ приветно —

Я лунный свѣтъ ловилъ на пальцахъ рукъ твоихъ...

И ночь бессонная промчалась незаметно

Подъ мѣрный стукъ движеній паровыхъ.

О чемъ ужъ мы съ тобой тогда не говорили,

Какихъ запутанныхъ вопросовъ не рѣшили!

Съ какой охотою, какъ смѣло, той порой,

Въ игру опасныхъ словъ играли мы съ тобой!

Ты намекала мнѣ на раннія сомнѣнья,

На повѣсть грустную непонятой любви,

На бесполезныя стремленья,

И на потребность утѣшенья,

И на страданія свои.

То ты собиралась жить въ Италіи зимою,

То пламенно желала умереть...

Мнѣ было жаль тебя... Какъ могъ я не жалеть?

Сидѣли мы вдвоемъ, одни, рука съ рукою,

Со всѣхъ сторонъ окружены
Необозримою пучиной —
Не при свѣчахъ, а въ сумеркахъ луны,
На палубѣ, а не въ гостиной!

Случайный другъ, другъ только для одной
Прекрасной ночи, голосъ твой
Еще мнѣ памятенъ; но гдѣ ты, я не знаю;
Года умчали молодость мою,
Въ житейскомъ морѣ я одинъ блуждаю —
То къ мирной пристани гоню мою ладью,
То снова парусъ поднимаю.
Увижусь ли когда нибудь съ тобой?
Узнаю ли тебя среди толпы людской?
Напомню ли тебѣ о нашей встрѣчѣ?
Къ чему напоминать!.. Ты пламенные рѣчи,
Тѣ призраки, что увлекали насъ,
Давно ихъ нѣтъ! И я не разъ,
Надъ жизнію смѣяться вслухъ не смѣя,
Смѣялся внутренно, воображая часть,
Когда на палубѣ сказала ты, блѣднѣя:
«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась.»

1853.

ПТИЧКА.

Пахнет полемъ воздухъ чистый...
Въ безмятежной тишинѣ,
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я,
    Что я боюсь — она не отзовется
Мнѣ на мою любовь, холодный смѣхъ тая,
    Что старая печаль, какъ лютая змѣя,
    Опять въ душѣ моей проснется!

Другъ, разрушать мечты ужъ я привыкъ давно,
И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
    Не въ первый разъ мнѣ суждено
    Быть самому себѣ тираномъ.

Но... если я любимъ... но если съ первыхъ словъ
    Она сама мнѣ бросится на шею!...
    Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?
Кто передъ женщиной рыдая пасть готовъ,
    Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто приученъ людьми не вѣрить ихъ участію,
    Кто къ лицемѣрью привыкъ —
    Тому нужна привычка къ счастью.

СПАСИБО.

Думаль я, что этой рвчи

Трепетъ, звукъ и теплота —

Эхо тайны, осторожно

Замыкающей уста...

И, рвчамъ твоимъ внимая,

Сердце мертвое моё

Оживало и молилось

За второе бытіе.

Зналъ ли я тогда, безумецъ,
Что для слуха моего
Твой привѣтъ — одна учтивость,
А для сердца — ничего?

Но за то тебѣ спасибо,
Что невинный твой обманъ
Изъ могилы сердце вызвалъ
На борьбу, для новыхъ ранъ!

Можетъ быть, въ любви сгарая,
Закипитъ оно враждой...
Все же лучше буря жизни,
Чѣмъ могила и покой!

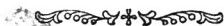
ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Слушай! вникни въ эту пѣсню!
Пѣснь моя легко наводитъ
На стезю, гдѣ безъ пріюта
Красота уныло бродить.

Слушай! Если слухъ твой тонокъ,
Ты поймешь ея страданья:
У нея и въ самомъ смѣхѣ
Отзывается рыданье.

Каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ
Очаруетъ молодая —
И пойдешь ты, какъ безумецъ,
Въ лѣсъ бродить, по ней вздыхая!

* * *

Какъ въ Ромео, когда въ роскошномъ снѣ
Онъ воскрешаетъ Юлію, во мнѣ
Печали, радости, любви такъ много,
Что я готовъ на долго отложить
Дорогу дальнюю до милаго порога —
Чтобъ дольше видѣть сны, чтобъ долѣе грустить!

1841.

* * *

Пришли и стали тѣни ночи —
На стражѣ у мопхъ дверей!
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мѣръ любви!
Ты, время, дряхлую рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаяся, назадъ.

Ея потупленные очи
Уже глядеть и не глядеть ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла ;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! погоди!

1842.

ЖАЛОБА.

Всѣ говорятъ, что стала я блѣдна,
Что блѣдность мнѣ къ лицу... Что въ этомъ толку!
Вѣдь вы не знаете, какъ часто я одна
Грущу и плачу — плачу въ тихомолку.
Сказать ли вамъ за тайну, отчего
За мной домашніе присматриваютъ строже?
Клянитесь — матушкѣ секрета моего
Не открывать... О, сохрани васъ Боже!
Вотъ видите — одинъ больной у насъ въ дому
Живеть: онъ съѣхалъ къ намъ на дачу... И сначала
Мнѣ было дико съ нимъ — не знаю, почему...

Но съ каждымъ днемъ къ нему я привыкала —
И наконецъ теперь, чтобъ нравиться ему,
Ужь я чего, чего себѣ не позволяю!
Чего не дѣлаю! Какихъ не прилагаю
Стараній, хитростей!.. То, косу распустья,
Я передъ нимъ играю, какъ дитя;
То въ уголь я сажусь, молчу и поминутно
Любуюсь имъ, и не умѣю путно
Сказать двухъ словъ; то съ небольшимъ вѣнкомъ
Изъ васильковъ, отъ матушки тайкомъ,
Къ нему на встрѣчу я сбѣгаю въ садъ старинной,
И у калитки тамъ, въ концѣ аллеи длинной,
Стою и жду...

Но что ни дѣлаю, ничто не помогаетъ:
По прежнему онъ холоденъ и тихъ;
По прежнему сидитъ, да книги все читаетъ...
Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!

МРАМОРНОЕ СЕРДЦЕ.

Ты назвала мое сердце
Мраморнымъ сердцемъ...
Знаешь ли —
Тайно желая меня уколоть,
Ты похвалу мнѣ сказала,
Бѣдный ребенокъ !

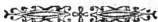
Мягкое сердце
Воску подобно ;
Таеъ оно —
Или подѣ пальцами
Рѣзвой дѣвушки
Всякую форму способно принять.

Обыкновенно жъ игрушку,
Куклу вы льпите —
И, награвшись вдоволь,
Въ уголь бросаете
Мраморъ же —
Мраморъ на что вамъ?
Мраморъ тяжелъ и не таетъ...
Мертвую глыбу
Камня одинъ лишь художникъ
Въ силахъ вполне оцѣнить!

О, если бъ только
Въ сердце твоемъ загорѣлся
Вѣчно творящій,
Все-согрѣвающій,
Все-проникающій пламень!...

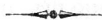
«Милый художникъ!»
Я бы невольно воскликнулъ :
«Смѣло бери свой рѣзецъ!
«Мраморъ рѣзцу лишь послушенъ. —
«Мраморнымъ сердцемъ владея,
«Ты полу-бога себя изваяй!»

1845.

ЗАТВОРНИЦА.

Въ одной знакомой улицъ
Я помню старый домъ —
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшеннымъ окномъ.

Тамъ огонекъ, какъ звездочка,
До полночи свѣтилъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тихонько шевелилъ.

Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила;
Какъ часто сила тайная
Меня туда влекла!

И что за чудо-дѣвушка
Въ заветный часъ ночной
Меня встрѣчала, блѣдная,
Съ распущенной косой!

Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ!

Какъ, не по-дѣтски пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,
Она дрожа шептала мнѣ:
«Послушай, убѣжимъ!»

«Мы будемъ птицы вольныя,
«Забудемъ гордый свѣтъ...
«Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ —
«Туда возврата нѣтъ!»

И тихо слезы капали,
И поцѣлуй звучалъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тревожно колыхалъ.

ВСТРѢЧА.

Вчера мы встрѣтились. Она остановилась;
Я также. Мы въ глаза другъ другу посмотрѣли.
О Боже! какъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась!
Въ глазахъ потухъ огонь, и щеки поблѣднѣли...
И долго на нее глядѣлъ я молча-строго.
Мнѣ руку протянувъ, бѣдняжка улыбнулась.
Я говорить хотѣлъ; она же ради-Бога
Велѣла мнѣ молчать, и тутъ же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья!»
А я хотѣлъ сказать: «На вѣчную разлуку,
«Прощай, погибшее, но милое созданье!»—

* * *

Не мои ли страсти
Поднимають бурю?
Съ бурями бороться
Не въ моей ли власти?
Пронеслася буря
И дождемъ и градомъ;
Пролилася туча
Надъ зеленымъ садомъ.

Боже! на листочкахъ
Облетѣвшей розы
Какъ алмазы блещутъ
Не мои ли слѣзы?

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Улеглася метелица; путь озарень...

Ночь глядитъ миллионами тусклыхъ очей.

Погружай меня въ сонъ, колокольчика звонъ ;

Выноси меня, тройка усталыхъ коней!

Мутный дымъ облаковъ и холодная даль

Начинають яснѣть; бѣлый призракъ луны

Смотритъ въ душу мою — и былую печаль

Наряжаетъ въ забытые сны.

То вдругъ слышится мнѣ — страстный голосъ поеть,

Съ колокольчикомъ дружно звеня:

«Ахъ, когда-то, когда-то мой милый прійдетъ,

«Отдохнуть на груди у меня!

«У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклы

«Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,

«Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,

«И трещитъ моя печь, озаря въ углу

«За цвѣтной занавѣской кровать...

У меня ли не жизнь! Ночью ль ставень открыть—
«По стьнь бродить мѣсяца лучъ золотой;
«Забушуетъ ли вьюга — лампада горитъ,
«И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,
«Все по немъ изнывая тоской!»

То вдругъ слышится мнѣ — тотъ же голосъ исетъ,
Съ колокольчикомъ грустно звеня:

«Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь, онъ войдетъ

«И, ласкаясь, обвинетъ меня!

«Что за жизнь у меня! — И тѣсна, и темна,

«И скучна моя горница; дуетъ въ окно...

«За окошкомъ растеть только вишня одна,

«Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна,

«И, быть можетъ, погибла давно.

«Что за жизнь! Полниль пестрый полога цвѣтъ;

«Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;

«Побранить меня нѣ-кому — милаго нѣтъ...

«Лишь старуха ворчитъ, какъ приходитъ соседъ,

«Оттого, что мнѣ весело съ нимъ.»

СМЕРТЬ МАЛЮТКИ.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И недѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба —
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ся маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.

А ужъ какъ бы она любовалась,
Если бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ недѣтское горе забыть...

* * *

Недѣлю назадъ мнѣ нашъ докторъ шутя говорилъ:
«Вы блѣдны, вамъ надобенъ воздухъ, вамъ нужно
движенье!»

И вотъ по террасѣ и взадъ и впередъ я ходилъ,
Но я не нашелъ я не могъ тамъ найдти развлеченья.

Въ гостиной сидѣлъ за раскрытымъ столомъ мой
отецъ;

Нахмуривши брови, сурово хранилъ онъ молчанье.
Старуха, надѣвъ какъ-то на бокъ нескладный чепецъ,
Гадала на картахъ; онъ слушалъ ея бормотанье.

Не много подальше, тайкомъ говоря межъ собой,
Двѣ гордыя тетки на пышномъ диванѣ сидѣли;
Двѣ гордыя тетки глазами слѣдили за мной
И, губы кусая, съ насмѣшкой въ лицо мнѣ глядѣли...

А въ темномъ углу, опустя голубые глаза —
Не смѣя поднять ихъ, недвижно сидѣла блондинка:
На блѣдныхъ ланитахъ ея трепетала слеза,
На жаркой груди высокò поднималась косынка.

ВЫЗОВЪ.

За окномъ въ тѣни мелькаетъ

Русая головка.

Ты не спишь, мое мученье,

Ты не спишь, плутовка!

Выходи жъ ко мнѣ на встрѣчу,

Съ жаждой поцѣлуя!

Къ сердцу сердце молодое

Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды

Слишкомъ ярко свѣтятъ:

Я плащемъ тебя одну

Такъ, что не замѣтятъ!

Если сторожъ насъ окликнетъ —

Назовись солдатомъ;

Если спросятъ, съ кѣмъ была ты —

Отвѣчай, что съ братомъ!

Подъ надзоромъ богомолки,

Вѣдь тюрьма наскучить;

А неволя по-неволь

Хитрости научить!

НОВОЙ ЛАУРЪ.

СОНЕТЪ.

Прости, поэзія! И вы, мечты Петрарки!
И ты, моя Лаура! Въ добрый часъ,
Отъ жениха глупца богатые подарки
Ты приняла. Ужъ обручили васъ.

Смѣшно! Какъ пьяница отъ лишней горькой чарки,
Я плачу — и готовъ на тысячу проказъ.
Судя по влажности твоихъ лукавыхъ глазъ,
Воображаю, какъ должны быть жарки —

Законныя лобзанья... Боже мой!
Не онъ ли былъ смѣшонъ тебѣ своей фигурой,
Своею важностью надутой и пустой?

Не ты-ли назвала его каррикатурой!
Но, впрочемъ, Богъ съ тобой! Кажись ему женой,
Какъ ты до сей поры казалась мнѣ Лаурой!

1849.

ПРОСТИ.

Пора... Прости! Никто не въдалъ
Глубокихъ тайнъ моихъ страстей,
И никому я права не далъ
Заплакать на груди моей.

Любви прекраснымъ упованьямъ
Разсудкомъ положи предѣлъ,
Страдая самъ, твоимъ страданьямъ
Я отозваться не хотѣлъ.

Искалъ я счастья, но повѣрить
Не смѣлъ я счастьемъ своему;
Мнѣ было легче лицемѣрить,
Чѣмъ вѣрить сердцу твоему.

И въ часъ прощальнаго привѣта,
Сгорѣвъ подавленнымъ огнемъ,
Другъ другу вѣчнаго объѣта
Мы легковѣрно не даемъ.

Быть можетъ, грустное мечтанье!
На скользкомъ жизненномъ пути,
Въ часъ равнодушнаго свиданья,
Мы вспомнимъ грустное: «прости!»

Тогда мы улыбнемся оба,
Другъ другу отдадимъ поклонъ —
И вновь простимся, чтобъ до гроба
Насъ не тревожилъ счастья сонъ.

ПОСЛѢДНІЙ РАЗГОВОРЪ.

Соловей поетъ въ затишь сада;
Огоньки потухли за прудомъ;
Ночь тиха. Ты можетъ-быть не рада,
Что съ тобой остался я вдвоемъ?

Я бѣ и самъ желалъ съ тобой разстаться;
Да мнѣ жаль покинуть ту скамью,
Гдѣ мечтамъ ты любишь предаваться
И внимать ночному соловью.

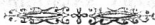
Не смущайся! Ни о томъ, что было,
Ни о томъ, какъ могъ бы я любить,
Ни о томъ, какъ это сердце нѣмо —
Я съ тобой не стану говорить.

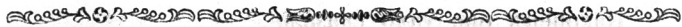
Рѣчь моя волнуетъ и тревожить...

Веселье соловью внимать,
Оттого, что соловей не можетъ
Заблуждаться и любя страдать...

Но и онъ затихъ во мракъ ночи,
Улетѣлъ, счастливецъ, на покой...
Пожелай и мнѣ спокойной ночи,
До пріятнаго свиданія съ тобой!

Пожелай мнѣ — ночи не замѣтить
И другимъ очнуться въ небесахъ,
Гдѣ бъ я могъ тебя достойно встрѣтить
Съ соловьиной пѣснью въ устахъ!

МАСКА.

Въ пестротъ, въ многолюдствъ собранья,
Празднымъ взоромъ, скользя безъ вниманья,
Злою скукой томимый давно,
У колоннъ встрѣтилъ я домино.

Протянувъ свою ручку-малютку,
Она сжала мою не на шутку;
На лицъ моемъ жаръ заигралъ,
Но я милой моей не узналъ.

Изъ-подъ шелковой розовой маски,
Какъ двѣ звездочки, теплились глазки,
И на мнѣ остановленный взоръ
Выражалъ и любовь и укоръ.

Наконецъ она тихо сказала :

« Я давно, я вездѣ васъ искала! »
Измѣнилъ рѣчи трепетный звукъ,
Я узналъ трепеть милыхъ мнѣ рукъ.

О, во имя любви простодушной,
Не снимай этой маски бездушной!
Я боюсь, другъ мой милый, любя,
Въ этотъ мигъ я боюсь за тебя.

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Пусть пройдетъ клевета безъ вниманья;
И любви откровенной слова
Не подслушаетъ злая молва!

ДУБОКЪ.

Тихо проносится почь благовонная;
Миръ, внемля Богу, молчить...
Въ рощѣ одной лишь осинка безсонная,
Листья колебля, шумить.

Къ ней прислоня свои вѣтви тяжелыя,
Дремлетъ дубокъ молодой.
Видитъ онъ сны не совсѣмъ-то веселые,
Возлѣ подруги ночной.

«Спи! ему шепчетъ осинка тревожная:
«Спи, мой дубокъ молодой!
«Бури опасны, но я, осторожная,
«Буду беречь твой покой!»

«Снились мнѣ бури, нашъ край посѣтившія,
Молвилъ дубокъ молодой :
«Снилось мнѣ, будто деревья подгнившія
«Сломаны бурей ночной...

«Снилось, подъ бурями выросъ высоко я—
«Выше столѣтнихъ дубовъ;
«Видѣлъ свободно я небо далекое,
«Блескъ заревыхъ облаковъ...

«Видѣлъ, какъ на небѣ тихо сиплетаются
«Звѣзды въ узоръ золотой —
«И говорятъ, что онѣ загораются
«Съ тѣмъ, чтобъ беречь мой покой!»

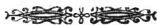
Такъ говорилъ онъ; но, вновь засыпающій,
Словно задумался онъ...
Листьевъ осиновыхъ шопотъ ласкающій
Вновь погрузилъ его въ сонъ.

* * *

Посмотри — какая мгла
Въ глубинѣ долинь легла!
Подъ ея прозрачной дымкой,
Въ сонномъ сумракѣ ракичь
Тускло озеро блестить.
Блѣдный мѣсяць невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучь,
Безъ пріюта въ небѣ ходить
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучь.

Н О Ч Ъ

ВЪ ГОРАХЪ ШОТЛАНДИИ.

Спишь ли ты, братъ мой?
Ужь ночь остыла ;
Въ холодный,
Серебряный блескъ
Потонули вершины
Громадныхъ,
Синьющихъ горъ.

И тихо и ясно —
И слышно, какъ съ гуломъ
Катится въ бездну
Оторванный камень ;
И видно, какъ ходить,

Подъ облаками,
На отдаленномъ
Голомъ утесъ,
Дикій козленокъ.

Спишь ли ты, братъ мой?
Гуще и гуще
Становится цвѣтъ полуночнаго неба;
Ярче и ярче
Горятъ планеты —
Грозно
Сверкаетъ во мракъ
Мечъ Оріона.

Встань, братъ !
Изъ замка
Невидимой лютни
Воздушное пѣнье
Принесъ и унесъ свѣжій вѣтеръ...
Встань, братъ !
Отвѣтный,
Пронзительно-рѣзкій
Звукъ мѣднаго рога
Трижды въ горахъ раздавался,
И трижды
Орлы просыпались на гнѣздахъ.

В Е Ч Е Р Ъ .

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры ;
Сквозить лучезарное море ;
Затихъ по дорогъ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный ;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась ;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка ;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана —
И въ каждой росинкѣ трепещеть
Зари догорающей пламя.

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

О, благодатная, святая влага !
Со всѣхъ сторонъ,
Съ востока солнца до заката солнца,
Объемля міръ,
Изъ облаковъ на жаждущія нивы
Не ты-ль дождемъ
Серебрянымъ, при звукахъ грома,
Шумишь — какъ духъ,
Когда по воздуху, очамъ незримый,
Несется онъ,
По сторонамъ разбрасывая складки
Своихъ одеждъ !

О, благодатная, святая влага !
Изъ нѣдръ земныхъ
Тебя сосеть змѣеобразный корень ;
Тобой живутъ

И рисъ, и тернъ, и виноградъ, и фи́га ;

Не ты ль поишь

Усталаго среди степей верблюда —

И въ знойный день

Онъ весело бѣжитъ, напрягши силы,

Когда вдали

Заслышитъ тихое, подъ дикимъ камнемъ,

Журчанье струй !

Земля сгорить, и лопнетъ камень ,

И упадутъ

На рубежахъ поставленыя горы...

Лишь ты одна

Кипящими зальешь волнами

Развалины —

Пылающаго міра, и густой,

Горячій дымъ —

Прокатится, гонимый вѣтромъ,

Изъ края въ край.

О, благодатная, святая влага !

Обмой меня —

И освежи меня, и напой

Того, кто жаждетъ !

ДОРОГА.

Глухая стена. Дорога далека!
Вокруг меня волнует вѣтеръ поле;
Вдали туманъ. Мнѣ грустно поневоля,
И тайная беретъ меня тоска.

Какъ кони не бѣгутъ, мнѣ кажется лѣнливо
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и тожь,
Все степь да степь, за нивой снова нива...
Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
«Про черный день мы пѣсню бережѣмъ!»

— Чему жъ ты радъ? — « Недалеко до хаты —
« Звакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ. »

Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдеть ямщикъ подъ кровлею своей.
А я усталъ — покой давно мнѣ нуженъ ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.

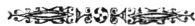
Ну, ну, живѣй ! Долга моя дорога !
Сырая ночь — ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поеть... Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня !

Л Ъ С Ъ.

Въ тѣ дни, какъ вврилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ,
Безпечнымъ отрокомъ зашелъ я въ темный лѣсъ,
И самого себя я спрашивалъ, зачѣмъ
Въ прохладѣ сиящій лѣсъ такъ пасмуренъ и нѣмъ?
Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ миллионъ,
Дрожа, задвигались; ихъ вѣтеръ всколыхалъ...
По шепчущимъ листьямъ шумъ смутный пробѣжалъ—
И оглянулся я, встревоженный моимъ
Воображеніемъ, пугливымъ и живымъ....
— «Не бойся!» услыхалъ я въ шопотъ листовъ:
«Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ !
«Русалка никогда, подъ купою березъ,
«Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ косъ;

«И никогда, въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ,
«Не встрѣтишь ты лѣсныхъ уродливыхъ духовъ;
«Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепну!
«Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну —
«Одну красавицу изъ ближняго села...
«Она свѣжа, какъ май, какъ юноша, смѣла.
«Въ тотъ часъ, когда лѣса, въ изнеможенъ силъ,
«Росу глотая, ждуть полуночныхъ свѣтилъ,
«Иль, утонувъ во мглѣ трепещущихъ вѣтвей,
«Начнетъ рыдать и пѣть вечерній соловей,
«Она садится здѣсь на край гнилаго пня,
«Къ ладони жаркую головку приклоня;
«Она садится здѣсь, печальна и одна,
«Въ неодолимья мечты погружена,
«И долго слушаетъ, какъ соловей гремитъ —
«И не по твоему желаетъ и груститъ.
«Но не спиши, дитя, бѣжать на встрѣчу къ ней!...
«Всѣхъ сказочныхъ чудесъ — повѣрь! — она страшнѣй;
«И можетъ быть — увы!» шепталъ мнѣ лѣсъ густой:
«Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
«И для души твоей придетъ пора чудесъ —
«Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ!»

* * *

Жизнь движется вперед походкою неровной;
Ея намъренья ужели ты постигъ!
Чтобъ высказать себя, жизнь ловить мигъ условный;
Ужели отъ тебя зависить этотъ мигъ?
Жизнь, терпеливая, привыкла къ испытаньямъ —
Не вѣдасть конца и не спъшитъ къ концу.
Поэтъ! Не вѣрь ея тоскливымъ ожиданьямъ,
И вѣрь съ трудомъ ея веселому лицу.

М. А. С—ВОЙ.

Гдѣ-бъ ни былъ стихъ, рожденный мной,
Записанъ вѣрною рукой —
Въ стѣнахъ ли города, гдѣ шумъ
Толпы смущалъ мой бѣдный умъ,
Или въ задумчивой тиши
Невозмутимыхъ вечеровъ,
Подобно шороху листовъ,
Ему не высказать души
Тому, кто сердцемъ не готовъ
Страданье понимать безъ словъ.

Спроси : о чемъ шумить потокъ,
Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ,
Въ тень полуденныхъ лучей,
Легко послушный вѣтерку,
Принавъ головою своей

Къ другому нѣжному цвѣтку!
Спроси: о чемъ такъ тяжело громъ
Гремитъ изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,
А лѣсъ, охваченный дождемъ,
О чемъ шумить ему въ отвѣтъ?...

Природа громко говорить
Понятное простымъ сердцамъ;
Но рассказать не можетъ намъ
Всего, что грудь ея таитъ,
Всего, что слышитъ лишь пророкъ
И понимаетъ, какъ намѣкъ,
Намѣкъ на то, что въ глубинѣ
Немногихъ душъ лежитъ на днѣ.

Такъ — пусть звучитъ передъ тобой
Мой стихъ загадочно-простой,
Всѣмъ слышный, но не всѣмъ родной:
Авось, когда пройдутъ года —
И я заглохну гдѣ нибудь,
Когда прійдетъ твоя череда
И оглянуться, и вздохнуть,
Припомнишь ты не безъ труда,
Среди знакомыхъ лицъ, того,
Кого ты знала, и кого
Ты не узнаешь никогда...

БРЕДЪ.

Твой свѣтлый ликъ вчера являлся мнѣ
Въ какомъ-то странномъ полуснѣ.
Ты на меня смотрѣла съ состраданьемъ,
Какъ-будто передъ разставаньемъ.

Лаская слухъ, звучалъ мнѣ голосъ твой:
«Не умирай, о милый мой!
«Не уноси съ собой въ предѣль безплотныхъ
«Земли страданій мимолѣтныхъ!

«Еще не все извѣдано тобой,
«Подъ этимъ солнцемъ и луной.

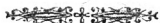
«Ты погибалъ, въ холодной тѣмѣ блуждая —
«Блуждалъ, любви моей не зная.

«Дай сердце мнѣ! Его я сберегу :
«Здѣсь на землѣ я все могу...
«Но не могу любви могучимъ словомъ
«Тебя утѣшить въ мѣръ новомъ.

«Прійди ко мнѣ! Склонись на грудь мою!
«Узнай, какъ я тебя люблю!...»
И въ полуснѣ, твоимъ рѣчамъ внимая,
Я плакалъ, недоумѣвая...

Какъ счастья земнаго сонъ живой,
Ты, вся любовь, была со мной,
И нежныя твои лобзалъ я руки —
И трепеталъ, боясь разлуки...

1853.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

За чѣмъ покинулъ я въ долинь домъ родной
И рощи свѣжія, шумящія ручьями?
«Не унывай, мой сынъ! За этими скалами,
«Предъ нами ляжетъ путь широкій и прямой.»
— Отецъ, отецъ! Пусти меня домой!
Мнѣ страшно здѣсь, — какой-то гулъ невнятный..
«То море за горой насъ чуетъ и шумитъ,
«Надеждой манитъ вдаль — и бурями грозитъ.»

Идемъ! Душа полна тревоги непонятной...
Такъ вотъ оно, безбрежье вѣчныхъ водъ!
Прекрасно-гнѣвное, оно меня зоветъ.
Въ сердитомъ плескъ волнъ, отброшенныхъ скалами,
Я слышу голосъ, грозно нами
Повелывающій — и содрогаюсь я,
И на корабль, какъ робкое дитя,
Всхожу послушными шагами.

КЪ ***.

Кто по неволь оторвалъ
Отъ сердца, съ болью нестерпимой,
Любимыхъ думъ предметъ любимый;
Кто постепенно разрушалъ
Свои святыя убъжденья
И, какъ ночное привидѣнье,
На ихъ развалинахъ стоналъ —
Пускай надменно презирать,
Негодовать и отрицать
Онъ грустнымъ пользуется правомъ!
Онъ дорого его купилъ :
Цѣною напряженныхъ силъ,
Тщетою труда въ поту кровавомъ.
И пусть ему съ тоской въ очахъ
Внимаетъ молодое племя!

Быть-можетъ въ злыхъ его рѣчахъ
Таится благъ грядущихъ сѣмя.

А ты, что видѣлъ жизнь во снѣ
И не насытился вполне,
И не страдалъ святымъ страданьемъ!
Не потому ли осмѣять
Ты радъ любовь, святыню нашу,
Что самъ не въ силахъ приподнять
И смѣло вышить эту чашу?
Повѣрь — затерянный въ толпѣ,
Ты скоро наконецъ судьбѣ
Протянешь руку; постепенно,
Въ тревогъ мелочныхъ заботъ,
Твой голосъ дерзскій и надмѣнный
Неповторяемо замрѣтъ!

НОЧЬ.

Отчего я люблю тебя, светлая ночь —
Так люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь —
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!...

Что мнѣ звезды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цветка —
И какъ путь золотой черезъ море бѣжить!
Ночь! За что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
Усладить-ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ-ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Развѣшить-ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепеть сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракъ садовъ,
Гармоническій говоръ струнъ ключевой!
Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ!
Освѣжить-ли онъ знойную бездну души —
Заглушить-ли онъ бурю мятежную думъ —
Все, что жарче въ потьмахъ и слышнѣе въ тиши!

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
Такъ люблю, что страдая, люблюсь, тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого можетъ-быть, что далекъ мой покой.

НИЩІЙ.

Знавалъ я нищаго : какъ тѣнь,
Съ утра , бывало , цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянiя просилъ ;
Но все , что въ день ни собиралъ ,
Бывало , къ ночи раздавалъ
Больнымъ , калѣкамъ и слѣпцамъ —
Такимъ же нищимъ , какъ и самъ .
Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ :
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ ,
Какъ нищій старецъ изнурѣнъ ,
Духовной пищи просить онъ ;
И все , что жизнь ему ни шлетъ ,
Онъ съ благодарностью беретъ ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими жъ нищими , какъ самъ .

НА МОГИЛѢ.

Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ ; забытая могила,
Вчера зарытая, травою поростетъ,
И плугъ пройдетъ по ней, и прахъ, давно остылый,
Могущественный дубъ корнями обовѣетъ...
Онъ гордо зашумитъ вершиною густою ;
Подъ тѣнь его любовники прійдутъ —
И сядутъ отдыхать вечернею порою,
Посмотрять въ даль, поникнуть головою
И темныхъ листьевъ шумъ, задумавшись, поймутъ...

* * *

Священный благовѣсть торжественно звучить,
Во храмахъ фиміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святые помыслы души моея мрачить.
И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ—
Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
И эту пустоту ни что не озаряетъ:
Дыханьемъ бурь мой свѣточъ погашень,
Бездонный мракъ на вопль не отвѣчаетъ...
А жизнь — жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...
Но будетъ свѣтлый мигъ; ударитъ громъ въ пустынь,
И молнія свѣтильникъ мой зажжетъ,
И гордое чело поклонится святынь—
И правду вѣчную духъ вѣчный обрѣтетъ!

1843.

* * *

Вчера за васъ погибъ онъ на дуэли.
Утѣштесь! Для чего напрасно слезы лить?
Иль думаете вы, что могъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Съ такимъ безуміемъ, такъ слѣпо васъ любить?
О, нѣтъ! Повѣрьте мнѣ — отъ васъ, отъ злаго свѣта,
Онъ радъ былъ убѣжать скорѣй куда-нибудь,
Иль въ десяти шагахъ на выстрѣль пистолета
Надмѣнно выставить озлобленную грудь.
Онъ клялся вамъ — какъ будто невозможно
Отъ скуки на себя съ расчетомъ клеветать?
И жизнь, когда она казалась такъ ничтожна,
Что стоило ему за васъ ее отдать?

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

Скажи строптивымъ, малодушнымъ,
Коварно-злымъ и непослушнымъ,
Что въ неразуміи своемъ
Меня слѣпцы лишь не находятъ,
И не идутъ прямымъ путемъ,
А оцунью въ потемкахъ бродятъ.

Не спрячутъ ихъ запоры башень!
Вездѣ найдетъ ихъ Азраиль —
Прійдетъ незванный, бѣденъ, страшень,
И изо всѣхъ ударитъ снѣдь...

И вздрогнуть каменные стѣны,
И подогнутся ихъ колѣны.

Пророкъ! напомни маловѣрнымъ,
Что я приѣду нелицемѣрнымъ
Судомъ судить — и будетъ течь
Рѣка огня въ тотъ день, и будутъ
Ихъ на цѣпяхъ желѣзныхъ жечь...
Напомни имъ — да не забудутъ!

У Т Р О.

Вверхъ по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ туманъ восходитъ
Изъ долинъ цветущихъ;
Онъ, какъ дымъ, уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя, —
И разсываясь.
Лучъ зари съ лазурью
На волнахъ трепещеть;
На востокъ солнце

Разгараясь блещеть...

И сияеть утро,

Утро молодое...

Ты ли это, небо

Хмурое, ночное?

Ни единой тучки

На лазурномъ небѣ...

Ни единой мысли

О насущномъ хлѣбѣ...

О, въ отвѣтъ природѣ,

Улыбнись, отъ вѣка

Обреченный скорби

Геній челоуѣка !

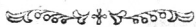
Улыбнись природѣ,

Вѣрь знаменованью !

Нѣтъ конца стремленью —

Есть конецъ страданью.

1845.

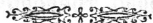
ПОСЛѢДНІЙ ВЫВОДЪ.

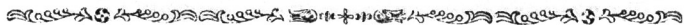
(Посвящается А. Нов...су.)

Первоначальныхъ лѣтъ неясныя стремленья,
И все, чему найдти не могъ я выраженья;
Безумной юности неосторожный пылъ,
И все, чѣмъ сердце я на вѣки отравилъ;
Возвышенныхъ надеждъ несбыточныя грѣзы,
И та дѣйствительность, къ которой я привыкъ;
Смѣшнымъ невѣріемъ осмѣянныя слѣзы,
И внутренней борьбы ни къмъ не слышный крикъ;
Всѣ прежнія мечты, всѣ страсти, всѣ желанья,
Все равнодушіе къ тому, чего ужъ нѣтъ, —
Всѣ вмѣстѣ, какъ одно все цѣлое страданье,
Могло бѣ въ сердцахъ людей найдти себѣ отвѣтъ...
Но я не жду его, я не прошу отвѣта;
И все, что скажутъ мнѣ, я знаю напередъ :
«Мы такъ же, какъ и ты, похожи на Гамлета;
«Ты такъ же, какъ и мы, немножко Донъ-Кихотъ.»

1853.

ПРИМАДОННЪ.

О, пой, Примадонна!

Авось вдохновенья

Твое освежить насъ

Хотя на мгновенья;

Напомнить минуты

Отрады случайной —

Минуты, для свѣта

Покрытыя тайной.

Въ тяжелое время

Всеобщаго торга,

Такъ рѣдки, такъ сладки

Волненья восторга!

О, пой, Примадонна!

Толпа рукоплещеть;

Ожившее сердце

Пугливо трепещетъ...

И мнится: близъ рая,
У замкнутой двери,
Поеть безнадежно
Заблудшая пери;
А демонъ изъ бездны,
Напъву внимая,
Гремя рукоплещеть
Изгнанницъ рая.

1852.

* * *

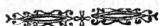
О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.

За чѣмъ такъ рано погребать
Невозможалыя надежды,
И съ простодушіемъ невѣжды
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна —
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,
Своимъ стремленіемъ готовыхъ

Тебя невольно увлекать —
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятень смыслъ его рвчей —
Глаголь, въ пустынь воиющій,
Неумолкаемо-зовущій.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

На скамьѣ, въ тѣни прозрачной
Тихо-шенчущихъ листовъ,
Я всю ночь готовъ, какъ сторожъ,
Просидѣть до пѣтуховъ.
Далеко мелькаютъ звезды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется
Свѣтъ волшебный отъ луны.
Жизни лучшія мгновенья,
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты;
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смѣшно,

Все, что спить въ душѣ глубоко —
Въ этотъ мигъ озарено.

Отчего-жъ былого счастья
Мнѣ теперь ни чуть не жаль?
Отчего бывая радость
Безотраднa, какъ печаль?
Отчего печаль бывая
Такъ свѣжа и такъ ярка?...
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

ВЕСТАЛКА.

(Посвящается Н. Θ. Щербинь.)

«Вставай, Секстилія! Пора! На этотъ разъ,
«Готовъ ли факель твой?» Но, сердцемъ изнывая,
Не спать во тмѣ ночной Весталка молодая,
Увы! ночникъ ея погасъ...

Безъ факела идетъ Секстилія во храмъ.
Какъ жрица Весты, тамъ она огонь священный
Должна блюсти; таковъ обычай неизмѣнный,
Угодный царственнымъ богамъ.

Вотъ древній жертвенникъ. Тайственный огонь
Горить. Лучи, дрожа, скользятъ на мраморъ млечный—
На неподвижный ликъ, на грудь богини вѣчной
И на простертую ладонь.

Приблизившись къ огню, Секстилія жезломъ
Пошевелила пламя; возль пьедестала,
Облокотилась — и, откинувъ покрывало,
Поникла на руку челомъ.

Стоить... И снится ей Полибій молодой...
Не онъ ли, въ Коллизей спеша, въ плащъ зеленомъ,
За колесницею летить, на заныленномъ,
Конь, по звонкой мостовой?

Подъ мѣдной каскою, въ одеждѣ боевой,
По тѣснымъ площадямъ, неопытный, но смѣлый,
Не онъ ли, издали, какъ тѣнь, слѣдить за бѣлой
Одеждой съ пурпурной коймой?

И тамъ, гдѣ мутный Тибръ изъ-за публичныхъ бань
Бѣжить въ сады, пріютъ статуй уединенныхъ —
Сатировъ съ нимфами и грацій обнаженныхъ,
И гдѣ, какъ трепетную лань,

Ее вчера смутилъ знакомый шумъ шаговъ,
Гдѣ поняла она все, все — мольбы, желанья,
Любви прощальный вздохъ, съ надеждой на свиданье,
И горькій ропотъ на боговъ —

Ей снится блѣдный ликъ и томные глаза,
Одушевленные мучительною страстью...

Кто можетъ изъ владыкъ земныхъ, вѣнчанныхъ властью,
Сказать грозь: «Молчи, гроза!»

И вспомнила она младенческіе дни —
Тѣ дни, когда отецъ и мать, убравъ цвѣтами,
Къ подножью Весты, съ громкими мольбами,
Ее на жертву привели.

— На жертву!... Для чего?... И вотъ, ея глаза
Изъ подъ густыхъ рѣсницъ блеснули небывалымъ
Огнемъ, стѣснилась грудь, и по ланитамъ впалымъ
Сбѣжала знойная слеза...

И отступя на шагъ, надъ юной головой
Скрестя прекрасныя, до плечъ нагія руки,
Со всеми знаками невыносимой муки,
То упрекая, то съ мольбой —

Какъ Пцѳія, въ бреду Весталка говорить:
«Богиня! для чего беречь мнѣ этотъ пламень?
«Ты холодна; но я — не ты, не мертвый камень,
«Въ которомъ кровь не закипитъ!»

«Ты видишь — я больна... Во снѣ и на яву,
«Я брежу имъ! Гляди, какъ сами плачутъ очи!
«Подслушай лепеть мой, когда на ложе ночи
«Я мысленно его зову!»

«Скажи мнѣ: кто зажегъ огонь въ моей груди,

«И отчего мнѣ тяжело это покрывало?

«Сойди, бессмертная богиня, съ пьедестала —

«И сердце смертной остуди!

«Тебѣ я отдала мои молодые дни...

«Иль жертва страшная чудесъ твоихъ не стоитъ!

«Такъ — если знаешь ты, какъ это сердце ность,

«Надмѣнная! пошевелини —

«Надъ этимъ алтаремъ простертою рукой...

«Одною складкой мраморной одежды ..

«Пускай со страхомъ, но не безъ надежды,

«Я ницъ паду передъ тобой!

«Увы! суровъ твой ликъ; десница тяжела;

«Твои глаза глядятъ, лучей не отражая...

«Рыдаю — ты мертва! Тебя не согрѣвая,

«Горитъ пахучая смола!

«Но не къ одной тебѣ я шлю мои мольбы...

«Богини вѣчнаго Олимпа, къ вамъ взываю!

«Скажите — именемъ судьбы я заклинаю —

«Какъ устоять противъ судьбы?

«Чѣмъ можетъ смертная умѣрить злую страсть,

«Тогда какъ сами вы ея очарованью

«Готовы уступить, и жадному лобзанию
«Вполнѣ отдать себя во власть?»

«Однихъ ли вы боговъ ласкали на груди?
«Иль мало вамъ небесъ! Иль мало вамъ сознанья,
«Что ваша молодость вѣчна безъ увяданья,
«Что нѣтъ вамъ смерти впереди!

«А мнѣ!... Мнѣ все грозитъ съ утратой лучшихъ лѣтъ;
«И съдина, и гробъ... Что хуже этой казни!
«И я — я не должна подумать безъ боязни —
«Нарушить тягостный обѣтъ!

«О ненавистная, о рабская боязнь!
«Долой покровъ! Я рву его на части...
«Потухни, жертвенникъ, какъ это пламя страсти —
«Потушить завтрашня казнь!»

И жертвенникъ потухъ...

1849.

ВЗЯТІЕ МЕМФИСА.

На стогнахъ Мемфиса неистовые крики —
И стонъ, и горькій плачь. Поруганный алтарь
Въ крови боговъ дымится; блѣдны лики
Жрецовъ. Ужасенъ мечъ персидскаго владыки —
Въ плъну, въ цѣпяхъ мемфискій царь!

Онъ смотритъ изъ окна тюрьмы, въ толгъ рабовъ
Распознавая дочерей несчастныхъ,
И благородныхъ женъ властительныхъ жрецовъ...
Никто не слышитъ жалобъ ихъ напрасныхъ!
И видитъ онъ свою возлюбленную дочь :
Блѣдна, окружена безстыдною толпою,
На молодомъ плечъ несетъ ведро съ водою —

И ей нести его не-вмочь.
Но царь молчить въ уныніи глубокомъ —
И зорко пльнику въ глаза
Глядитъ Камбизъ лукавымъ окомъ ;
И ждетъ онъ царскихъ слезъ, чтобъ хлынули потокомъ —
Но ни одна его не радуеть слеза...

И видитъ пльный царь изъ тьснаго угла
Своей тюрьмы : двѣ тысячи рядами
Отборныхъ юношей, опутанныхъ цѣпами
И взнузданныхъ въ стальные удила,
Ведутъ на злую казнь — и въ вопляхъ, заглушенныхъ
Бряцаньемъ ихъ цѣпей, онъ вопли матерей
Распознаеть, и видитъ обреченныхъ
На жертву милыхъ сыновей...
Но царь молчить въ уныніи глубокомъ —
И зорко пльнику въ глаза
Глядитъ Камбизъ лукавымъ окомъ ;
И ждетъ онъ царскихъ слезъ, чтобъ хлынули потокомъ —
И не одна его не радуеть слеза...

Но вотъ къ окну тюрьмы, съ поникшей головой,
Подходитъ старецъ, тощій, блѣдный,
Изнеможенный, съ нищенской сумой...
Онъ просить подаенья — старецъ бѣдный !
На шеѣ у него желѣзное кольцо ;

Къ кольцу привязана веревка роковая...
И вскрикнулъ пльнный царь, внезапно орошая
Слезамн блѣдное лицо...

И пльнника, съ невольнымъ изумленьемъ,
Спросилъ Камбизъ, свой грозный ликъ
Смягчивъ минутнымъ выраженьемъ
Улыбки, смѣшанной съ какимъ-то сожаленьемъ:
«Кто этотъ въ рубищъ старикъ?»

И пльнный царь тогда ему проговорилъ :
«Камбизъ! Для собственныхъ несчастій
«Въ душѣ я горькихъ слезъ довольно накопиль;
«И радуюсь, что ты надъ ними власти
«Имѣть не можешь; но не о себѣ, о немъ
«Я плачу — бѣдняка ошакиваю долю...
«Увы! Онъ лучше насъ; онъ былъ моимъ рабомъ
«И дружбой мнѣ платилъ за вѣчную неволю!»

ФАКИРЪ.

I.

Въ роцъ, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ подь коры,
Ключь, журча, струился чистый
Изъ-подь каменной горы.
То, мелькая за кустами,
Разливался онъ, то вдругъ
Падалъ звучными струями,
Разсыпаясь, какъ жемчугъ.

Съ раннимъ солнцемъ изъ долины,
Тамъ, по каменной горъ,
Погружая свои кувшины,
Умываться на зарь,

Жены смуглыя толпами
Не спѣша къ потоку шли,
Пѣли гимны, и перстами
Косы длинныя плели.

И зеленые платаны,
Окружа гранитный храмъ,
Гдѣ сидѣли истуканы
Въ темныхъ нишахъ по стѣнамъ,
Надъ потокомъ простирали
Листьевъ зыблемый покровъ,
И отъ солнца тѣнь бросали
На задумчивыхъ жрецовъ.

Дѣти солнечнаго края,
Почитатели Вишнѹ,
Тотъ потокъ — «потокомъ рая»
Величая въ старину,
Разглашали, будто духи
Эту воду стерегли..
И носились эти слухи
Отъ Калькуты, до Бенгліи.

Говорили на востокъ :
Будто въ ночь, когда роса
Станетъ капать, въ томъ потокѣ
Слышны чьи-то голоса ;

Что невидимыя руки,
Подъ волнами при звѣздахъ,
Издають глухіе звуки
На невѣдомыхъ струнахъ...

Караванъ ли шель съ товаромъ —
Сотня тамъ ручныхъ слоновъ
Въ камышахъ паслась не даромъ,
Близъ священныхъ береговъ...
И не даромъ изъ околныхъ
Странъ въ ту рощу за водой
Шло такъ много богомольныхъ,
Строгихъ Индусовъ толпой.

И съ неутоленной жаждой
На запекшихся устахъ,
Изъ числа пришельцевъ каждый,
Чтобъ омыться въ тѣхъ водахъ —
Къ нимъ, израненный жестоко,
На колынахъ подползаль,
И въ святыхъ волнахъ потока
Исцѣленья ожидалъ.

«Страшно, страшно покаянье!»
Пѣль унылый хоръ жрецовъ :
«Нужно самоистязанье,
«Постъ, молитва, потъ и кровь!»

« Жизнь есть вѣчное броженье,
« Сонъ роскошный, но пустой;
« Вѣчность есть уничтоженье,
« Смерть — таинственный покой.
« Бѣдный смертный, наслаждайся,
« Иль, страдая до конца,
« Самъ собой уничтожайся
« Въ лонѣ вѣчнаго отца!»

II.

И на камнѣ, близъ потока,
Чтобъ стоять и ночь и день,
Вознеслася одиноко
Человѣческая тѣнь...
Вѣрный страшному обѣту,
Для Брамъ покинувъ мѣръ,
Тамъ какъ тѣнь, чужая свѣту,
Десять лѣтъ стоялъ факиръ.
Солнце жгло его нагя
Плечи — и, шумя въ травѣ,
Вѣтеръ волосы густые
Шевелилъ на головѣ...

Но рука его не смѣла
Шевельнуться на груди,

Глубоко врѣзая въ тѣло
Ногти длинныя свои;
А другая поднимала
Пальцы кверху и, какъ трость,
Протянувшись, высыхала
Кожей стянутая кость.

Старики его кормили,
Даже дѣти иногда
Въ скорлупѣ къ нему носили
Сокъ нажатого плода.
На него садилась птица;
Говорили про него:
Шла голодная тигрица
И не тронула его.

Тамъ кричала обезьяна,
И, къ лицу его склонясь,
Кольхала вѣтвь банана,
Длинной лапой уцѣплясь;
Листья весело шумѣли,
Звучно пѣнился потокъ...
Но глаза его глядѣли,
Не мигая, на востокъ.

Тѣ глаза глядѣли мутно...
Имъ мерещилось вдали,

Все, что было недоступно
Бѣднымъ странникамъ земли :
Тѣ лазурные чертоги,
Тѣ воздушные холмы,
Гдѣ, творя, витають боги
Въ лонѣ вѣчнаго Брамы.

Недоступное мелькало ;
Все жъ, доступное очамъ,
Для него давно пропало :
И гора и лѣсъ и храмъ,
И священнаго потока
Волны — чудилось ему —
Въ немъ самомъ кипятъ глубоко,
Изъ него бѣгутъ къ нему...

III.

Передъ праздникомъ Лакшми *),
Въ полночь, за двѣнадцать дней,
Той порой, когда златыми
Міріадами лучей
Синій мракъ небесъ глубокихъ,
Какъ алмазами, горить,
Той порой, какъ спятъ покои,

---

*) Или Лакшми — жены Вишну.

Горы смятъ и роща спить —
Тихо лунное сіянье
Почивало на горахъ ;
Струй незримыхъ лепетанье
Раздавалося въ кустахъ...
Въ рощѣ глухо потемнѣвшей,
Слышно было, какъ порой
Отрывался перерзвѣшій
Плодъ отъ ветки самъ собой.

Вдругъ какъ будто самъ Рава̀на *),
На боговъ подьема рать
Въ черныхъ тучахъ урагана
По горамъ пошелъ шагать...
По горамъ пошелъ — и съ трескомъ,
Камень сбросивши съ вершинъ,
Озарилъ румянымъ блескомъ
Серебро своихъ съдинъ.

На гнѣздѣ проснулась птица ;
Эхо звонко разнеслось...
И какъ будто колесница
Прокатилась въ сто колѣсь...
Въ это время берегъ дикій,
На которомъ цѣпепель

Изъ великановъ, непріязненныхъ боговъ.

Этотъ праведникъ великій,
Содрогнулся и осель.

И страдалецъ добровольный,
Потрясень и пораженъ,
Кинуль взглядъ вокругъ невольный,
На которомъ чудный сонъ
Тяготъль, ему являя,
На краю ночныхъ небесъ,
Въчный день ино́го края,
Въчный міръ иныхъ чудесъ.

Вдругъ онъ слышитъ — голосъ томный
За горою говорить:

«На меня сей часъ огромный

«Съ высоты упаль гранить.

«Онъ пресѣкъ мое стремленье,

«Онъ моимъ живымъ струямъ

«Даль другое направленье,

«По излучистымъ горамъ...

«Ты душой стремишься къ Богу —

«Я по каменнымъ плитамъ

«Пролагалъ себѣ дорогу

«Къ светлымъ Гангеса водамъ...

«Сжался, праведникъ! Отнынѣ

«Я ползу, ползу, какъ змѣй,

«По гнилой болотной тинѣ,
«Подъ корнями камышей...»

«Позови жь своихъ собратій,
«Позови своихъ сыновъ!...»

«Позови!...» И голосъ томный
Оборвался, какъ струна,
И во мракъ ночи сонной
Вновь настала тишина.

IV.

Утра пламень золотистой
Проникаль изъ за горы
Въ рощу, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ—подъ коры,
Птицы кротко щебетали,
И блестящіе листья
Капли жемчуга роняли
На траву и на плиты.

По дорогъ шли брамины,
По горъ толпами шли
Жены, дѣти, и кувшины
Руки смугляя несли...
И потомъ они спускались
Къ тѣмъ священнымъ берегамъ,

Гдѣ платаны разросались,
Окружа гранитный храмъ.

Тамъ въ дверяхъ жрецы толпились
Съ дикимъ ужасомъ въ очахъ,
И свѣтильники дымились
Въ ихъ опущенныхъ рукахъ...
Гдѣ вчера струи журчали,
Гдѣ святой лился потокъ —
Камни ребрами торчали
Да сырой желтѣль песокъ.

А на берегу потока,
Гдѣ такъ свято, ночь и день,
Возносилась одиноко
Человѣческая тѣнь —
Тѣло мертвое лежало,
Опрокинутое ницъ,
И кружась надъ нимъ летала
Съ дикимъ крикомъ стая птицъ.

1845.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

« МАГОМЕТЪ ».

Магометь.

...Я вслушивался жадно
И въ разговоръ монаховъ Христіанскихъ,
И въ шумный споръ запальчивыхъ жидовъ,
И въ чудные рассказы Бедуиновъ.
Я двадцать лѣтъ молчалъ — и только слушалъ.
Ямень въ одну весну и расцвѣтетъ
И отцвѣтетъ на плодоносной нивѣ;
Но много лѣтъ потребно для того,
Чтобъ выросла въ степи, на чахлой почвѣ,
Широколиственная пальма...

Такъ замысла великаго зерно
Медлительно росло и вкоренялось
У сердца моего на жаркой почвѣ!
Изъ Антиохіи однажды, помню, я
Вель караванъ, и на песчаномъ морѣ
Меня засталъ крылатый ураганъ.
Опъ быстро, заслоняя солнце, двигалъ
Свои столбы. Зыбучаго песку
Сухія волны на меня катились,
И мой верблюдъ, зажмурившись невольно,
Сталъ утопать. Сопутниковъ моихъ
Неясныя вблизи мелькали тѣни.
Я имъ кричалъ; но буря заглушала,
Подобно тысячь низверженныхъ потоковъ,
Мои слова — и самъ я не слыхалъ
Моихъ призывныхъ криковъ. На колѣни,
Отъ ужаса загородивъ руками
Мое лицо, упалъ я — и молился,
И говорилъ: «Аллахъ, Аллахъ, помилуй!
«Клянусь твоимъ блистательнымъ престоломъ,
«Я разнесу твое святое имя
«По всей Аравіи.... Аллахъ, помилуй!»
Но въ этотъ мигъ песчаная гора
Обрушилась, и на моихъ плечахъ
Разсыпалась, и я окаменѣлъ.

Когда же я очнулся, надо мною
Уже вечернее сіяло солнце.
Вокругъ меня по прежнему мелькали
Товарищей сіяющія лица —
И двигался по стени караванъ,
И я лежалъ, качаясь, на верблюдохъ,
И горы бѣлыя верхушки поднимали
Изъ-подъ земли, и весело мнѣ было,
Что я воскресъ. Когда-же ночь пришла,
Остановились мы на отдыхъ у подошвы
Одной горы, и я пошелъ искать
Ключа, чтобъ напоить моихъ верблюдовъ.
Луна, какъ брачная лампада, надъ пустыней
Сіяла млечнымъ свѣтомъ. Мой кувшинъ
У ногъ моихъ поставилъ я на камень
И, прислонясь къ махровой пальмѣ, долго
Стоялъ и слушалъ. Мнѣ казалось, гдѣ то
Журчалъ источникъ. Долго я глядѣлъ,
Не замелькаетъ ли серебряная точка,
На мясцѣ вграющей воды;
И къ удивленью моему, въ пещеръ,
У каменной подошвы двухъ утесовъ,
Я увидалъ — горитъ огонь. Проворно
Я взялъ кувшинъ, и смѣло побѣжалъ
Въ пещеру. И казалось мнѣ, что духи

Передо мной летѣли и кружились,
И на огонь протягивали руки...
И тамъ то въ первый разъ я увидалъ
Пустынника Габйба...
Онъ въ бѣлой мантии стоялъ, читая
Развернутый пергаментовый списокъ ;
Чугунная лампада озаряла
И свитокъ и рубцы его чела...
И молча, съ ногъ до головы объятый
Невольнымъ ужасомъ благоговѣнья,
Я созерцалъ таинственнаго старца.
«Ты Магометъ, изъ племени Гашёмъ !
«Я жду давно тебя!» сказалъ мнѣ старецъ...
И между-прочимъ говорилъ мнѣ : «Слушай!
«Я научу тебя премудрости великой;
«Великія тебѣ открою тайны
«Аллаха, чрезъ его пророковъ
«Открытыя народамъ. По лицу
«И по походкѣ ногъ твоихъ проворныхъ,
«Которыхъ каждый шагъ въ моей пещерѣ
«Былъ повторень гранитнымъ сводомъ,
«Я узнаю того, кто мнѣ обѣщанъ!»
Дрожа я сълъ, и сталъ вести бесѣду
Съ однимъ изъ тѣхъ премудрыхъ на землѣ,
Кто слышитъ тайную гармонию природы

И голоса привратниковъ небесныхъ,
Кто отдаленное очами осязаетъ
И по звездамъ читаетъ повесть міра.
Двѣ ночи я внималъ рѣчамъ Габйба;
И думали товарищи мои,
Что унесенъ я львицейъ, иль растерзанъ
Голоднымъ тигромъ, и рыдали горько...
Когда жъ увидѣли, что я иду
И на плечъ несу кувшинъ съ водою —
Отъ радости не знали, что подуматъ,
И, какъ роднаго брата, обнимали...
И для меня съ тѣхъ поръ преобразился —
Роскошнѣй сталъ широкій Божій міръ,
На золотой цѣпи повѣшенное солнце
И прикрѣпленныя къ хрустальнымъ сводамъ
Горящія планеты...
И началъ я завидовать пророкамъ,
И сталъ просить пророческаго дара.
Тому прошло уже шесть лѣтъ;
И близокъ день, назначенный свиданью!
Премудрый ждетъ меня въ пустыняхъ Геры
Тамъ, гдѣ стоятъ утесы на утесахъ,
И упираются въ пылающее небо;
Гдѣ бьетъ вода изъ камня день и ночь
И никогда не сякнетъ — та вода,

Которую приноситъ ангель, въ видѣ
Громовыхъ тучъ, и поливаетъ горы.
Туда иду. Прощай, родная Мекка!
Я ворочусь не тѣмъ, чѣмъ вышла,
Иль никогда къ тебѣ не ворочусь...

1843.

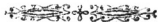

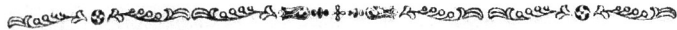
ДЕАМЕЯ.

О, скажи мнѣ одно только: кѣмъ изъ боговъ
Ты была создана; кто провель эту бровь?
Кто зажегъ этотъ взглядъ? кто далъ волю кудрямъ
Такъ роскошно змѣяться по бѣлымъ плечамъ?

О, скажи, Деамея, тебѣ ли самой,
Иль тому божеству, что гордится тобой,
Какъ созданьемъ, я долженъ изъ мрамора храмъ
Вознести на холмъ и возжечь олимпамъ?

1835.

* * *

Ахъ , какъ у насъ хорошо на балконъ , мой милый!
смотри —

Озеро свѣтитъ внизу, отражая сѣянье зари;
Бѣлый тамъ пѣжится лебедь, въ объятяхъ стихій
родной,

И не расстанется съ ней, какъ и ты, другъ мой милый,
со мной...

Сколько ты мнѣ ни толкуй, что родная стихія твоя —
Миръ, а не жаркое сердце, не грудь молодая моя!

1845.

* * *

Уже надъ ельникомъ, пзъ-за вершинъ колючихъ,
Сіяло золото вечернихъ облаковъ,
Когда я рвалъ весломъ густую съть пловучихъ
Болотныхъ травъ и водяныхъ цвѣтовъ.

То окружая насъ, то снова разступаясь,
Сухими листьями шумѣли тростники;
И напгъ челнокъ шелъ, медленно качаясь,
Межъ тонкихъ береговъ излучистой рѣки.

Отъ праздной клеветы и злобы черни свѣтской
Въ тотъ вечеръ наконецъ мы были далеко;
И смѣло ты могла, съ доврчивостью дѣтской,
Себя высказывать свободно и легко.

И голосъ твой пророческій былъ сладокъ,
Такъ много въ немъ дрожало тайныхъ слезъ;

И мнѣ плънительнымъ казался безпорядокъ
Одежды траурной и свѣтлорусыхъ косъ.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я въ глубину глядѣлъ, гдѣ тысяча корней
Болотныхъ травъ невидимо сплеталась,
Подобно тысячъ живыхъ, зеленыхъ змѣй.

И мѣръ иной мелькалъ передо мною,
Не тотъ прекрасный мѣръ, въ которомъ ты жила,
И жизнь казалась мнѣ суровой глубиною,
Съ поверхностью, которая свѣтла.

ВЪ ГЛУШИ.

Для кого расцвѣла? Для чего развилась?
Для кого это небо, лазурь ея глазъ,
Эта роскошь, волнистыя кудри до плечь,
Эта музыка, усть ея тихая рѣчь?

Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
Слышать голосъ души въ разговоръ простомъ;
И для міра любви и для міра искусствъ
Много въ сердце у ней незатронутыхъ чувствъ.

Прикоснется ли клавишъ, заплачить рояль;
На ланитахъ огонь, на ресницахъ печаль...
Подойдетъ ли къ окну, — безотчетно грустна
Въ безответную даль долго смотритъ она...

Что звенить тамъ вдали, и звенить и зоветь?
И за чѣмъ тамъ, въ стени, пыль столбами встаетъ?
И за чѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась?

И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летить,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелестить,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?

Не природа ли тайно съ душой говорить?
Сердце ль просить любви и безъ раны болить,
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для кого расцвѣла? Для чего разлилась?

ФИНСКІЙ БЕРЕГЪ.

(Посв. М. Е. Кублицкому.)

Льсь да волны, берегъ дикій;
А у моря, домикъ бѣдный.
Льсь шумить; въ сырья окна
Свѣтитъ солнца призракъ блѣдный.

Словно звѣрь голодный, воя,
Вѣтеръ ставями шатаеть.
А хозяйки дочь, съ усмѣшкой,
Настежь двери отворяеть.

Я за ней слѣжу глазами,
Говорю съ упрекомъ: гдѣ ты

Пропадала? Сядь хоть нынче
Доилетать свои браслеты *).

И окошко протирая
Рукавомъ своимъ суконнымъ,
Говорить она лъниво
Тихимъ голосомъ и соннымъ:

«Для чего плести браслеты?
«Госнодину не въ охоту —
«Бхать моремъ къ утру, въ городъ,
«Продавать мою работу!»

— «А скажи ка, помнишь, ночью,
«Какъ погода бушевала,
«Изъ съней укравши весла,
«Ты куда отъ насъ провала?
«Въ эту пору, надъ заливомъ,
«Что мълкало? не платокъ ли?
«И за чѣмъ, когда вернулась,
«Башмаки твои подмокли?»

Равнодушно дочь хозяйки
Обернулась и сказала:

---

*) Въ Финляндіи дѣвушки простаго класса превосходно плетутъ изъ волосъ цѣпочки, шнурки, браслеты и продають ихъ проѣзжающимъ.

«Какъ не помнить! Я на островъ
«Въ эту ночь ладью гоняла...

«Тотъ, кто ждалъ меня на камнѣ,
«Дожидался долго — зная,
«Что ему тамъ нуженъ хворостъ;
«Дровъ сухихъ ему свезла я!

«Тамъ у насъ, во время бури,
«Въ ночь костеръ горитъ и свѣтитъ;
«А за чѣмъ костеръ? — на это
«Каждый вамъ рыбакъ ответить...»

Пристыженный, сталъ я думать,
Грустно голову понуря:
Тамъ, гдѣ любить, помогая,
Тамъ сердца сближаетъ буря.

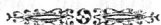
ПИСЬМО.

Ужь ночь. Я къ ней пишу. Окно отворено;
Шумъ городской затихъ; надъ лампой мошки вьются.
Встаю, гашу огонь; хожу, гляжу въ окно:
Какъ низко облака надъ кровлями несутся!
Отъ этихъ облаковъ не будетъ и слѣда,
Въ часъ утра — а моей любви живыя грезы,
Задумчивой любви привѣтъ, слова и слезы
Еще изъ подъ пера не улетятъ... О, да!
Пусть буря въ эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумятъ и брызжутъ на гранить;
Завѣтнаго письма ни буря не умчитъ,
Ни дождь не смоетъ эти строки.
А! вотъ и мѣсяцъ! Вышелъ и глядитъ.
Скажи мнѣ что нибудь, о, мѣсяцъ блѣдно-ликій!

Ты чувствуешь или нѣтъ? Я говорю съ тобой...
Тамъ, далеко, въ губерніи степной,
Среди безбрежія пустыни полудикой,
Скажи мнѣ, какъ она свои проводитъ дни?
И что друзья мои? Пропустятъ ли они
Нераспечатаннымъ мое письмо къ ней въ руки?
Не осмѣютъ ли каждую строку,
Гдѣ такъ невольно я высказывалъ тоску
Души, подавленной насиліемъ разлуки?
Она сама что скажетъ? Изорветъ
Мое письмо при всѣхъ, съ притворною досадою,
Или, измявъ его, потомъ тайкомъ прочтетъ
И вспомнить обо мнѣ съ мучительной отрадой?...
О, мѣсяцъ! Холодно ты смотришь свысока...
Бѣдняжка! Жаль тебя — несчетные вѣка
Свидѣтель столькохъ тайнъ, и мукъ, и сладострастья,
Ты въ небъ осужденъ сіять, издалика
Всѣ видѣть и ни въ чемъ не принимать участія.

1853.

УЗНИКЪ.

Меня тяжелый давить сводъ,
Большая цѣпь на мнѣ гремитъ.
Меня то вѣтромъ опахнеть,
То все вокругъ меня горитъ!
И, головой прижавъ къ стѣнѣ,
Я слышу, какъ больной во снѣ,
Когда онъ спитъ, раскрывъ глаза —
Что по землѣ идетъ гроза.

Налетный вѣтеръ за окномъ,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако съ дождемъ
Несетъ на сонныя поля.
И Божьи звезды не хотятъ

Въ мою темницу бросить взглядъ;
Одна, играя на стѣнѣ,
Сверкаетъ молнія въ окнѣ.

И мнѣ отраденъ этотъ лучъ,
Когда стремительнымъ огнемъ
Онъ вырывается изъ тучъ...
Я такъ и жду, что Божій громъ
Мои оковы разобьетъ,
Вся двери настежъ распахнетъ,
И опрокинетъ сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.

И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить въ густыхъ лѣсахъ,
Стенной дорогою блуждать,
Толкаться въ шумныхъ городахъ...
Пойду, среди живыхъ людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забить позоръ моихъ цѣпей.

ЦВѢТОКЪ.

Блуждая по саду, она у цвѣтника
    Остановилась, и любимаго цвѣтка
Глазами бѣглыми разсѣянно искала;
И наконецъ нашла любимца своего,
    И майскимъ запахомъ его,
Полузажмурившись, медлительно дышала ..
И долго, долго ушивалась имъ, — потомъ,
    Играя сорваннымъ цвѣткомъ,
Она его щипала понемножку,
    И уронила на дорожку.

И той порой, румяное дитя,
Кудрявый мальчикъ, не шутя
    Влюбленный въ рзвую богиню.

Нашель цвѣтокъ и подняль, какъ святыню...

Онъ долго тихими глазами провожалъ

Ея воздушную, игривую походку,

И потихоньку цѣловаль

Неоцѣненную, случайную находку.

Такъ чувство нежное, когда оно проснется

Впервые, — трепетно слѣдить за красотой,

И всё, къ чему она случайно прикоснется

Животворить послушною мечтой.

* * *

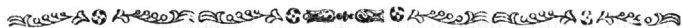

О Боже, Боже!
Не ты ль вщаль,
Когда мнѣ далъ
Живую душу:
Любить, страдать —
Страдать и жить,
Одно и то же.

Но я ропталъ,
Когда страдалъ;
Я слезы лилъ,
Когда любилъ;
Негодовалъ,
Когда внималъ
Суду глушцовъ —

И утомлённый,
Какъ полусонный,
Я былъ готовъ
Борьбу тревожной —
Предпочитать
Покой ничтожный,
Какъ благодать.

Прости! — И снова
Душа готова
Страдать и жить,
И за страданья,
Отца созданья
Благодарить.

* * *

Моя судьба, старуха, нянька злая,
И безобразная, и глупая, за мной
Слѣдить весь день и, подъ руку толкая,
Надоѣдаетъ мнѣ своею болтовней.
Когда-то въ карты мнѣ она гадала
И мнѣ сулила много свѣтлыхъ дней;
Я, какъ ребенокъ вѣрилъ ей сначала,
Довѣрчивъ былъ и уживался съ ней.
То штопая, то дѣлая заплаты,
Она не разъ при мнѣ ворчала на бѣду:
«Вотъ погоди! какъ будемъ мы богаты,
    «Я отъ тебя сама уйду!»
А между тѣмъ, несутся дни и годы,
Старуха всё еще въ моемъ углу ворчитъ;
Во всё мышается, хлопочетъ и, свободы
    Лишая разумъ, сердце злитъ.

И жизнь моя невольно, какъ то странно
Слилась съ ея житьемъ—бытьемъ;
И гдѣ бы ни былъ я, одинъ ли, безпрестанно
Мнѣ кажется, мы съ ней вдвоемъ.
Проснусь ли я душою, озаренный
Внезапной мыслию, плъ новой красотой,
Плаксивое лице старухи раздраженной,
Какъ желтое пятно, мелькаетъ предо мной.
Хочу любить... «Нѣтъ» говорить: «невъ-правъ
«Не смѣешь ты, не долженъ ты любить!»
Уединясь, мечтаю ли о славъ —
Она, какъ мальчика, придетъ меня дразнить.
И боленъ я, и нѣтъ мнѣ силъ подняться,
И слышу я, старуха, головой
Качая, говорить, что врядъ ли мнѣ дождаться
Когда нибудь судьбы иной...
Иной судьбы, какъ божество прекрасной,
Какъ муза, нѣжно молодой,
То грустной, то задумчиво безгласной,
То увлекательно живой!

1855.

* * *

Поэтъ, въ минуты вдохновенья,
Будь отъ пристрастїя далекъ;
Язви насмѣшкою порокъ :
Насмѣшка громче наставленья —
Когда её, на кару зла,
Святая правда родила !
Будь выше всѣхъ предубѣжденій,
Страдай за истину, и пусть
Твои слова наводятъ грусть...
Да не забудется тотъ геній,
И не погибнетъ тотъ народъ,
Который смѣло отдаетъ,
Какъ бы въ минуты покаянья,
Свои грѣхи на посмѣянье.

1855.

ТИШЬ.

(из "Семь")

Душный зной надъ океаномъ,
Небеса безъ облаковъ;
Сонный воздухъ не колышетъ
Ни волны ни парусовъ.
Мореплаватель, сердито
Въ даль пустую не гляди;
Въ тишинѣ, быть можетъ, буря
Притаилась, погоди!

ПЧЕЛА.

Пчела, погибшая съ послѣдними цвѣтами,
Не даромъ чистыми, янтарными сотами
Ты, съ помощью сестеръ, свой улей убрала.
Ту руку, что тебя всё лето берегла
Обогатила ты сладчайшими дарами.

А я, собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано, до зари, вернулся въ садъ родной;
Но опрокинутымъ нашель я улей мой...
Гдѣ цвѣль подсолнечникъ — растутъ кусты крапивы
И не-куда сложить мнѣ ноши дорогой.

1855.

ВРЕМЕНИ.

За чѣмъ до сей поры тебя изображаютъ
Съ съдыми прядями на сморщѣнныхъ вискахъ,
Тогда какъ у тебя, на юныхъ раменахъ,
Лишь только крылья отстаютъ?

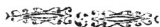
О время, пѣстунъ нашъ, на слабыхъ помочахъ,
Ты къ истинѣ ведешь людей слѣпое племя,
И въ бездну вѣчности роняешь ихъ, какъ бремя,
И бремя новое выносишь на плечахъ.

Счастливый Грекъ тебя, какъ смерти, ужасался,
Онъ въ руки далъ тебѣ песочные часы,
Косой вооружилъ и въ страхъ повергался,
Предъ лезвиемъ твоей сверкающей косы.

А мы, среди своихъ попытокъ и усилий,
Склонивъ передъ тобой безславное чело,
Твердимъ: когда нибудь, авось, погибнетъ зло,

Отъ вѣянья твоихъ неслышно мощныхъ крылій!
Лети скорѣй, крылатое, скорѣй!
Намъ въ душу новыми надеждами повѣй!
Иль ужъ губи всѣхъ тѣхъ, которымъ ты пророчишь
Одинъ безплодный путь, и дѣлай все, что хочешь!
Скорѣй мое чело морщинами изрой,
И вывѣтри скорѣй съ лица румянецъ мой,
И обреки меня холодному забвенью...
Что за бѣда! Другому покольную
Ты наши лучшія надежды передашь,
Твердя ему въ урокъ удѣль печальный нашъ.

Своекорыстіе — и все, что сердце губить,
Невъжество — и все, что гасить умъ,
Мнѣ безпрестанно въ уши трубить:
«Живи безъ чувства и безъ думъ!»
Вполнѣ постигли мы безплодіе стремленья
Къ добру, къ отрадному сочувствію людей,
И, къ вѣку выстрадавъ насмѣшку иль презрѣнье,
Мы говоримъ одно, въ порывѣ нетерпѣнья:
«О время! улетай скорѣй!»

БЭДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждъ, измятой втѣрами,
Пустынной тропою шель Бэда сльной;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ;
Одни только сосны росли въковья,
Одни только скалы торчали съдья,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто сльнца онъ хотѣлъ обмануть :
«Старикъ!» онъ сказалъ : «я пойду отдохнуть;
«А ты, если хочешь, начви проповѣдать —
«Съ вершинъ увидали тебя пастухи;

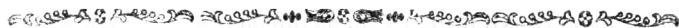
«Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
«Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
«О Сынъ, распятомъ за наши грѣхи!»

И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой;
Изъ усть его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось — слыщу въ славъ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!

Но вотъ, ужъ сторѣла заря золотая,
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветь его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ — отъ края до края:
Аминь! ему грянули камни въ отвѣтъ.

1855.

ТАТАРСКІЯ ПѢСНИ.

Посв. Г. П. Д—ому.

I.

Онъ у каменной башни стоялъ подъ стѣной; ¹⁾

И я помню, на немъ былъ кафтанъ дорогой;

И мелькала, подъ краснымъ сукномъ,

Голубая рубашка на немъ...

Презирайте за то, что его я люблю!

Злые люди, грозите судомъ —

Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай въ меня камнями!...

Я и такъ уже ранена...

Весь народъ ходитъ въ праздничныхъ
Одѣяніяхъ;
Я одна только въ трауръ!

Золотая граната растетъ подъ стѣной;
Всѣхъ плодовъ не достать ни какою рукою;
Всѣхъ красивыхъ мужчинъ для чего
Стала бъ я привораживать! Но
Приютила бъ я къ сердцу, во мракъ ночей,
Приголубила бъ только его —
И ужъ больше любви мнѣ не нужно ни чьей!

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена...

Разлучили, сгубили насъ горы, холмы
Эриванскія! Вѣчно холодной зимы
Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты онѣ!
Говорятъ: на чужой сторонѣ,
Дѣвы Грузіи, блескомъ своей красоты,
Увлекаютъ сердца... Обо мнѣ
Въ той странѣ, милый мой, не забудешь ли ты?

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена...

Говорять, злая вѣсть къ намъ оттуда пришла;
За горами кровавая битва была;
Тамъ засада была... Говорять,
Будто нашихъ сарбазовъ отрядъ
Истребленъ ненавистной измъною ²)... Чу!
Кто то скачетъ... копыта стучать...
Пыль столбомъ... я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена... —

1851.

II.

Онь.

Если эти слёзы
Ничего не значуть,
Посмотри хоть въ небо —
Тамъ всѣ звёзды плачуть;
Плачуть эти звёзды
За-одно со мною...

Гдѣ и какъ могу я
Видѣться съ тобою?

Она.

Скоро будетъ праздникъ
Слѣдомъ за толпою,
Къ воротамъ Дамаска
Ты иди за мною...
Ты иди за мною...
Иначе нельзя мнѣ
Видѣться съ тобою!

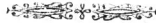
Онъ.

Въ храмъ ли завиджу —
Душа разгорится...
Вашему тамъ Богу
Стану я молиться...
Стану я молиться...
Мнѣ вашъ Богъ поможетъ:
Меня въ шелковинку
Обратить онъ можетъ,
Чтобъ куда ни шла ты,
Всюду невидимкой
Могъ я быть съ тобою,
Прильнувъ шелковинкой...

Она.

Чтобъ не разлучаться
Намъ съ тобой — къ востоку
Преклони колѣна
И молись Пророку !
Нашему же Богу
Помолось сама я,
Жаркимъ сердцемъ плакать
Не переставая !

1852.

ГОРНАЯ ДОРОГА ВЪ ГРУЗИИ.

Вижу, какъ тяжегь мой путь,
Какъ бесполезенъ мой поводъ.
Кони натужили грудь;
Солнце печеть, жалить о водъ...

Что ты, лихой проводникъ,
Сверху кричишь мнѣ: «За мною!»
Ты съ малолѣтства привыкъ
Рыскать съ ружьемъ за спиною...

Я же такъ рано усталъ!
Скучны мнѣ виды природы:
Остовы глинистыхъ скалъ,
Рощей поникшіе своды...

Глухо, безлюдно кругомъ...
Тяжко на эти вершины,
Въчно объятая сномъ,
Облокотились руины...

Спать... И едва ли отъ нихъ
Странникъ дождется отвѣта;
Врядъ ли порадуетъ ихъ
Голосъ роднаго привѣта.

Нѣтъ ли, скажи, проводникъ,
Нѣтъ ли преданья? — Рукою
Шапку надвинулъ старикъ
И покачалъ головою.

Вижу, потоки бѣгутъ;
Книзу проносится пѣна...
Черезъ потоки бредутъ
Кони, въ водѣ по кольна.

Радъ бы и я утолить
Жажду, въ тѣни пріютиться;
Радъ бы съ коня соскочить,
Руки сложить и забыться.

Не куда спрыгнуть съ сѣдла;
Слѣва отвѣсныя стѣны,

Справа деревья и мгла,
Шумъ и сверканіе пѣны.

Радъ бы помчаться стрѣлой,
Радъ бы скакать — невозможно!
Конь мой идетъ осторожно,
Пробуетъ камни ногой.

И осторожность — заслуга!
Конь мой собой дорожить...
Вотъ поднимается съ юга
Вѣтеръ... Пустыня шумить...
Мнѣ же далекаго друга
Голосъ какъ будто звучить...

— «Другъ мой, за чѣмъ ты желаешь
«Лучшихъ путей? Путь одинъ!»
Ну, конь! иди самъ, какъ знаешь:
Здѣсь я не твой господинъ!

1847.

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ.

Грузинская ночь, я твоимъ упиваюсь дыханьемъ!
Мнѣ такъ хорошо здѣсь, подъ этимъ прохладнымъ
навѣсомъ,
Подъ этимъ навѣсомъ уютной Нацваловой сакли ²⁾.
На мягкомъ ковръ я лежу, подъ косматою буркой;
Не слышу ни лаю собакъ, ни ослинаго крику,
Ни дикаго пенья, подъ жалобный говоръ чингүри ³⁾.
Заснулъ мой хозяинъ, потухла святильня, въ же-
льзномъ
Висячемъ ковшѣ... Вотъ луна! — И я радъ, что
сгорѣло
Кунжүтное масло въ моей деревенской лампадѣ...
Иныя лампы зажглись, — я иную гармонию слышу.
О Боже! какой резонансъ! Чу! какая то птица

Ночная, болотная птица поетъ въ отдаленнн...
И голосъ ея, точно флейты, отрывистый, чистый,
Рыдающій звукъ, вѣчно таже и таже,
Въ размѣръ повторенная нота — уныло и тихо
Звучить. Но она ли мнѣ спать не даетъ! Не она ли
Напѣла мнѣ на-душу грусть! Я смыкаю рѣсницы;
А думы несутся одна за другой, безпрестанно,
Какъ волны потока, бѣгущаго съ горъ по ущелью.
Но волны потока за тѣмъ ли бѣгутъ по ущелью,
Чтобъ только достигнуть предѣла и слиться съ вол-
нами
Безбрежнаго моря? Нѣтъ, прежде чѣмъ моря до-
стигнуть,
Онѣ на долину спѣшатъ напоить виноградныя лозы
И нивы, надежду древнѣйшаго въ мнръ народа...

А вы, мои думы! Вы, прежде чѣмъ въ вѣчность
Умчитесь, въ полетъ своемъ захвативъ мириады
Мировъ, вы, скажите, уже-ль суждено вамъ
Носиться безплодно надъ этою чудной страной,
Такъ страстно любимую солнцемъ и вызженной солн-
цемъ?

СОДЕРЖАНИЕ

ОДНОЙ ГРУЗИНСКОЙ ПѢСНИ.

Всякой разъ, какъ подъ буркой, порою ночной,
Безпробудно я сплю до звѣзды заревой;

Три видѣнія райскихъ слетають ко мнѣ,
Три красавицы чудныхъ я вижу во снѣ.

Какъ у первой красавицы очи блестятъ,
Такъ и звѣзды во мракъ ночномъ не горятъ.

У второй, какъ подниметь ресницы свои,
Очи зорко глядятъ, какъ глаза у зми.

Никогда не была ночь въ горахъ такъ темна,
Какъ у третьей темна черныхъ глазъ глубина.

И когда на зарѣ улетаетъ мой сонъ,
Не вставая гляжу я въ пустой небосклонъ —

Все гляжу, да все думаю молча о томъ:
Кабы деньги да деньги, построилъ бы домъ!

Окружилъ бы его я высокой стѣной,
Заклучилъ бы я въ немъ трехъ красавицъ со мной -

Отъ утра до утра имъ бы пѣсни я пѣлъ,
Отъ зари до зари имъ бы въ очи глядѣлъ!

Басинъ и Асеевъ

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА ⁴⁾.

Вчера къ развалинамъ, вдоль этаго ущелья,
Скакали всадники, и были зажжены
Костры, и до утра былъ слышанъ гулъ веселья,
Пальба и барабанъ, и вой зурны.

Изъ устъ въ уста ходила азарпѣша ⁵⁾.
И хлопали въ ладоши сотни рукъ,
Когда ты шла, Майкò, сердца и взоры тѣша,
Плясать по выбору застынчивыхъ подругъ ⁶⁾.

Сегодня вновь безлюдное ущелье
Глядитъ пустыней, мирная пальба
Затихла, выспалось похмѣлье,
И съехала съ горы послѣдняя арба!

Не все же праздновать! Веселый пиръ народный
Прошелъ какъ сонъ... Такъ нѣкогда любовь
Моя прошла, пылъ сердца благородный
Простылъ, давно простылъ; но не простыла кровь!

Какъ послѣ праздника, въ глоткъ вина, отраду
Находить иногда гуляка удалой;
Такъ радъ я былъ внимательному взгляду
Моей Майкò, плясуньи молодой!

Что жъ медлю я... Бичò — 7) ты, конюхъ мой
проворный!

Коня! — Ея арбу два буйвола съ трудомъ
Везуть. — Догонимъ... Вонъ, играетъ вѣтеръ горный
Катйбы бархатной пунцовымъ рукавомъ 8).

ПАСТУХЪ И АРХЕОЛОГЪ.

На мѣсть праздника осталось только двое;
Одинъ пастухъ изъ ближняго села,
Другой археологъ; въ отечество чужое
Его любовь къ руинамъ занесла.

Пастухъ! Ты потерялъ двухъ буйволовъ, несчастный,
Стоишь и думаешь: кто буйволовъ укралъ?
Археологъ! Ты надписъ отыскалъ;
Стоишь и думаешь: что значить смыслъ неясный
Письменъ, съ которыхъ пыль ты тщательно сметалъ?

И невозможна имъ взаимная услуга;
Ученый пастуху не можетъ отвѣчать,
Пастухъ ученаго не въ силахъ понимать;

Но въ этотъ мигъ они похожи другъ на друга :
Ихъ цѣль одна теперь — узнать и доказать!

Археологъ найдетъ, не безъ укора,
Намъ имя варвара разрушившаго храмъ;
А тотъ, когда нибудь, найдетъ ночнаго вора
И также уличитъ его по всѣмъ правамъ.

НЕ ЖДИ.

Я не приду къ тебѣ... Не жди меня! Не даромъ,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучить за Авлабаромъ ⁹⁾,
Всю ночь за банями поютъ сазандарі.

Здѣсь теплый свѣтъ луны позолотилъ балконы,
Тамъ углубились тѣни въ виноградный садъ;
Здѣсь тополи стоять, какъ темныя колонны,
А тамъ, вдали, костры веселые горять...

Пойду бродить! — Послушаю, какъ льется
Нагорный ключъ, во мглѣ заснувшихъ Салалакъ ¹⁰⁾,
Гдѣ звонкій голосъ твой такъ часто раздается,
Гдѣ часто, вижу я, мелькаетъ твой личагъ ¹¹⁾.

Не ты ли тамъ стоишь на кровль подъ чадрою,
Въ сiяньѣ мѣсячномъ?! — Не жди меня, не жди!
Ночь слишкомъ хороша, чтобъ я провелъ съ тобою
Часы, когда душѣ простора нѣтъ въ груди...

Когда сама душа, сама душа не знаетъ,
Какой любви, какихъ еще чудесъ,
Просить или желать, — но просить, но желать,
Но молится предъ образомъ небесъ,
И чувствуетъ, что уголокъ твой душень,
Что не тебѣ моимъ молениямъ отвѣчать...
Не жди! — Я въ эту ночь къ соблазнамъ равно-
душень,
Я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать.

ЗАСТУПНИЦА.

Когда Архангелъ протрубитъ въ трубу,
И мертвецы проснутся въ ужасъ; когда
Рѣшить земныхъ племенъ послѣднюю судьбу
Настанетъ страшный день послѣдняго суда...
Когда земная ось качнется подъ стонъ
Царя земныхъ царей, судьи земныхъ судей,
Чтобъ вѣчный свѣтъ его проникъ въ сердца людей,
Чтобъ солнце зла познало западъ свой ¹²⁾;
Когда предъ Господа торжественно на судъ
Смущенные народы потекутъ,
Сложивъ вѣнцы, послѣдній дать отвѣтъ
За тысячи прожитыхъ ими лѣтъ;
Когда и ты, о Русь могучая, главоу,
Въ числѣ другихъ державъ, поникнешь предъ судьей,
И взглянетъ на тебя неотразимый взоръ,
Взоръ, вопрошающій о подвигахъ добра...
Тогда въ невѣденье, что скажетъ приговоръ,

Твоей заступницей придетъ твоя сестра,
Твоя Иверія, съ мольбою на устахъ,
И за тебя въ слезахъ повергнется во прахъ...
И молвить томная Иверія, въ слезахъ,
Преодолевъ души благоговѣйный страхъ:
«О, Царь царей! Господь! суди мои дѣла;
«Но милуй Русь! Безъ помощи сестры,
«Я бь тяжкимъ сномъ спала до сей поры,
«Я бь никакихъ плодовъ тебѣ не собрала...
«Когда, избитая мечами мусульманъ,
«Лежала я въ горахъ и кровь текла изъ ранъ;
«Когда въ сынахъ моихъ я видѣла враговъ,
«И слезы капали на пепель городовъ —
«Единоверная одна ко мнѣ пришла,
«Не за добычею, не за моимъ добромъ,
«Она пришла ко мнѣ въ ограбленный мой домъ...
«Нѣтъ! Изъ любви она мнѣ руку подала!!
«Съ тѣхъ поръ, добро и зло, все съ ней дѣлила я,
«Всю сладость бытія, всю горечь бытія,
«Всѣ, страшные врагамъ, вѣнцы ея побѣдъ,
«И слезы тайныя во дни народныхъ бѣдъ...
«О, Царь царей! Господь! суди мои дѣла,
«Но милуй Русь!....»

ВЪ ИМЕРЕТИИ ¹³).

Царя Вахтанга ветхія страницы
Перебирая въ памяти моей,
Иду я въ теремъ доблестной царицы ¹⁴),
Въ развалину, пріютъ невѣдомыхъ тѣней.
Уже заря, какъ зарево пожара,
На гребни темныхъ скалъ бросаетъ жаркій свѣтъ.
Заря, лѣса и скалы!... о, Тамара!
Не здѣсь ли пѣлъ твой пламенный поэтъ? ¹⁵)
Дыша, я чувствую, что здѣсь земля — кладбище,
А небеса — покровъ почіющихъ Царей;
И между тѣмъ нигдѣ природа, какъ жилище
Творца, не можетъ быть ни лучше, ни пышнѣй...
Кругомъ, какъ Божія ограда,
Заоблачный хребетъ далеко манитъ взоръ;

Тамъ снѣтъ лѣса подѣ говорѣ водопада,
А здѣсь миндаль, и лозы винограда,
И дикаго плюща живої коверѣ.
О, здѣсь бы жить — любить и наслаждаться...
Но по горамъ какой-то демонъ злої,
Блуждая, не даетъ ни сердцу забываться,
Ни бѣдный умъ согрѣть мечтой!
Незримый духъ! Онъ всюду бѣетъ тревогу:
Вездѣ кричить: «сюда, сюда!»
«Здѣсь нужно вамъ въ скалахъ пробить дорогу!
«Здѣсь рѣку запрудить! Тамъ строить города!
«Никто не жнетъ плодовъ, не сѣя...»
Ужасный духъ! Отъ каждаго шгмея
Готовъ онъ требовать гигантскаго труда!
Тамары нѣтъ... О, Русь! Еще ли ты не въ силахъ,
Поднявши мечъ и заступъ, и топоръ,
Развить и жизнь, и мысль на царственныхъ могилахъ,
Чтобъ успокоить духа горь?...

КАХЕТИНЦУ.

Я знаю, тамъ, за вашими горами,
 По старинѣ, въ саду, въ тѣни кудрявыхъ лозъ,
 Ты любишь пить съ веселыми гостями
 И уставлять ковры букетами изъ розъ ¹⁶⁾!

И весело тебѣ, когда рабы собираютъ
 Вашъ виноградъ, когда по цѣлымъ днямъ
 Въ давилняхъ толкотня, и мутныя стекаютъ
 Струи вина, журча по длиннымъ желобамъ... ¹⁷⁾

Ты любишь пулями встрѣчать гостей незваныхъ,
 Лезгинъ, изъ ближнихъ горъ забравшихся въ сады;
 И любишь гарцовать, когда толпой, на рьяныхъ
 Коняхъ, спышите вы на пиръ въ Аллаверды ¹⁸⁾.

И весело тебѣ, что твой кинжалъ съ настьчкой,
Что мѣткое ружье въ оправѣ дорогой,
И что твой конь звенить серебряной уздечкой,
Когда онъ ржетъ и пляшетъ подѣ тобой.

И любишь ты встрѣчать, невѣдомый до нынѣ,
Въ теплицахъ Сѣвера воспитанный цвѣтокъ ¹⁹⁾;
Она у васъ теперь цвѣтетъ въ родной долинь,
И не скрывается, чтобъ каждый видѣть могъ —

Чтобъ каждый могъ забыть, смотря съ благого-
вѣньемъ

На кроткія, небесныя черты,
И праздность, и вино, съ его самозабвеньемъ,
И месть, и ненависть, и гордыя мечты!

АГБАРЬ.

I.

Крадется ночью татаринъ Агбарь
Къ сакль, заснувшей подь тьню чинарь.

Вотъ, миноваль онъ колючій плетень ²⁰⁾;
Видить, на сакль кольшится тьнь.

Какъ не узнать ему, даромъ что ночь,
Какъ не узнать Агаларову дочь! ²¹⁾

Мрачно... Въ ауль огней не видать;
Лютые псы перестали ворчать.

Ясныя звезды потушили взорь;
Слушаютъ звезды ночной разговоръ.

«Солнце мое! сталь Агбаръ говорить:

«Я за тебя радъ себя погубить!»

«Что жъ ты! зачѣмъ не украдешь меня?»

— «Радъ бы, укралъ я, да пѣту коня!...

«Завтра пошлю я къ отцу твоему,

«Бѣдный калымъ предложу я ему ²²):

«Двадцать послѣднихъ монеть серебра,

«Пару воловъ, два узорныхъ ковра...

«Тише!... Прощай!» — И во мракъ чинаръ

Скрылся проворный татаринъ Агбаръ.

II.

Солнце печетъ темя каменныхъ горъ.

Голову клонить на мягкій коверъ —

И отдыхаетъ подъ тѣнью чинаръ,

Въ шапкѣ косматой, старикъ Агаларъ.

Неподалеку, въ закрытыхъ сѣняхъ,

Жены мотають шелки на станкахъ.

Возлѣ на камнѣ старуха сидитъ,

Сдвинула брови и въ землю глядитъ.

— «Пару воловъ?... У меня тридцать паръ!
«Что мнѣ волы!» говоритъ Агаларъ.

«Мало ли есть у Князей табуновъ!

«Мало ли тамъ дорогихъ жеребцовъ!

«Пусть уведеть онъ, хоть въ эту же ночь,

«Пару коней, — я отдамъ ему дочь...

«Знаю, недавно проѣхалъ въ Ганжѹ ²³⁾

«Русскій чиновникъ, а кто не скажу.

«Есть у него дорогое ружье:

«Если ружье это будетъ мое,

«Если украдетъ хоть въ эту же ночь,

«Пусть принесеть, — я отдамъ ему дочь...

«Мало того, есть кунецъ армянинъ...

«Деньги везеть, — ѣдетъ съ дуру одинъ...»

И, усмѣхнувшись, лукавый старикъ

Началъ дремать, головою поникъ.

Встала старуха, накрылась чадрой,

И пошла потихоньку домой.

III.

Свѣтитъ луна, какъ далекій пожаръ;

Вѣтеръ качаетъ вершины чинаръ.

Листья чинаръ безпокойно шумять;
Лютые псы у сосѣда ворчать.

Вновь на свиданье Агбаръ удалой
Крадется къ сакль знакомой тропой.

Жаркое сердце забилося въ груди;
Кто могъ шепнуть ей: красавица жди!

Ясныя звезды потушили взоръ;
Слушаютъ звезды ночной разговоръ...

— Гдѣ пропадалъ ты, возлюбленный мой?
«Я не пропалъ, я пришелъ за тобой!»

— Каждую ночь я ходила сюда...
Милый, скажи мнѣ, какая бѣда?

«Въ эту недѣлю укралъ я коня;
«Добрый товарищъ насъ ждетъ у плетня;

«Въ эту недѣлю укралъ я ружье;
«Да не въ ружьѣ все богатство мое!

«Имъ я убилъ армянина купца...
«Деньги досталъ по совету отца.

«Имъ и отца я убью въ эту ночь,
«Если украсть помѣшаетъ мнѣ дочь!»

ТАТАРКА.

На конь, въ тѣни черешни,
Я стою, смотрю, какъ вешній
    Вѣтерокъ волнуеть рись;
По дорогъ ѣхать жарко...
Ни души, одна татарка
    По оврагу сходитъ внизъ.

Вотъ, сошла и у канавы,
На обломокъ сѣрой лавы,
    Ставить кованый кувшинъ;
Подбоченилась льниво,
И косится боязливо,
    Нѣтъ ли около мушницъ?

Я заметил безпокойный
Взглядъ, щеки румянецъ знойный,
Черный локонъ у виска...
О, Алахъ! въ твоей пустынь,
Я подобнаго до нынѣ
Не видалъ еще цвѣтка!

Но татарка встрепенулась
И пугливо завернулась
Руйбяды своей концомъ ²⁴);
Торопливо придержала
Свой кувшинъ и грубо стала
Отъ меня назадъ лицомъ.

Неучтивъ обычай края!
Но, обычай проклиная,
Быть въ долгу я не хочу;
(Можетъ быть догадливъ былъ я)
Самъ себя лицо закрылъ я
Пыльной шапкой и скачу.

Впрочемъ, какъ не обернуться!
Вижу, какъ не улыбнуться...
На меня она глядитъ
И смѣется — вотъ уловка!
Догадалася плутовка,
Что никто не сторожить!

ПРОГУЛКА ПО ТИФЛИСУ.

(*Письмо къ Льву Сергѣевичу Пушкину.*)

Какъ полдень, такъ у насъ стрѣляетъ пушка...
Покуда эхо гуль свой тяжко по горамъ
Разносить, молча вынимая
Часы, мы наблюдаемъ: стрѣлка часовая
Ушла или върна по солнечнымъ часамъ?
Потомъ, до двухъ, мы заняты дѣлами;
Но такъ-какъ все они рѣшаются не нами,
Спокойно можемъ мы обѣдать, ѣсть плоды,
И жажду утолять, не трогая воды...
Въ собранъ пусто; членовъ непремьныхъ

Четыре человека каждый день
Встрѣчать наскучило; читать газеты лѣнь;
Журналы запоздали; нѣтъ военныхъ;
Всѣ въ экспедиціи... И тамъ, пока въ горахъ,
Не дальше можетъ быть, какъ только въ ста верстахъ,
Идетъ рѣзня, (Шамиль воюетъ),
Для насъ рѣшительно войны не существуетъ.
Послѣ обѣда мы играемъ роль боговъ,
И, неспособные заняться даже вздоромъ,
Завѣсивъ окна каленкоромъ,
Лежимъ...
Кто развалившись на диванъ,
Кто растянувшись на ковръ...
Вообразать себя заснувшимъ въ теплой банѣ
Пріятно, потому что на дворѣ
Невыносимо жарко. Мостовая,
Гдѣ, изъ подъ ногъ, вчера скакала саранча,
Становится порядкомъ горяча,
И жжетъ подошву. — Солнце, раскаляя
Слои окрестныхъ скалъ, изволить наконецъ
Такъ натопить Тифлисъ, что еле дышишь
Все видишь, не глядя, и, слушая, не слышишь...
Когда то ночь придетъ, дождемся ли, Творецъ!
Вотъ, ночь не ночь, а все же наконецъ
Пора очнуться. Тихій, благодатный

Нисходитъ вечеръ; часъ весьма благоприятный
Для той прогулки, отъ которой ждать
Отрады — первая въ Тифлисъ благодать...

Куда жь идти! Иду черезъ Мухранскій
Овражный мостъ, и прямо на Армянскій
Базаръ являюсь; тамъ народъ,
Поднявшись на зарь, для дѣль, нужды и лъни,
На узкихъ тротуарахъ ищетъ тѣни,
Гуляетъ, спитъ, работаетъ и пьетъ.
Народъ особенный... Я здѣсь люблю толкаться
И молча наблюдать, и молча любоваться
Картинами, какихъ конечно никогда
Мнѣ прежде видѣть не случалось...
Ихъ не видать — невелика бѣда,
Но видѣть весело, пока не стосковалась
Душа по тѣмъ стѣнямъ, которыхъ видъ одинъ
Бывало наводилъ тоску и даже сплинъ!
Но... я не знаю что, привычка, можетъ статься,
Бродя въ толпѣ, на лицахъ различать
Слѣды разврата, бѣдности безгласной,
Или корысти слишкомъ ясной,
Невъжества угрюмую печать —
Убавила во мнѣ тотъ жаръ напрасный,
Съ которымъ нѣкогда я радъ былъ вопрошать
Послѣдняго изъ всѣхъ забытыхъ нами братій.

Увы! прошелъ мой бредъ! Смѣшно не понимать,
Что грубая нужда не въ силахъ разделять
Ни благородныхъ чувствъ, ни развитыхъ понятій,
Что наша связь давно разорвана съ толпой,
Что лучшія мечты, источники страданья,
Для благородныхъ душъ останутся мечтой...
И такъ, чтобъ не входить въ бесплодныя мечтанья,
Я поскорѣй пріймусь за описанье!

Съ чего начать?!... Представьте, я брожу
По улицамъ, а гдѣ, и самъ не знаю;
Тифлисъ оригинальнымъ нахожу,
По крайней мѣрѣ не скучаю...
Представьте наконецъ, я въ улицу вхожу
Кривую, тѣсную; подъ старыми домами
На право и на лѣво лавокъ рядъ.
Вотъ, караванъ-сарай; восточными коврами
Увѣшанъ пыльный входъ, узоры ихъ пестрятъ.
Но я иду отъ нихъ, сквозными воротами,
На низкій дворикъ, устланный плитами,
Съ бассейномъ безъ воды, и слышу, какъ шумить
Волна въ Курѣ... Куда она съзвнѣть,
Неугомонная, живая?...
Не знаетъ, что вдали отъ этихъ береговъ,
Ей не видать другихъ цвѣтущихъ городовъ,
Какъ не видать земнаго рая!

Что никогда, оттуда, гдѣ шумятъ
Каспійскіе валы, гнилой камышь качая,
Къ рѣшеткамъ караванъ-сарая
Не воротиться ей назадъ!
Слышу на улицу и вижу, виноградъ
Виситъ тяжелыми, лиловыми кистями;
Поспѣлъ; купите фунтъ, бакальщикъ радъ... ²⁵⁾
Вотъ, перецъ и миндаля, а вонъ, табакъ Турецкій
Насыпанъ кучами; кальяны, чубуки,
Книжалы, канаусъ, ²⁶⁾ бумажные платки,
Товаръ Персидскій и Замоскворѣцкій!
Дешевый все товаръ изъ самыхъ дорогихъ...

Иду я дальше; множество портныхъ
Сидятъ на низенькихъ подмосткахъ, въ мѣховыхъ
Остроконечныхъ шапкахъ, рукава уютюжать,
Обводятъ обшлага черкески заказной
Иль праздничной чухі тесьмою золотой;
Усердно шьютъ и мнѣ усердно служатъ:
Изъ мѣдныхъ уютюговъ огонь я достаю,
Чтобъ тутъ же закурить потухшую мою
Сигару — здѣсь курить начальство позволяетъ;
Пожаровъ никогда въ Тифлисъ не бываетъ,
Въ Тифлисъ просто нечему горѣть,
Здѣсь только можно загорѣть,
Что вѣроятно всякій знаетъ...

Вотъ, вижу я, цирюльня; у дверей,
Круглится голова; поджавъ босыя ноги,
Сидитъ благочестивый на порогъ
Татаринъ; голову его бородобрей
Нагнулъ по ближе къ свѣту, выбриль, поскорѣй
Тряпичей вытеръ; и къ окошку
Сушить повѣсилъ грязную вѣтошку...
Чего жъ вамъ больше! — Вотъ, кофейня, два кунца;
Два Персіанина играютъ молча въ шашки;
Хозяинъ смотритъ, сумрачный съ лица;
А между тѣмъ *бичо* перемѣняетъ чашки.
Въ пяти шагахъ, желая апетитъ
Свой утолить, у небольшой харчевни,
Сошлись работники, грузины изъ деревни;
Котлы кипятъ, горячій паръ валитъ,
Лепешекъ масляныхъ еще дымятся глыбы;
Кувшинъ съ виномъ подъ лавкою стоитъ,
А съ потолка висятъ хвосты копченой рыбы.
Вотъ, на полу какой-то кладовой,
(Вы здѣшніе дома конечно не забыли),
Два армянина, завязавъ отъ пыли
Глаза платкомъ, натянутой струной
Перебиваютъ шерсть. Насупротивъ, у лавки,
Гдѣ какъ-то меньше толкотни и давки,
Усылся на скамьѣ худой, невзрачный жидъ,

И на станкѣ тесьму и позументы
Прилежно тчеть; за нимъ, на сундукъ,
Откинувъ рукава, сидитъ въ архалухъ
Мьяла, въ сладостной надеждѣ на проценты...

Но вотъ, базаръ еще твенъе,
Разноплеменная толпа еще нестрѣе.
Я слышу скрипъ и шумъ, и крики — *хабардà!* ²⁷⁾
Вотъ, нищій подошелъ ко мнѣ, склоняся на посохъ;
Вотъ, буйволы идутъ, рога свои склоня;
Тяжелая арба скрипитъ на двухъ колѣсахъ;
Вотъ, скачетъ конь; упрямаго коня
Стегаетъ плеть; на льво, съ бурдюками ²⁸⁾,
Знать, изъ Кахетіи съ виномъ,
Досчатый возъ плетется, и на немъ
Торчитъ возница съ красными усами ²⁹⁾.
А вонъ, ослы въ разбродъ идутъ,
Въ кошёлкахъ уголья несутъ
И машутъ длинными ушами;
На одного изъ нихъ усълися верхомъ
Въ лахмотьяхъ два полунагихъ ребенка,
А третій сзади глупаго осленка
Немилосердно бьетъ хлыстомъ...

Тифлисъ для живописца есть находка!
Взгляните, наиримѣрь: изорванный чекмень,

Башлыкъ, нагая грудь, безичная походка,
Въ чертахъ лица задумчивая лънь,
Кинжалъ, и странное въ глазахъ одушевленье!
Вотъ, напрымъръ, живое воплощенье
Труда — *мушà* по улицъ идетъ ³⁰),
Огромный шкафъ, перекрестивъ ремнями,
Онъ на спину взвалилъ и медленно несетъ,
Согнувшись въ уголь; потъ ручьями
Но загорьлому лицу его течеть;
Онъ изъ подлобья смотритъ и даетъ
Дорогу... Не могу дорисовать картины!
Представьте, что въ глазахъ мьшаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Мушй, балконы, осетины,
Татары — наконецъ я слышу крикъ муллы;
И — наконецъ, подъ минаретомъ,
Свожу знакомство съ новымъ светомъ,
И чувствую, что — на чужомъ пиру...
На лъво мостъ идетъ черезъ Куръ,
А вонъ, крутой подъемъ къ заставъ Эриванской;
Вотъ, вижу караванъ подходитъ Шемаханскйй:
Какъ великанъ идетъ передовой верблюдъ;
За нимъ гуськомъ его товарищи идутъ —
Раздули ноздри и глядятъ спъсиво;
Ихъ шеи длинныя на сторожъ стоять,

На нихъ бубенчики нестройные звенять;
Съ горбовъ висить космами грива...
Огромные тюки качая на спинъ,
Рабы востока тяжестію ноши
Гордятся и блаженствуютъ вполнъ!
А я глотаю пыль, иду и въ сторону,
Вдругъ, слышу деревянныя подкòши ³¹⁾
Стучать; идетъ татарка въ бѣлой простынъ;
Толпа грузинскихъ женъ спѣшитъ укрыться въ банъ,
А я спѣшу назадъ, спѣшу куда нибудь,
Чтобъ только чистымъ воздухомъдохнуть,
Что невозможно на Майданъ ³³⁾.

Гдѣ я, Творецъ! Какія тамъ сидятъ
Фигуры на стѣнахъ, перебираютъ четки,
И неподвижно внизъ глядятъ?
Внизу оврагъ; на днѣ его шумятъ
Горячіе ключи... Неужели назадъ
Идти?! Ого! надъ самой головою,
Я слышу разговоръ, а можетъ быть и брань...
Но... пусть бранятъ! Теперь передо мною
Открылся чудный видъ! Отсюда, изъ-за банъ
Мнѣ виднѣнъ замокъ за Курою... ²³⁾
И мнится мнѣ, что каменный карнизъ
Крутаго берега, съ нависшими домами,

Съ балконами, рѣшетками, столбами,
Какъ декорація въ волшебный бенефисъ,
Роскошно освѣщенъ бенгальскими огнями.
Отсюда вижу я, за синими горами,
Заря какъ жертвенникъ пылаеть и Тифлисъ
Привѣтствуетъ прощальными лучами...
О, какъ блистательно проходитъ этотъ часъ!
Великолѣпная для непривычныхъ глазъ
Картина! Вспомните всю массу этихъ зданій,
Всю эту смѣсь развалинъ безъ преданій,
Домовъ, построенныхъ быть можетъ изъ руинъ,
Садовъ, опутанныхъ вѣтвями винограда,
И этихъ куполовъ, которыхъ видъ одинъ
Напомнить вамъ предместья Цареграда...
И согласитесь, что нарисовать
Тифлисъ не моему перу... Къ тому жъ, признаться,
Мнѣ самому пришлось не долго любоваться;
Я какъ-то вздумалъ догадаться,
Что на чужомъ дворѣ невыгодно стоять:
Гдѣ улица, гдѣ дворъ, въ иныхъ мѣстахъ Тифлиса
Не разберешь...

Но вотъ, ужъ сумерки сгущаются въ глуши
Садовъ, и застилаютъ переулки;
Въ глухіе, дальніе забрелъ я закоулки —

И ни одной мужской души!
Вотъ женщина взошла на низенькую кровлю;
Вдали звучить протяжная зурна;
Какъ видно, здѣсь крикливую торговлю
Семейная смѣнила тишина.
Вотъ у калитки двѣ старухи...
Двѣ... .. сошлись и, вѣроятно, слухи
Передаютъ другъ другу. Вонъ скамья
Стоить, никѣмъ не занятая;
Межъ тѣмъ, какъ на землѣ почтенная семья
Сидитъ, безопасно отдыхая...

Не стану женщинѣ вамъ описывать нарядъ;
Ихъ легкое, какъ воздухъ, покрывало,
Косицы черныя и любопытный взглядъ,
Въ которыхъ много блеску, жизни мало...
Повсюду я спѣшу ловить
Рой самыхъ свѣжихъ впечатлѣній;
Но, признаюсь вамъ, надо жить
Въ Тифлисъ, наблюдать, любить —
И ненавидѣть, чтобъ судить,
Или дожидаться вдохновеній ..

1846.

САЯТЪ-НОВА ³³).

Много песковъ поглощаютъ моря, унося ихъ волнами;
Но берега ихъ сышучими вѣчно покрыты песками.

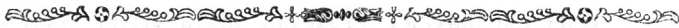
Много и пѣсень умчить навсегда невозвратное время;
Новыя встанутъ пѣвцы и услышать ихъ новое племя.

Если погибну я, знаю, что мѣръ мои пѣсни забудеть;
Но для тебя, нежный другъ мой, другаго пѣвца ужъ
не будетъ.

Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ утраты;
Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подѣ звуки которыхъ
цвѣла ты.

Я просвѣтилъ твое сердце, а ты — ты мой умъ
помрачила;
Я улыбаться училъ — а ты плакать меня научила.

НОЧЬ НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ

ЧЕРНАГО МОРЯ.

СОНЕТЪ.

Чу! — выстрѣлъ — встань! Быть можетъ, нападенье...
Не разбудить ли козаковъ?...
Быть можетъ пароходъ заходить въ укрьленье
Подать письмо съ родимыхъ береговъ.
Открой окно! Ни зги! Желанныхъ парусовъ
Кто въ эту ночь увидитъ приближенье!
Луну заволокла громада облаковъ...
Не громъ ли? Нѣтъ, не громъ; а сильное вол-
ненье...

За чѣмъ проснулись мы, увы, кто скажетъ намъ!
Однѣ валы шумять и плачутъ безъ отвѣта...

Такъ часто, въ наши дни, въ нѣмой душѣ поэта
Проходятъ образы, незримые очамъ,
Но вожделенные, подобно парусамъ,
Идущимъ въ пристань до разсвѣта.

1850.

(*Пароходъ Тамань.*)

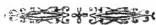
САТАРЪ ³⁴).

Сатаръ! Сатаръ! твой плачь гортанный,
Рыдающій, глухой, молящій, дикій крикъ,
Подъ звуки чануръ и трели барабанной,
Мнѣ сердце растерзаль и въ душу мнѣ проникъ.

Не знаю, что поешь; я словъ не понимаю;
Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совсѣмъ иной;
Но ты поешь всю ночь на кровль земляной,
И весь Тифлисъ молчить, и я тебѣ внимаю —
Какъ будто издали, съ востока, братъ больной
Черезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ или ронотъ свой.

Не знаю, что поешь — быть можетъ пѣснь Кярама,
Того пѣвца любви, кого сожгла любовь;
Быть можетъ къ мести ты взываешь, кровь за кровь,
Быть можетъ славишь ты кровавый мечъ Ислама,
Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ...
Не знаю, — слышу вопль — и мнѣ не нужно словъ!...

1851.

*Сатаръ! Сатаръ! твой плачь гортанный,
Рыдающій, глухой, молящій, дикій крикъ,
Подъ звуки чануръ и трели барабанной,
Мнѣ сердце растерзаль и въ душу мнѣ проникъ.*

ВЫБОРЪ УСТА-БАША ³⁸).

Базары святъ... Едва взошла
Передразсвѣтная денница!...
И что за шумъ на той горѣ!
Тифлисскихъ нвщихъ на зарѣ
Куда плетется вереница?

Какъ будто на церковный звонъ,
Слѣща ведетъ его вожатый,
Какъ будто свадьбы ждять богатой,
Или богатыхъ похоронъ!
Тамъ, межъ калекъ, сидятъ босые
Въ косматыхъ шапкахъ старики,
Сложъ на камни гробовые
Свои порожние мышки.

Не за копѣчной добычей,
Чтобъ завести иной обычай,
Къ монастырю, на этотъ разъ,
Ватага нищихъ собралась.
Иная мучить ихъ забота;
Забывъ про мѣдные гроши,
Они шумять: «Вай, вай! Кого-то
«Мы изберемъ въ уста-башн!»»

Возставъ отъ сна, Тифлисъ хохочеть
Надъ ихъ оборванной толпой;
Прослать въ народъ головой
У нищихъ каждый нищій хочетъ.
Бранятся, спорятъ и шумять...
Изъ нихъ одинъ въ толпѣ нескромной,
Одинъ Гитò, старикъ бездомный,
Сурово-пасмурный на взглядъ,
Съдой, какъ лунь, въ дырявой шапкѣ,
Прикрывъ отъ вѣтра и дождей
Узлами обвѣтшалою тряпки
Загарь нагихъ своихъ плечей,
Стоитъ, свой посохъ упирая
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ,
И, грустно говору внимая,
Молчанье мертвое хранить.

— «Гитò, Гитò! скажи хоть слово...
И будь надъ нами уста-башь!»
«Нѣтъ, братья! молвилъ онъ сурово:
Спасибо вамъ за выборъ вашъ;
Не вижу толку въ сборъ вашемъ,
Не вижу толку и въ рѣчахъ;
Не мнѣ быть вашимъ уста-башемъ...
Вездѣ, гдѣ только хлѣбъ находимъ,
По городамъ и деревнямъ,
Какъ мертвецы, вездѣ мы бродимъ;
И кто бродить мѣшаетъ намъ?...»

И онъ замолкъ... Но нищихъ братья
Не вникла въ рѣчи старика;
Въ толпѣ слышались проклятья
И замахнулася клюка.

Свой длинный посохъ упирая,
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ,
На брань толпы не возражая,
Гитò съ усмѣшкой говорить:
«О чемъ шумѣть? Настало лѣто,
Прійдетъ и осень; такъ и вы,
Послушавъ моего совета,
Не будете безъ головы...»

Пусть выборъ нашъ рѣшаетъ счастье;
Я укажу вамъ домъ одинъ,
Гдѣ, вѣчно-мрачный, какъ ненастье,
Живетъ какой-то Армянинъ.
Какъ мы, такой же безсемейной,
Похоронивъ недавно дочь,
Живетъ онъ жизнию келсейной,
Считая деньги день и ночь...
Кто, братья, къ празднику Христову,
Во имя Божескихъ наградъ,
Хоть полъ-абѣза на обнову
Своихъ изорванныхъ заплатъ,
У скряги выплачетъ, не даромъ,
Какъ самый счастливый изъ насъ,
Онъ будетъ править всѣмъ амкаромъ ³⁷),
И я послушаюся васъ!»

И всѣ въ отвѣтъ сказали разомъ:
— «Быть по совету твоему!
Навелъ ты насъ на путь на разумъ!»
И каждый взялъ свою суму...

Советъ Гитò пропалъ не даромъ;
Богатый Армянинъ живетъ
И до сегодня за базаромъ,

Гоня нищихъ отъ воротъ.
Гитò улегся на кладбищъ...
И вотъ прошло ужъ много лѣтъ
Съ тѣхъ поръ... Вай, вай! У братьи нищей
Уста-баша все нѣтъ какъ нѣтъ!...

1851.

ТАМАРА

II

ПѢВЕЦЪ ЕЯ ШОТА-РУСТАВЕЛЬ.

Въ замкъ розъ, подъ зеленою сѣнью плущей,
Въ діадемъ, на тронъ, Тамара сидитъ зѣ).
На мосту слышавъ топотъ коней;
Надъ воротами сторожъ трубитъ...
И толпа ей покорныхъ князей
Собирается къ ней.

О внезапной войнѣ имъ она говоритъ,
О грозѣ, что съ востока идетъ;
И на битву ихъ шлетъ,
И отвѣта ихъ ждетъ,

И какъ солнце красною блестятъ...
Молодые вожди, завернувъ въ башлыки
Свои мѣдные шлемы, стоять
И внимаютъ тому, что отцы старики
Ей въ отвѣтъ говорятъ.

Въ ихъ толпѣ лишь одинъ не похожъ на другихъ;
И зачѣмъ во дворецъ,
Въ византийской одеждѣ ³⁹⁾, мечтательно тихъ,
Въ это время явился пѣвецъ?...

Не царю Ивѣрии, въ сонмѣ князей,
Божество красоты молча видитъ онъ въ ней.
Каждый звукъ ея голоса въ немъ
Разливается жгучимъ огнемъ;
Каждый взглядъ ея темныхъ очей
Зарождаетъ въ немъ тысячу змѣй...
И, восторженный, думаетъ онъ :
Не роскошный ли видитъ онъ сонъ...
И какой нужно голосъ имѣть,
Чтобъ Тамару воспѣть?...

Вдохновеннымъ молчаньемъ своимъ
Показался онъ страненъ другимъ.
И упалъ на него испытующій взглядъ,
И насмѣшки мучительный ядъ

Въ его сердце проникъ; и любовью палимъ,
И тоскою томимъ,
Изъ дворца удалиться онъ радъ!

Отпустили толпу; сторожъ громко трубить;
На мосту слышенъ топотъ копытъ;
На окрестныхъ горахъ зажжены
Роковые сигналы войны;
И гонцы, улетая на борзыхъ коняхъ,
Исчезаютъ въ окрестныхъ горахъ...

Съ грустной думой Тамара на тронъ сидить;
Не снимаетъ Тамара вѣнца,
Провожаетъ глазами толпу и велитъ
Воротить молодаго пѣвца.

И послышался царственный голосъ жены:
«Руставель! Руставель! Ты одинъ изъ мужей
Родился не въ защиту страны;
Кто не любить войны,
Не являйся мнѣ въ сонмъ князей!
Но ты любишь дѣла и победы мои;
Я готова тебя при дворѣ принимать ..
Меньше пой о любви,
О безумной любви, и тебя награждать
Я готова за пѣсни твои!...»

И, блѣдная, поникъ Руставѣль головой,
Передъ гордой царицей обширныхъ земель;
И, смутившись душой,
Какъ безумецъ, собой
Не владѣя, сказалъ Руставѣль:

— «О, царица! Чтобъ не былъ я въ сонмѣ князей,
На всегда удалиться ты мнѣ повели;
Все равно! Образъ твой
Унесу я съ собой
До послѣднихъ предѣловъ земли!
Буду пѣть про любовь — ты не станешь внимать...
Но, клянусь! на возвышенный голосъ любви,
Звѣзды будутъ лучами играть,
И пустыня, какъ няжная мать,
Мнѣ раскроетъ объятія свои...
Удаляюсь, прости! Безъ обидныхъ наградъ,
Довершу я созданье мое *АД*:
Но его затвердятъ
Внуки нашихъ внучать...
Да прославится имя твое!»

1851.

НА ДЪ РАЗВАЛИНАМИ
ВЪ ИМЕРЕТИИ.

Когда на листья винограда
Слетала влажная прохлада,
Съ недосягаемыхъ вершинъ;
Когда вечерній звонъ Гелата,
Въ румяныхъ сумеркахъ заката,
Смутивъ пустыши грустный сонъ,
Перелеталъ черезъ Ріонъ;
Здѣсь на кладбищахъ, позабытыхъ
Потомствомъ, посреди долинъ,
Во мгль плющами перевитыхъ
Каштановъ, лавровъ и раинъ,
Мнѣ снился рой тѣней, покрытыхъ
Струями крови, пылью битвъ,

Мужей и женъ, душой сгорѣвшихъ
Въ страстяхъ, и въ небо улетѣвшихъ,
Какъ дымъ, безъ мысли и молитвъ...

Но тщетно, посреди виднѣй,
Мой умъ наставника искалъ;
Въ ихъ тѣснотѣ народный гевій
Лучемъ безсмертья не сіялъ!

И проносился рой духовъ,
Какъ бы пща своихъ следовъ
Надъ прахомъ тѣлъ, давно истлѣвшихъ,
Подъ грудями неучлѣвшихъ
Соборовъ, башенъ и дворцовъ...
Въ устахъ, для міра охладѣвшихъ,
На все звучаль одинъ отвѣтъ:
«Здѣсь было царство, царство пало...
Мы жили здѣсь, и насъ не стало...
Но не скорби о насъ, поэтъ!
Мы пили въ жизни полной чашей;
Но вамъ изъ гроба своего,
Въ усладу съдной жизни вашей,
Не завѣщали ничего!...»

И пронеслись... Но, сквозь туманы
Протекшихъ лѣтъ, передо мной,

Неотразимой красотой
Мелькаетъ образъ Дареджаны...
Въ ея глазахъ — любовь и мгла,
Тоска на мраморъ чела;
Въ груди огонь желаній скрытыхъ,
И возмутительныхъ страстей
Зараза, и коварный змѣй
Въ улыбку устъ полураскрытыхъ...

1850.

(Кутаисъ.)

ПРИМЪ ЧАНІЯ.

1) *Татарская пѣсня* эта была доставлена покойнымъ Абазъ-Кули-Ханомъ одному польскому поэту, Ладо-Заблочному, съ которымъ я познакомился въ Тифлисъ, въ 1846 году, за годъ до его кончины въ Кульпахъ.—Онъ перевелъ эту пѣсню по польски, прозой; я, какъ умѣлъ, русскими стихами....

2) *Сарбазы* — персидскіе солдаты, гарнизонъ.

— *Нацвалъ* — деревенскій староста.

3) *Чингури* музыкальный инструментъ съ чертырьмя, а иногда съ пятью металлическими струнами. На струнахъ играютъ однимъ пальцемъ, на который обыкновенно надѣваютъ искусственный костяной ноготь.—Чингури такой-же общепотребительный инструментъ за Кавказомъ, какъ въ Россіи балабайка.

4) Чтобъ познакомить моихъ читателей съ характеристикой здѣшнихъ праздниковъ, помѣщаю отрывокъ изъ моего описанія Марджокскаго праздника, напечатанный въ фельетонѣ Закавказскаго Вѣстника, 1849 года, № 35.

«... Въ гору поднималась дорога. Она вела насъ въ пустыню, въ глушь и лѣсъ, а намъ казалось, что мы приближаемся къ многолюдному городу; трудно было проѣхать верхомъ. Широкія, двухъ-колесныя арбы, убранныя снопами, занавѣшанныя коврами и паласами, медленно, какъ допотопныя колесницы, подвигались впередъ, влекомыя усталыми буйволами; полы ковровъ были откинута; цѣлыя семейства — старухи съ грудными дѣтьми, и молодыя дочери ихъ, сельскія красавицы, облокотясь на подушки, поглядывали на мимо ѣдущихъ, стройныхъ и нестройныхъ, старыхъ и молодыхъ, красивыхъ и неклюжихъ, бѣдно и богато одѣтыхъ всадниковъ. Пѣшіе поселяне вели

и гнали барановъ; шумъ, говоръ, пѣсни и музыка заглушали ихъ жалобное блеяніе. Всѣхъ печальнѣе былъ баранъ, прикрученный къ доскѣ, которая, не знаю какъ, была прилажена между колесомъ арбы и между сидящими на ней женщинами. Рѣдкій всадникъ ѣхалъ молча, не заломя на бекрень грузинской шапки, не подбоченившись и не распѣвая пѣсень. Смуглыя лица ихъ уже достаточно были подрумянены.

• Когда, поворотивъ на право, поднялись мы на гору, развалины храма потеряли ту грандіозность, которая поражала насъ въ то время, когда мы за полверсты приближались къ нимъ, быть можетъ потому, что измѣнилась точка зрѣнія. Подъ кустами, въ ямахъ, бѣгли камни, служившіе нѣкогда основаніемъ келій; невысокая стѣна, мѣстами обрушенная, шла по лѣвую сторону дороги и примыкала къ стѣнамъ главной развалины. Наконецъ, покинувъ лошадей, вышли мы на площадку, которая нѣкогда служила помостомъ храма. На площадкѣ, подъ открытомъ вечернимъ сводомъ неба, молился народъ, надъ гробомъ Святаго Антонія и цѣловалъ парчу, покрывающую могильную плиту его. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой могилы возвышался деревянный на четырехъ точеныхъ столбикахъ, навѣсъ, поддерживающій хрустальное паникадило, и осыпая напой, на которомъ всего замѣтнѣе былъ нерукотворенный образъ Спасителя. Чѣмъ темнѣе остановился необъятный сводъ, тѣмъ свѣтлѣе было въ стѣнахъ развалины: восковыя свѣчи горѣли ярко; вѣтеръ спалъ; — молча, сложа мѣшки свои, дремала на камняхъ отдыхающая нищая братія, тогда какъ праздникъ за стѣнами становился все шумнѣе и шумнѣе, по мѣрѣ того, какъ загорались звѣзды, а время бѣжало къ полуночи.

« Когда, поклонившись гробу, я съ площадки сошелъ на дорогу — картина праздника, полная блеску и движенія, невольно заставляла меня на каждомъ шагѣ останавливаться и любоваться. Быть можетъ мѣстность увеличивала очарование: кругомъ чернѣли горы и лѣсъ, взбирающійся на высокіе хребты ихъ — пріютъ вечернихъ облаковъ и постоянной свѣжести. Я посмотрѣлъ туда, куда склонялся млечный путь, и взоры мои упали прямо на скалу и башню Св. Антонія. Скала и башня, сливаясь въ одну безразличную массу, какъ туманъ, сгустившійся и оцѣпенѣвшій въ видѣ остроконечнаго конуса, заслоняли собою мириады звѣздъ и

какъ будто сами говорили мнѣ: посмотрите, какъ мы высоки и далеки отъ вашего праздника! Понимаю возможность мечтать въ пустынѣ, понимаю возможность описывать хорошія окрестности, если не видишь ничего лучше этихъ окрестностей; но ко мнѣ на встрѣчу тихо и молча шли цѣлыя семейства, цѣлыя группы дѣвушекъ, съ откинутыми назадъ покрывалами. Зурна и выстрѣлы не помѣшали слышать легкій шорохъ и шелестъ шелковой, праздничной одежды ихъ; а блескъ и зарево костровъ, освѣщая молоденькія, свѣженькія лица ихъ, придавали имъ такую правильность, такую живость и томность, что я не шутилъ былъ радъ оптическому обману, который въ эту ночь такъ удачно гармонировалъ съ настроеніемъ души моею.

На право и на лѣво, на горѣ и подъ горою, далеко и близко были раскинута шатры и палатки изъ простынь и парусины, которыхъ полы на аршинъ не доходили до низу, и стало быть позволяли взору свободно проникать въ ихъ внутренность. Впрочемъ кто-жъ и прятался! Все было на виду. Ковры, мутки, одѣяла, мѣшки, ларчики, кувшины, серебряныя кулы, стаканы, блюда — все это было въ самомъ поэтическомъ, прекрасномъ безпорядкѣ. Дымящіяся самовары напоминали мнѣ гулянье въ Сокольникахъ, подъ Москвой, а звуки зурны и пѣсни невольно надували въ уши забвеніе родному сѣверу.

«Картина праздника, не смотря на все свое единство, была такъ разнообразна въ частяхъ своихъ, что нѣтъ возможности ее представить, не коснувшись множества группъ, которыя встрѣчалъ я, шатаясь между людьми и колесами, переступая веревки растянутыхъ шатровъ, посреди огней, которыхъ дымъ начиналъ ѣсть глаза мои. Въ одномъ мѣстѣ, подъ удары въ бубенъ, я видѣлъ, по очереди выходили въ кружокъ и плясали дѣвушки, тѣ самыя, которыхъ за минуту видѣлъ я коленопреклоненными передъ могилой Святаго отшельника. Нѣкоторыя изъ нихъ, разгорѣвшись отъ пляски, вновь шли молиться на развалины. Толпа мушкетеровъ въ чухахъ и буркахъ, собираясь вокругъ танцующихъ, мѣрно била въ ладоши, но все время сохраняла спокойный, отчасти мрачный видъ, который такъ шелъ къ воинственной одеждѣ ихъ.

«Но есть-ли возможность не улыбаться заѣзжему! Вотъ напримѣръ: у древеснаго пня, живо помню, на сучьяхъ виситъ что-то неопредѣленное, вѣроятно старыя большія

платки, сшитыя вмѣстѣ; подъ этимъ навѣсомъ, изъ подъ одѣяла, въ грузинской шапкѣ на бекрень, выглядываетъ ребенокъ; дѣвочка лѣтъ 7 пляшетъ передъ нимъ лезгинку; другая, немного старше, мастерски подбрасывая бубень, и безпрестанно ускоряя темпъ, сама подергиваетъ плечами; третья дѣвочка, вѣроятно служанка, держитъ подъ мышками два кубышкообразныхъ персидскихъ барабанчика; а старуха, быть можетъ нянька, а можетъ быть и мать, горбатая и сморщенная, наклонившись, бьетъ въ эти барабаны не хуже всякаго барабанщика; и дрожащій свѣтъ потухающаго костра освѣщаетъ группу. Невдалекѣ кружокъ поселягъ: старикъ изъ бурдюка нацѣживаетъ вино — я прохожу мимо, мнѣ машутъ руками, зовутъ, пьютъ за мое здоровье и наливаютъ полный стаканъ... «Шей! говорятъ, алма верды! сидись съ нами, Русулъ!» Отказаться отъ вина — значитъ обидѣть; я пью. Толпа кричитъ ура! и запѣваетъ пѣсни.

«Музыканты съ зурнами, чингурами, барабаномъ и бубнами, ходятъ отъ шатра къ шатру и деньги безъ уговора сыплются имъ въ руки, въ награду за неумолимое усердіе. Красныя щеки, надувая зурну, какъ мѣха, страшно раздуваются; звуки неистовые, пронзительные, какъ плачъ и крикъ, вырываются съ невфройтною силою, заглушая выстрѣлы, которыя раздаются по мѣсу. Всѣ въ восторгѣ. Ноги плясуна страшно работаютъ; пестрыя чулки его мелькаютъ на пестромъ коврѣ; стаканы безпрестанно заслоняютъ усы пирующихъ; полураскрытыя уста и черныя очи городскихыхъ и сельскихъ красавицъ выражаютъ полное удовольствіе.

«Часу въ первомъ ночи, я уже видѣлъ спящихъ и дремлющихъ, но только женщинъ и дѣтей. Многія изъ нихъ спали во всемъ платьѣ на открытомъ воздухѣ. Что касается до меня — увы! я также, подобно имъ, имѣлъ намѣреніе выспаться. Надобно вамъ сказать, вблизи развалинъ, однимъ зажиточнымъ гражданиномъ устроена комната для пріѣзжающихъ. Тамъ, гостепріимный хозяинъ далъ мнѣ подушку, и оставилъ мѣсто, гдѣ протянуть ноги и накрыться шинелью. Но двери этой комнаты всю ночь отворялись и толпы поселягъ, съ фонарями и съ пѣснями врвались въ комнату; схватившись руками, выдѣлывали па и не слишкомъ безпокоились объ нашей усталости. Понявъ наконецъ всю невозможность заснуть, я вышелъ въ мѣсъ. Тихо было въ воздухѣ, костры потухали; но мѣсъ гудѣлъ отъ пѣсенъ.

Все что за два часа тому назад сидѣло отдѣльными кружками—все это полнялось, собралось, растянулось въ длинныя хороводы, заплѣло и заплясало; только и было слышно: Гу! гу! гу!... гу! гу! гу! Здѣшнія хороводы не то, что русскіе: поселяне кладутъ другъ другу на плеча руки, какъ бы опираясь другъ на друга, чтобы не упасть, — дѣлаютъ два прыжка на право и потомъ на лѣво, потомъ опять два прыжка на право и опять на лѣво. Эти хороводы такъ необыкновенны для глазъ пріѣзжаго, что стоитъ не спать одну ночь, чтобъ видѣть ихъ.»

⁵⁾ *Азарпеша* — серебряная или золотая съ рукоятной заздравная чаша, необходимая принадлежность грузинскихъ обѣдовъ; азарпешу передаютъ изъ рукъ въ руки по приговору *тулумбаша* или начальника попойки, избраннаго гостями. Обыкновенно каждый долженъ пить за здоровье каждаго т. е. столько разъ, сколько присутствующихъ.

⁶⁾ Національный танецъ лезгинка всегда сопровождается мѣрнымъ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ. — На сельскихъ праздникахъ, по большей части вдвоемъ, пляшутъ дѣвушки: когда устанутъ, выбираютъ изъ кружка своихъ подругъ двухъ другихъ и просятъ ихъ съ поклонами на середину круга.

⁷⁾ *Бичо!* мальчикъ! — Звательный падежъ грузинскаго *бичи*, употребляемый здѣсь русскими во всѣхъ падежахъ.

⁸⁾ *Катиба*, родъ полушубка съ длинными откидными рукавами. — Въ Грузіи не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, случается встрѣтить женщинъ въ атласъ и бархатъ.

⁹⁾ *Авлабаръ* — часть города Тифлиса, на лѣвомъ берегу Куры.

¹⁰⁾ *Саллалаки*, — также часть Тифлиса, или лучше сказать юго-западная оконечность города, расположенная въ Саллалакскомъ ущельи. До сихъ поръ Саллалаки имѣютъ видъ аула и необыкновенно живописны. — Нагорный Саллалакскій ключъ, перебѣгающій новую дорогу въ Куджоры, рваную пороховъ, есть единственный источникъ, который, посредствомъ канавъ и трубъ, наполняетъ бассейны и орошаетъ всѣ сады, зеленѣющіе въ этой части города.

¹¹⁾ *Личакъ* лучшая принадлежность женскаго головнаго убора въ Грузіи. Личакъ — родъ вуаля, который постоянно откинуть назадъ и виситъ безчисленными складками, гораздо

ниже пояса; при малѣйшемъ вѣтрѣ онъ волнуется потому что обыкновенно бываетъ тюлевый, иногда вышитый бѣлымъ шелкомъ, иногда усыпанный серебрянными звѣздочками. Пожилыя женщины уже перестаютъ носить личакъ.

¹²⁾ Въ первый разъ эти стихи были напечатаны въ разсказѣ «Два незнакомца—живой и мертвый», помѣщенномъ мною въ 44, 45 и 46 №№ Закавказскаго вѣстника 1848 г.

¹³⁾ Это стихотвореніе было также напечатано въ «Вѣстникѣ», подъ ошибочномъ названіемъ «въ Грузіи». Охотникамъ до журнальныхъ рецензій рекомендую 3 № Кавказа 1849 года, гдѣ они могутъ прочитать разборъ этого стихотворенія.

¹⁴⁾ *Царь Вагтанъ* — Грузинскій лѣтописецъ.

¹⁵⁾ *Тамары* — въ Имперетіи много развалинъ, которые носятъ имя знаменитой царицы. — Развалины дворца ея въ окрестностяхъ Кутаиса посѣщаль я въ 1846 г.

¹⁶⁾ Букеты въ видѣ подносовъ — называются *нобатами*.

¹⁷⁾ Въ *давилянскъ толкотня*. Строевія, гдѣ дѣлаютъ и хранятъ вино, называются въ Грузіи *маранями*. Давиляня, это мѣсто въ марани, отгороженное каменною стѣнкой, куда сваливаютъ виноградъ и давятъ его босыми ногами. Виноградный сокъ по желобамъ стекаетъ прямо въ кувшины, врытые въ землю. Эти кувшины бывають иногда и въ сажень глубины.

¹⁸⁾ Знаменитый Алавердскій праздникъ въ Кахетіи бываетъ 14-го Сентября.

¹⁹⁾ *Ки. А. И. Ч-зе.....*

²⁰⁾ Эпитетъ *колочій* покажется не вѣрнымъ для тѣхъ кто не знаетъ, изъ какихъ колочихъ сучьевъ дѣлаются здѣшніе плетни — слово *плетень* скорѣй невѣрно, потому что ихъ дѣлають, насаживая на колья пучки сухихъ, тѣсно перепутанныхъ колочихъ сурьевъ. Перелезть черезъ такой плетень просто нѣтъ возможности.

²¹⁾ *Агаларъ* — татарскій помѣщикъ, Агалары — сословіе, пользующееся особыми правами въ здѣшнихъ мусульманскихъ провинціяхъ. Что касается до образа жизни и образованности, большая часть изъ нихъ ничемъ не отличается отъ крестьянъ своихъ.

²²⁾ *Калымъ* — приданое или подарки со стороны жениха отцу невѣсты.

²³⁾ Ганжа—Елисаветополь.

²⁴⁾ *Руйблуда* или *рубанда* — такъ бочаринскіе Татары

называютъ женскую повязку, закрывающую нижнюю часть лица до самыхъ глазъ.

²⁵) *Бакальщикъ* — продавецъ фруктовъ.

²⁶) *Канаусъ* — шелковая, одноцвѣтная, персидская матерія; ее однакожь ткуть и въ Грузіи.

²⁷) *Хабарда!* — посторонись! поди—поди! крикъ Тифлисскихъ извозчиковъ.

²⁸) *Бурдюкъ* — сшитый и засмоленный мѣхъ изъ буйволовыхъ или козминыхъ шкуръ, для сбереженія вина, масла, меду, и даже сыру — Есть бурдюки, которые могутъ вмѣщать въ себѣ около 200 тунгъ вина — (тунга 5 бутылокъ).

²⁹) Въ Кахетіи, какъ и въ другихъ Закавказскихъ провинціяхъ, есть обыкновеніе хиной окрашивать усы и бороду — обычай, заимствованный отъ Персовъ.

³⁰) *Муша* — нанимающійся переносить тяжести — Безъ мушей въ Тифлисѣ не обходится ни одного перехода съ квартиры на квартиру, ни одного базара.

³¹) *Подкоши* — башмаки, безъ задковъ, на высокихъ каблукахъ.

³²) *Майданъ* — Татарская базарная площадь.

³³) *Метехъ* — небольшое укрѣпленіе, построенное при Главноуправляющемъ въ Грузіи, А. П. Ермоловѣ — Метехъ стоитъ надъ Курюю, на краю береговой скалы, и господствуетъ надъ городомъ. — Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, здѣсь былъ дворецъ Царя Арчила, имъ покинутый и потомъ занятый Турками.

³⁴) *Саятъ-Нова* — анонимъ одного изъ армянскихъ пѣвцовъ прошлаго столѣтія. Предлагаемое стихотвореніе — переводъ нѣсколькихъ строфъ изъ небольшого числа его пѣсенъ, пощаженныхъ временемъ. Первый стихъ этого стихотворенія грѣшитъ противъ физики; но это не моя вина. О Саятъ Новѣ и характерѣ его пѣсенъ я написалъ небольшую статью — См. 1 и 2 №№ газеты «Кавказъ». 1851 года.

³⁵) *Сатаръ* — собственное имя извѣстнаго въ Тифлисѣ персидскаго Пѣвца. — Сатара можно слышать на грузинскихъ и армянскихъ свадьбахъ, куда онъ является въ сопровожденіи музыкантовъ. Ему аккомпанируютъ: *чунгури*, бубень, *тимпанито* и *чанури*, т. е. азіятская скрипка. Его восторженно-дикіе вопли, поражая слухъ европейца неизною, рождаютъ въ душѣ странное, тревожное чувство.

³⁶⁾ Стихотвореніе «*Выборъ Уста баша*» основано, если не на дѣйствительномъ фактѣ, покрайней мѣрѣ на молвѣ, извѣстной всему Тифлису. *Уста-баша* тоже, что голова или старшина.

³⁷⁾ *Амкаръ* — община. Въ отношеніи къ понятію о цехѣ это слово имѣетъ болѣе обширное значеніе, ибо цехъ предполагаетъ только общину мастеровъ или ремесленниковъ, тогда какъ въ Тифлисѣ *амкаръ* составляютъ не только ремесленники, но и торговцы, какъ то: бакальщики, или продавцы фруктовъ, водовозы и другіе. Выборъ уста-баша сопровождается разными церемоніями. — См. «Кавказъ» 1850 года, № 93, статью, И. А. Сливцоваго.

³⁸⁾ *Замокъ розъ* — по грузински *Вардисъ-цихе*. Развалины этого замка находятся верстахъ въ двадцати отъ Кутаиса, при слияннн рѣкъ Квирилы съ Ріономъ.

³⁹⁾ *Шота Руставель* свою молодость провелъ въ Византіи, гдѣ и получилъ образованіе. Онъ — авторъ Грузинской поэмы: «Барсова кожа» и современникъ Тамары.

⁴⁰⁾ Нѣкоторые изъ грузинъ увѣрены, что въ поэмѣ своей «*Барсова Кожа*» Шота Руставель, подъ именемъ дочери индѣйскаго царя, Нестанъ Дареджаны, воспѣваетъ царицу Тамару.

Всѣ изустныя преданья о вѣкѣ Тамары единогласно подтверждаютъ, что Шота Руставель былъ влюбленъ въ знаменитую царицу. Есть еще преданіе, будто бы Руставель былъ отравленъ за то, что осмѣлился просить руки царицы, въ награду за стихи свои.

СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. ПОЛОНСЬКАГО.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

(ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТИХ. ИЗДАНЫМЪ ВЪ 1855 Г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859.

НЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ,
14 Апрѣля 1859 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна —

Пропадая вдали,—разливается...

Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча, темна,

На зорѣ — въ ней зоря отражается.

Если-жъ вдругъ вспыхнуть искры нежданной любви,

Пли на сердце горе накопится —

Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,

И волна уносить ихъ торопится.

На устахъ ея — улыбка;
Въ сердцѣ — слезы и гроза.
Съ упоеніемъ и грустью,
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: обманъ твой
Я предвижу — и не лгу,
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все также грустно;
Но лице его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
Берегись меня! — я знаю,
Что тебя я погублю,
Отъ того что я безумно,
Горячо тебя люблю!....

НА ЧЕРНОМЪ МОРЬ.

1855 года.

Отраднѣй сна, товарищъ мой,
Мнѣ побесѣдовать съ тобой :
Сердитый валь къ намъ въ ложи бѣтъ ;
Фонарь скрипитъ надъ головой ;
И тяжело стонетъ пароходъ,
Какъ умирающій больной.

Ты также раненъ, какъ и я....
Но эти раны жгутъ меня,
И въ тоже время холодятъ:

Не спась меня хирурга ножъ!
Но ты меня моложе, братъ, —
И ты меня переживёшь.

Едва ли, впрочемъ, этотъ Крымъ,
И этотъ гулъ, и этотъ дымъ,
И эти кучи смрадныхъ тѣлъ,
Забудешь ты когда нибудь,
Куда бы ты не полетѣлъ
Душой и тѣломъ отдохнуть.

На лонѣ мира и любви
Ты вспомнишь—ужасъ! — ты въ крови
Топталъ товарищей своихъ,
Ты слышалъ ихъ предсмертный хрипъ,
Ты, раненый, близъ ранъ моихъ
Лежалъ, страдалъ и— не погибъ.

Какой цѣной, ты вспомнишь, братъ,
Купили мы развалины рядъ!
Для человѣческихъ ушей
Громъ неестественный гремѣлъ,
Когда мы лезли изъ траншей
На валъ, скользя по грудамъ тѣлъ.

И одолѣли мы врага....
И замеръ крикъ.... Едва нога
Француза перешла тотъ валь,
Гдѣ былъ когда-то ихъ редуть,
Велѣдъ за громами вдругъ насталь
Какъ бы послѣдній страшный судъ.

Неслыханная тишина,
Тоски и ужаса полна,
Распространившаяся вдругъ,
Казалось, говорила намъ,
Что небеса пришли въ испугъ,
Что страшно даже мертвецамъ.

На камняхъ я, лишенный силъ,
Лежалъ—и вотъ глаза раскрылъ....
Молчанье скалъ, затихшій громъ —
Все было странно такъ.... Привстать
Хотѣлось.... голову съ трудомъ
Я поднялъ—и хотѣлъ кричать....

Стѣна была обагрена....
Дымъ застилалъ, какъ пелена,
Небесный сводъ—и отъ земли

Тяжелый поднимался парь....
Вдали пылали корабли,
И отражалъ заливъ пожаръ.

Ликуйте, гордые умы!
Могилу храбрыхъ взяли мы....
Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но — фиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутить тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
Вкушаетъ славу!... Я-бъ не могъ...
Я для иного былъ рожденъ,
Иныя цѣли смѣлъ таить,
И былъ, какъ бурей, увлеченъ
Туда, гдѣ я не могъ любить....

И гдѣ, казалось-бы, не слѣдъ
Мнѣ умереть въ чадѣ побѣдъ....
Но — умираю.... Все, что я
Любилъ когда-то, въ эту ночь
Какъ будто около меня
Стоить, и не отходить прочь.

Я вижу — вотъ моя семья....
Вотъ мать.... вотъ нѣжная моя
Подруга.... дѣти.... Боже мой!
А это кто?!... Иль это бредъ?...
Какой-то призракъ роковой —
Въ блестящей мантии скелеть....

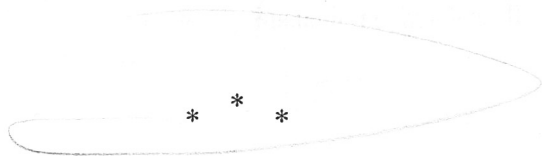
Ужели смерть?... Зачѣмъ она
Грозя кричить: «Пылай война!
Враждуйте, племена всѣхъ странъ!
Вотъ вамъ республика и тронъ,
И христіанство и коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!»

Скажи, что значу я предъ ней,
Со всею гордостью моею?...
Ея десница мнѣ на грудь

Легла,—и я, какъ тряпка, смять!
Освободи братъ! дай вздохнуть!....
А-га! да ты ужь умерь, братъ!

1855 года.

Вижу-ль я, какъ во храмѣ смиренно она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной стоитъ
(Такъ молиться лишь можетъ святая одна) —

И болить мое сердце—болить!

Вижу-ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ ланить
(Такъ надменно блеститъ лишь одинъ Сатана) —

И болить мое сердце—болить!

И молю я Владычицу-Дѣву, скорбя:
Ниспошли ей Владычица-Дѣва терновый вѣнокъ,
Чтобъ, ее за страданья, за слезы любя,
Я ее ненавиждѣть не могъ.

И зову я къ тебѣ, Сатана! — оглуши,
Ослѣпи ты ее, подари ей блестящій вѣнокъ!
Чтобъ, ее ненавидя всей силой души,
Я любить ее больше не могъ.

---

*

Царство науки не знает предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ —
    Разума слово и дѣло,
    Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
    Этаго свѣтлаго царства
    Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
    Много-ли-жъ дѣлъ мы запишемъ—
    Много-ли словъ?

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ, и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяеть
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

З В Ъ З Д Ы.

Посреди свѣтилъ ночныхъ,
Далеко мерцающихъ,
Изъ тумановъ млечными
Пятнами блуждающихъ,
И переплывающихъ
Небеса полярныя,
Новыя созиждутся
Звѣзды свѣтозарныя.
Такъ и вы, туманныя
Мысли, тихо носитесь,
И, неизъяснимыя,
Въ душу глухо проситесь;

Такъ и вы, надъ нашими
Темными могилами,
Загоритесь нѣкогда
Яркими свѣтилами....

А Г А Р Ъ .

«Завистью гонима, я бѣгу стыда —
И никто не сыщеть моего слѣда.

«Кущи господина! сѣни госпожи!
Вертоградъ зеленый! столбъ родной межи!

«Поле, гдѣ доила я веселыхъ козъ!
Ложе, гдѣ такъ много пролила я слезъ!

«И очагъ домашній, и святой алтарь! —
Все прости на вѣки!» — говорить Агарь.

И ее въ пустыню духъ вражды влечетъ,
И пустыня словно все за ней идетъ,

Все впередъ заходить, и со всѣхъ сторонъ
Ей грозить и душить, какъ тяжелый сонъ.

Сѣрья каменя, лава и песокъ
Подъ лучами солнца жгутъ подошвы ногъ.

Пальмъ высокихъ листья сухо шелестятъ;
Тѣни безъ пролады по лицу скользятъ;

И въ лице ея вѣтеръ дышетъ горячо;
И кувшинъ ея давить смуглое плечо.

Сердце замираетъ, ноги устаютъ,
Слезы высыхаютъ, и опять текутъ....

Чу! вдали журчанье ключевой воды,
По краямъ оврага свѣжіе слѣды.

Знать не даромъ пастырь здѣсь прогналъ стада.
Вотъ—скамья и жолобъ, зелень и вода.

И, слагая ношу, сѣла отдыхать
Бывшая рабыня—будущая мать.

И страшась пустыни и боясь пути,
И не зная гдѣ ей спутниковъ найти,

Головой поникла съ тайною мольбой.
Вдругъ, какъ будто съ вѣтромъ, сладостно-живой

Голосъ не воздушный, но и не земной
Прозвучалъ въ пустынь, говоря съ душой.

И она очнулась... слушая, глядитъ,
Видитъ—ангелъ Божіи на пескѣ стоитъ.

Бѣлая одежда, бѣлое крыло,
Кроткое сіянье—строгое чело.

—Ты куда?—спросилъ онъ. «Я иду въ Кадисъ.»
И сказалъ ей ангелъ:—съ миромъ воротись.—

«Я бѣгу отъ Сары, госпожи моей.»
И сказалъ ей ангелъ:—примирися съ ней!...

—И родишь ты сына, силу многихъ силъ...
Наречени имя ему Пзмаилъ:

— И рука Господня будетъ вѣчно съ нимъ....
Населятся страны семенемъ твоимъ....—

И съ отрадой въ сердцѣ началъ вставать
Бывшая рабыня—будущая мать.

ПЕРЕДЪ ОТЪВЪДОМЪ

въ альбомъ гр. К. Толстой.

Я счастливъ, если я, скитаясь по землѣ,
Гонюсь за счастьемъ, котораго не знаю...

Я уѣзжаю, снова уѣзжаю,

И на твоёмъ младенческомъ челѣ

Мой поцѣлуй прощальный покидаю.

Его никѣмъ не зримый слѣдъ

Едва-ли сохранять твои воспоминанья:

Исчезнетъ онъ, какъ чувство безъ названья,

Какъ облетѣвшаго цвѣтка благоуханье,

Какъ вздохъ, которому истолкованья нѣтъ.

Но если я, застигнутый ненастьемъ,
Но если я въ борьбѣ съ несчастьемъ
Останусь твердъ и невредимъ —
Повѣрь, я вспомню съ умиленьемъ,
Что дѣтскимъ сердцемъ я когда-то былъ любимъ —
И что я былъ младенческимъ твоимъ
Напутствуемъ благословеньемъ.

18 марта 1855 г.

И. С. А.

Когда мнѣ въ сердце бьётъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безошадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собрать, пойму-ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгіи геніи
Ведеть тебя инымъ путемъ —

Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали:
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я любилъ.

Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ:—
Я выжалъ сокъ его,—пилъ, душу отравляя,
И заглушая сердца плачь.

Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму-ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой.

Быть можетъ, знать добро — не значить зла не видѣть,
Любить — не значить тосковать....

Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сѣять.

Вотъ почему, когда звенить, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безопадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я вмешаю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

1856 г.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОСЪ.

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви; а между тѣмъ
Ты любишь, самъ не понимая,
Кого ты любишь и за чѣмъ —

Изъ глубины, откуда бьется
Пульсъ жизни сердца твоего,
Мой голосъ смутно раздается:
Услынь его! пойми его!

Кто я? — меня не видитъ око....
Но — близкій сердцу, какъ печаль —
Я, какъ мечта, ношусь далѣко,
Зову и — увлекаю вдаль.

Я — не доступный мыслям праздным —
Я тотъ, кто въ благодати своей,
Законы далъ звѣздамъ алмазнымъ,
Свободу далъ душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
Свой вѣчный свѣтъ вливая въ нихъ,
Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
Тревогъ и радостей твоихъ;

Но, бесконечно всюду вѣя,
Хочу, чтобъ жизнь была полна,
Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
Дышу на эти семена —

И говорю: на почвѣ скудной
Дай вырѣть Божьимъ семенамъ,
Въ день благодатный жатвы трудной
Я за дѣла твои воздамъ.

С Н Ы.

I.

Затворены душныя ставни;
Одинъ я лежу, безъ огня.
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

Мнѣ снилось: румяное солнце
Въ постелѣ меня застаеть,
Кидаеть лучи по окошкамъ,
И молодость къ жизни зоветъ.

И странно во снѣ мнѣ казалось,
Что будто, пригрѣтый лучемъ,
Лѣниво я голову подъяль,
И сталъ озираться кругомъ.

Мнѣ снилось: толпа за толпою
Снуетъ мимо оконъ моихъ....
О, глухие люди! куда вы?
Я думаю, глядя на нихъ.

И самъ наконецъ я за ними
Куда-то спѣшу изъ воротъ....
И жжетъ меня полдень—и пыльный
Кругомъ суетится народъ.

И ходять послушныя ноги,
И движутся руки мои,
Безъ мысли языкъ мой лепечетъ
И сердце болить безъ любви.

И вотъ ужъ гляжу я на западъ,
Усталою грудью дыша:
Когда-то закатится солнце!
Когда-то проснется душа!

Проснулся: затворены ставни;
Одинъ я лежу, безъ огня.
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

II.

Мнѣ снилось, легка и воздушна,
Прошла она мимо окна;
И слышу я голосъ: мой милый!
Спѣши! я сегодня одна!...

Слова эти были такъ нѣжны,
И такъ нетерпѣнья полны,
Что сердце мое встрепенулось,
Какъ птичка на встрѣчу весны.

И радостнымъ сердца движеньемъ
Себя разбудилъ я... увы!
Глядѣла въ окно мое полночь,
И слышались крики совы.

И долго лежалъ я — и дума
Была, какъ свинець, тяжела.
Неужели въ это окошко
Она меня громко звала?

Неужели въ это окошко
Другимъ я когда то смотрѣлъ?

Былъ вѣтренъ, и молодъ, и весель,
И многого знать не хотѣлъ?

III.

Ужь утро! — но, Боже мой, гдѣ я?
Въ своемъ ли я нынче умѣ?
Вчера мнѣ казалось такъ живо,
Что я засыпаю въ тюрьмѣ.

Что кашляетъ сторожъ за дверью,
И что за туманнымъ стекломъ
Луна изъ за черной решетки
Сіяетъ холоднымъ серпомъ.

Что мышка подкралась и скоблетъ
Ночникъ мой, потухшій въ углу,
И что все какая-то птичка
Съ надворья стучить по стеклу.

Ужь утро! — но, Боже мой, гдѣ я?
Заснулъ я какъ будто въ тюрьмѣ,
Проснулся какъ будто свободный!
Въ своемъ ли я нынче умѣ?

НА ПУТИ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Славный морозъ. Ночь была-бы свѣтла,
Да застилаетъ сіянье
Мѣсяца душу - гнетущая мгла —
Жизни застывшей дыханье.
Слышится города шорохъ ночной,
Снѣгъ подметеный скрипитъ подъ ногой....
Дальнихъ огней вижу мутныя звѣзды,
Да запертыя подъѣзды....
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Что же въ гостяхъ удержало меня?
Или мнѣ было привольно,

Въ сладкомъ забвеньи бесплоднаго дня,
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо безъ цѣли болтать....
И не охотникъ я въ карты играть,
Даже, признаться, не радуеть ужинъ;
Да и кому я тамъ нуженъ!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Мери сегодня была весела,
И граціозно-любезна;
Но хоть она и умна и мила—
Нравиться ей бесполезно.
Слушать — такъ право, на горе мое,
Бредить героями... но до нее
Мнѣ далеко, потому что невѣста
Ищетъ доходнаго мѣста.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Олимпиада простѣе сестры....
Впрочемъ — глаза съ поволокомъ;

Листа играетъ; во время игры
Пальцы летаютъ съ прискокомъ,
Клавиши такъ и стучать и гремятъ...
Всѣ, будто въ страхѣ какомъ-то, молчатъ...
Правду сказать, мастера ея руки
На музыкальныя штуки!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Викторъ стихи намъ сегодня прочелъ:
Дамы остались довольны;
Только старикъ отъ чего-то нашель,
Что черезъ-чуръ мысли вольны,
Что молодежь нынче стала писать
Такъ, что не слѣдуетъ вслухъ и читать.
Вотъ и прочелъ я стихи эти снова, —
Ну и не понялъ ни слова!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Гости бывають тамъ разныхъ сортовъ:
Въ домъ прїѣзжаютъ—вертятся,

И комплиментъ у нихъ мигомъ готовъ,

Изъ дому ѣдутъ — бранятся.

Что занимаетъ ихъ — трудно понять,

Все обо-всемъ они могутъ сказать;

Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,

Каждому каждый наскучилъ.

Боже мой! Боже мой!

Поздно приду я домой!

Въ люди какъ-будто невольно идешь:

Все будто ищешь чего-то,

Вотъ-вотъ не нынче, такъ завтра найдешь...

Одолѣваетъ зѣвота,

Скука томить ... А проклятый червякъ

Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ:

Или онъ старую рану тревожить,

Или онъ новую гложетъ.

Боже мой! Боже мой!

Поздно приду я домой!

Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,

Свѣтлыхъ умомъ и вполне благородныхъ,

Но и они, въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнуть душею въ гостинныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ :
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вотъ, вижу дворникъ сидитъ у воротъ,
Въ шубѣ да въ шапкѣ лохматой :
Точно медвѣдь; на усахъ его лёдъ,
Снѣгъ въ бородѣ, въ рукавицѣ лопата....
Спитъ ли онъ, такъ ли прижавшись сидитъ,
Думаетъ думу, морозы бранить,
Или, какъ я же, бесплодно мечтаетъ,
Или меня поджидаетъ?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

СОЛОВЬИНАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ тѣ дни, какъ я былъ соловьёмъ,
Порхающимъ съ вѣтки на вѣтку,
Любилъ я поглядывать зоркимъ глазомъ,
Въ окно, на богатую клѣтку.

Въ той клѣткѣ, я помню, жила
Такая красавица-птичка,
Что видѣть ее страсть неволью влекла,
Насильно тянула привычка.

Слезами во мракѣ ночей
Питалъ я блаженныя грезы,
И пѣлъ про любовь я въ затишьѣ аллеи —
И звуки дрожали, какъ слезы.

И къ мѣсяцу я ревноваль....
И часто къ затворницѣ сонной
Я страстные вздохи свои посылалъ
По вѣтру, въ струѣ благовоной.

Не рѣдко внимала зоря
Моей серенадѣ прощальной —
Въ тотъ часъ, какъ, проснувшись, малютка моя
Плескалася въ ваннѣ хрустальной.

Однажды гроза пронеслась....
Вдругъ, вижу — окно на распашку,
И клѣтка, о, радость! сама отперлась,
Чтобъ выпустить бѣдную пташку.

И сталь я красавицу звать
На солнце, въ зеленяя сѣни —
Туда, гдѣ уютныя гнѣзда качать
Слетаются влажныя тѣни.

«Покинь золотую тюрьму!
«Будь голосу Бога послушна!»
Я звалъ.... но къ свободѣ, Богъ вѣсть почему,
Осталась она равнодушна.

Бѣдняжка, я видѣлъ потомъ,
Клевала отборныя зерна,—
Потомъ щебетала — не знаю о чѣмъ —
Такъ грустно и такъ не притворно!

О томъ ли грустила она,
Что крылышки доля связала?
О томъ ли, что, рано промчавшись, весна
На вѣкъ мои пѣсни умчала?

1856 года.

НА КЛАДБИЩѢ.

Знаю самъ, что непробуденъ
Мертвыхъ сонъ, и что къ лунѣ
Доступъ мой не столько труденъ,
Сколько доступъ ихъ ко мнѣ,
Знаю самъ, что воздухъ чище
За чертою городской....
Отчего же на кладбищѣ
Сердцу жутко въ часъ ночной?

Такъ и кажется, что тѣни
Мертвыхъ колоколъ съзоветъ...
На церковныя ступени
Призракъ сядетъ и вздохнетъ;

Иль, костлявыми руками
Мертвеца приподнята,
Глухо стукнетъ за кустами
Надмогильная плита.

Суевѣріе-ль въ наслѣдство
Получилъ я отъ отцовъ?
Напугала-ль няня съ дѣтства
Появленіемъ мертвецовъ?
Но изъ области мечтаній,
Изъ-подъ власти темныхъ силъ
Я ушелъ — и волхвованій
Мракъ наукой озарилъ.

Муза стала мнѣ являться
Жрищой мысли, безъ оковъ,
И учила не бояться
Ни живыхъ, ни мертвецовъ.
Отчего-жъ невольный трепеть
Пробѣгаетъ по спинѣ
Всякій разъ, какъ листьевъ лепеть
Здѣсь я слышу при лунѣ?

Много въ небѣ звѣздъ далекихъ;
Небо тайнами полно;
Но на днѣ могилъ глубокихъ
Меньше-ль тайнъ погребено?
Въ мірѣ звѣздъ, по крайней мѣрѣ,
Умъ нашъ крылъ не опустилъ,
И открылъ, внимая вѣрѣ,
Тяготѣніе свѣтилъ.

Въ мірѣ тлѣнья не выноситъ
Умъ—свидѣтельства нѣмыхъ.
И, безкрылый, робко проситъ
Убѣжать скорѣй отъ нихъ.
Здѣсь боюсь я вспомнить разомъ
Всѣ повѣрія отцовъ:
Няни сказочнымъ разсказамъ
Здѣсь повѣритъ я готовъ!

НОЧЬ ВЪ КРЫМУ.

Помнишь — лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье,
И цикады стрекотанье
За оградой садовой?...

Въ полумгль, нагорнымъ садомъ,
Шли мы.... лавръ благоухаль;
Гротъ чернѣль за виноградомъ,
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполенный звучаль....

Помнишь — свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй —

Всей природы обаянье,
И невольное сліянье
Усть въ неожиданный поцѣлуй?

Эта музыка природы—
Эта музыка души
Мнѣ въ иные, злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышилась въ тиши.

Я внималъ—и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломя....
Легче вѣрилось и пѣлось....
Я внималъ—и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всёмя....

МОЛИТВА.

Отче нашъ! сына молениемъ внемли!
Все-проникающую,
Все-созидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой!
Силы дай страждущему;
Разуму жаждущему
Ты вожденныя тайны открой!

Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся,
И ужаснувшуюся
Мрага и зла и не правды людей!

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

1858.

ГАПСАЛЬ 1852.

Скучный и однообразный,
Безтолковый градъ Гапсаль,
Гдѣ провелъ я мѣсяцъ праздный,
Убаюкавъ въ ваннѣ грязной
Все — и радость и печаль;
Гдѣ терпѣлъ я лѣтомъ стужу;
Гдѣ похожъ заливъ морской,
Не на море, а на лужу,
Съ застоявшейся водой;
Гдѣ особенно печаленъ
Видъ затворенныхъ купаленъ —
Самый лучший здѣшній видъ;
Гдѣ насосъ неутомонный

Цѣлый день, изъ лужи сонной,
Тянетъ воду и — скрипитъ;
Гдѣ безлюдныя гулянья
Оглашаютъ скрипачи;
Гдѣ напрасны все желанья,
Сколько тутъ ни хлопочи;
Гдѣ красавицы чухонской
Пятки, носъ и волоса
Воспѣвать готовъ П.... скій,
Какъ большія чудеса;
Гдѣ, скажу еще вдобавокъ,
Медицинскій нуженъ навѣкъ,
Чтобъ узнать безъ лишнихъ словъ,
Кто здѣсь болѣнъ, кто здоровъ:
На ивыхъ глядѣтъ завидно—
Ничего въ лицѣ не видно.....

Недавно* ты изъ мрага вышелъ,
Недавно ты пошелъ назадъ,
И все ты видѣлъ, все ты слышалъ, —
И все ты понялъ невпопадъ....
Остановись! уже-ль намѣдни,
Безумецъ, не замѣтилъ ты,
Что потушилъ огонь послѣдній,
И смялъ послѣдніе цвѣты!...

---

* * *

Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ;
Горѣли свѣчи; изъ кадилъницъ дымъ
Вставалъ столбомъ; и съ пѣньемъ гробовымъ
Сливался гласъ молитвъ покорныхъ....
И язвы Господа, Который росеять былъ,
Толпа лобзала грѣшными устами;
А я—одну тебя, скорбя, искалъ глазами
Въ дыму бряцающихъ кадилъ.
И видѣлъ я, какъ жарко ты молилась,
Какъ вѣры чистый лучъ въ глазахъ твоихъ сіялъ;
Твоя душа на небо возносилась,
Я на землѣ по ней, какъ грѣшникъ, тосковалъ.
Сего-дня свѣтлый день и церковь, торжествуя,
Поеть: «Христось воскресъ!» — колокола звучать:

Весной дыша и празднично ликуя,
Толпы по улицамъ шумять.
Въ веселыхъ маскахъ ходять лицемѣры;
Готовы цѣловать меня враги мои;
А мнѣ, я чувствую, какъ мало свѣта, вѣры,
Безъ теплаго луча твоей любви.
Но, гдѣ же ты?— зову, молю—хоть мимо
Пройди, о, гений чистый мой!
Мнѣ кротко улыбнись улыбкой Херувима,
Иль, какъ дитя, посмѣйся надо-мною!
Слегка руки моей коснись твоей рукою;
Наполни душу мнѣ предчувствіемъ небесъ,
Чтобъ могъ я радостнѣй, воскреснувши душою,
Произнести: воистину воскресъ!

НАЯДЫ.

(Фантазія.)

Quos ego!...
Virgil.

Я всю ночь просидѣлъ на уступѣ скалы,
И знакомый мнѣ ропоть я слышалъ у ногъ:
То Эгейское море катило валы,
И плескало на рыхлый песокъ.
Тамъ, довѣрясь пустынѣ, я громко читалъ
Заунывныя пѣсни отчизны моей,
Говорилъ я народу, не видя людей,
И далѣко по взморью мой голосъ звучалъ.
Надъ пучиною, въ лонѣ глубокихъ небесъ,
Почивалъ громовержець Зевесъ....
Все по прежнему!—вѣра была не нова....

И я громко боговъ уличалъ; но едва
Я замолкъ—на яву увидалъ чудный сонъ:
Въ лунный блескъ изъ воды поднялась голова,
И другая, и третья, и слѣдомъ за ней,
На поверхности ровно-бѣгущихъ зыбей,
И вдали, и вблизи, цѣлый рой
Ихъ возникъ изъ чучины морской.
То все были Наяды. Въ серебряной мглѣ
Рисовались ихъ очерки; тихо онѣ
Колыхались и плыли, какъ пѣна, къ землѣ,
И нагя мерцали при полной лунѣ...
И луны отраженье колебля, заливъ
Тихо къ отмели несъ ихъ, журча какъ потокъ,
И къ отлогому берегу молча приплывъ,
Нимфы моря локтями на влажный песокъ
Оперлись и поникли...

Я долго не могъ

Ни понять, ни расслушать ихъ. Вдругъ
Сладкогласная рѣчь поразила мой слухъ:
„Это онъ! земнородный титанъ Прометей,
„Что похитилъ огонь у небесъ!—это онъ,
„Одарившій душею людей!
„Не его ли мы слышали стонъ?

„Тише, сестры!—быть может, опять
„Мы услышимъ страдальческій голосъ его,
„Научающій мыслить, страдать
„И любить, не боясь никого!“

Въ этотъ мигъ надъ заливомъ свинцовой горой
Поднялася громада-волна. Страшный гулъ
Сонный воздухъ потрясъ, и изъ пѣны морской,
Закачавшись, трезубецъ мелькнулъ.
Кверху—брызнулъ фонтанъ, внизу—прянулъ каскадъ,
Захрапѣли подводные кони.... Я могъ
Только видѣть сквозь брызги зубчатый вѣнокъ
Сѣдовласаго бога—владыки Наяды;
Но не видѣлъ лица его. Сильной рукою
Онъ возжами хлеснулъ, и сердито-глухой
Раздался его голосъ: «Вотъ я васъ! назадъ!»

На яву-ли — не знаю, быть можетъ во снѣ,
Все мгновенно исчезло—и онъ, и онъ,
Только плачущій валъ
По песку прокатился до каменныхъ скаль,
Только я просидѣлъ до румяныхъ лучей....
Поднимались ночные пары; чуть дышалъ

Поблѣднѣвшій заливъ, и я чутко молчалъ,
И молчало все....

Бѣдныя нимфы морей,
Не титанъ я, безсмертнаго мѣра творецъ.
Обманули васъ пѣсни отчизны моеи!
Испугалъ васъ ревнивый отецъ!

ТУМАНЪ.

Какой туманъ! ни солнца нѣтъ, ни тучи!
Деревья облеклись въ какой то дымъ пловучій;
И тянется сырой, бревенчатый заборъ
Вдоль грязной улицы, обманывая взоръ....
Вотъ нашей осени унылая картина!
Нѣтъ, что ни говори, здѣсь грустно безъ хлопотъ;
Меня здѣсь подъ ярмо сама природа гнѣтъ....
Не даромъ — эта блажь, бессонница, кручина,
Холодный сонъ души, или страстей обманъ,
Иль робость школьника, который передъ носомъ
Учителя стоитъ, запуганный вопросомъ;
Не даромъ иногда сквозь сѣющій туманъ,
Все чѣмъ жила душа, мнѣ кажется хаосомъ.

О, гдѣ ты? гдѣ, покинутая мной
Въ тѣ дни, когда я жилъ не сердцемъ, а мечтой,
И къ подвигамъ себя берегъ въ часы досуга?—
Откликнись! воротись! утѣшь названьемъ друга!—
Но—я на сѣверѣ, а ты подь солнцемъ юга—
И мой тяжелый вздохъ къ тебѣ не долетить.

1856.

She walks in beauty like the night.

Byron.

Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы:
Въ ней были мракъ и свѣтъ, въ одно видѣнье слиты.
Я видѣлъ темныя, стыдливыя рѣсницы,
Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты...
И съ гордой кротостью уста ея молчали;
И мнилось, если бѣ вдругъ они заговорили,
    Такъ много-бы прекраснаго сказали,
    Такъ много-бы высокаго открыли,
    Что и самой бы стало ей невольно
И грустно и смѣшно и тягостно и больно.

Какъ воплощенное страданіе поэта,
Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья;
Я проводилъ ее глазами безъ привѣта
И безъ восторженныхъ похвалъ и безъ моленья.

Съ благоговѣніемъ уста мои молчали;
Но если бъ какъ-нибудь они заговорили,
    Такъ много-бы безумнаго сказали,
    Такъ много-бы сердечныхъ язвъ раскрыли,
    Что самому мнѣ стало-бъ вдругъ невольно
И стыдно и смѣшно и тягостно и больно!

Корабль пошелъ на встрѣчу темной ночи...
Я легъ на палубу съ открытой головой;
Грустя, въ обитель звѣздъ вперилъ я сонны очи,
Какъ будто въ той странѣ таинственно-нѣмой
Для моего чела вѣнецъ плетутъ Плеады,
И зажигаютъ вѣчныя лампы,
И общаются мнѣ безсмертія покой.

Но вотъ — холодный вѣтръ дохнулъ надъ океаномъ;
Небесные огни подернулись туманомъ.

И легъ я ницъ съ покрытой головой,
И въ смутныхъ грѣзахъ мнѣ казалось: подомной
Наяды съ хохотомъ въ пучинный мракъ ныряють,
На днѣ его могилу разгребають —
И общаются мнѣ забвенія покой.

У Т Р А Т А .

Когда предчувствіемъ разлуки
Мнѣ грустно голосъ вашъ звучалъ,
Когда, смѣясь, я ваши руки
Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ,
Когда дорога яркой далью
Меня манила изъ глуши—
Я вашей тайною печалью
Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
Я весель былъ въ прощальный часъ,
Но, Боже мой! съ какою болью
Въ душѣ очнулся я безъ васъ!

Какими тягостными снами
Томить, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

Напрасно голосъ вашъ привѣтный
Звуча ль мнѣ, какъ далекій звонъ,
Изъ-за пучины: путь завѣтный
Мнѣ къ вамъ на вѣки прегражденъ!
Забудь же сердце образъ блѣдный,
Мелькнувшій въ памяти твоей,
И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
Ищи подобья прежнихъ дней!

И Н О Г Д А .

Ложь иногда ходитъ въ видѣ
Женщины милой и скромной:
Ложь эту помню я — помню
Ликъ ея нѣжный и томный!
Тихо звучить ея голосъ
Всѣмъ обаяніемъ ласки;
Полны задумчивой тайны,
Въ душу глядятъ ея глазки.

Все мнѣ казалось правдой,
Все, чтобъ она ни сказала:
Я допускалъ добровольно
Къ сердцу змѣнное жало.

Самъ я хотѣлъ, самъ я жаждалъ
Сладкой отравы обмана....
О, глубока была вѣра! —
И глубока была рана!

Рану, которая ноетъ,
Я на груди твоей скрою;
Сердце мое, какъ ребенка,
Лаской твоей успокою.
Снова повѣрю я въ счастье,
Въ правду людей, въ правду Божью....
Цли— утѣшь меня, другъ мой,
Какъ нибудь, новою ложью!

ХОЛОДЬЮЩАЯ НОЧЬ.

(Фантазія.)

(Посв. М. Ф. ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ.)

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ —
Странникъ бѣдный — только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги —
Юга царственную дочь.

И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зори,
На пути, въ пространствахъ неба,
Зажигая олтари.

Боже! какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!

Но, увь! судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ ночи:
«Ненаглядная, прости!»

А она со мной разстаться
Не хотѣла—не могла....
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Велѣдь за мной она текла.

То сходила на долину
Съ томно-блещущимъ челомъ,
И задумчиво стояла
Надъ моимъ стеннымъ костромъ;

То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано-скощенныхъ луговъ....

Но чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шель, чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:

То, въ туманы облачаясь,
Мѣсяць прятала въ кольцо;
То съ одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.

Чѣмъ я дальше шель на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.

И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвилъ ей:
«Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моею!»

И, сверкнувъ, у синей ночи
Помутились глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.

И пошла она, и бѣлымъ
Замахала рукавомъ,
И завыла, поднимая
Вихри снѣжныя столбомъ.

Сквозь мятель, на сѣверъ хладный
Я кой-какъ добрель домой.
Вижу — ночь лежитъ въ долинѣ
Подъ серебряной парчѣй —

И беззвучно мнѣ лепечеть:
«Погляди, какъ я мертва:
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣть голова.

«Но гляди — все тѣ-же звѣзды
Надъ моею головой...
Красотой моею мертвой
Полобуйся, милый мой!

«И, повѣрь, что если снова
Ты воротишься на югъ —
Въ прежнемъ блескѣ я встану,
Чтобъ принять тебя, мой другъ!

«Съ прежней нѣгой надъ тобою
Я склоно главу мою,
И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
Пѣню райскую спю.»

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Блаженъ, кому Господь сподобилъ съ вами встрѣтиться

.. Не на одинъ блаженный часъ!

Чей умъ при васъ невольнымъ чувствомъ свѣтится,

Чье сердце понимаетъ васъ!

Но жалокъ тотъ, кто встрѣчею случайною

На мигъ утѣшенъ вами былъ,

И вновь поникъ, томимый жаждой тайною

За вами вслѣдъ летѣть — безъ крыль.

Х А Н Д Р А.

На старый онъ диванъ ничкомъ
Ложился, протянувши ноги,
И говорилъ, дыша съ трудомъ,
Такие монологи:

«Какая жизнь! о, Боже мой!
Какіе страшные пигмеи!
Добро-бъ глупцы, добро-бъ злодѣи
Неотразимую враждой
Меня терзали!... Нѣтъ! съ глупцами
Я-бъ тратить словъ не сталъ; съ врагами
Я-бъ вышелъ на открытій бой.
Кто безкорыстно правдѣ служить,
Кто за себя стоитъ — не тужить!
Но какъ бороться съ пустотой

Полу-слѣпой, полу-глухой,
Которая мутить и кружить?
Бороться радъ бы — силы нѣтъ....
Подъ бременемъ бесплодныхъ лѣтъ
Изнылъ мой духъ, увяла радость,
И весь я сталь ни то, ни сѣ....
И жизнь подь часъ такая гадость,
Что не глядѣль бы на нее!
Я только вздоръ одинъъ передвижу;
Какая-то галиматя
Выходить изъ того, что я
Вседневно слышу, или вижу!
Не только нѣкого любить,
Мнѣ даже нѣкого сердить,
Мнѣ даже глупо ненавидѣть.
Я точно — личность безъ лица.
Такого даже нѣтъ глупца,
Кто бъ захотѣль меня обидѣть!
Я вѣчно ною отъ запозъ,
А разомъ всыхнуть не умѣю;
Когда я плачу — стыдно слезъ,
Когда смѣюсь — за смѣхъ краснѣю...
Какая жизнь! какой хаосъ!»

А. Н. МАЙКОВУ.

Отвѣтъ на стихи его:

«Полонскій! суждено опять судьбою злою....»

Какъ ты грустишь? — помилуй Богъ!
Скажи мнѣ, Майковъ, какъ ты могъ,
Съ дѣтьми играя, тихо глядя
Ихъ по головкѣ, слыша смѣхъ
Ихъ вѣчно-звонкій, вспомнить тѣхъ,
Чей гений палъ съ судьбой не слядя,
Чей трудъ погибъ....

Какъ могъ ты, глядя
На сѣверныя небеса,
Вдругъ вспомнить Рима чудеса,
Проникнуться воспоминаньемъ,
Вообразить, что я стою,

Средь Колизея, какъ въ раю,
И подарить меня посланьемъ?
Мнѣ задушевный твой привѣтъ
Быль освѣжительно-отраденъ,
Но — я еще не въ Римѣ, — нѣтъ!
Въ окно я вижу Бадень-Бадень,
И тяжело гляжу на свѣтъ.
Хоть мнѣ здорово и пріятно
Парнымъ питаться молокомъ,
Дышать нетопленнымъ тепломъ
И слушать музыку бесплатно;
Но — если-бъ не было рушъ
Плющемъ повитыхъ, луговинъ
Зеленыхъ, горъ, садовъ, скамеекъ,
Холмовъ и каменныхъ лазеекъ,
Здѣсь на меня нашелъ бы сплинъ —
Такъ надоѣло мнѣ гулянье,
Куда, расхаживая лѣнь,
Хожу я каждый Божій день
На равнодушное свиданье,
И гдѣ встрѣчаю, радъ не радъ,
При свѣтѣ газовыхъ лампадъ,
Американцевъ, итальянцевъ,
Французовъ, англичанъ, голландцевъ,

И нѣмцевъ, и нѣмецкихъ жёнъ,
И всеѣмъ-извѣстную графиню,
И полу-русекую княгиню,
И русскихъ множество княжёнъ.
Но въ этихъ встрѣчахъ мало толку,
И въ разговорахъ о ничѣмъ,
Ожесточаюсь я умомъ,
А сердцемъ плачу въ тихомолку.
И эта жизнь меня томить,
И этотъ Бадень, съ этимъ міромъ,
Который вкругъ меня шумить,
Миѣ кажется большимъ трактиромъ,
Въ которомъ, каждый Божій часъ,
Гуляетъ глупость на показъ.

А ты счастливецъ! — любишь ты
Домашній міръ. Твои мечты
Не знаютъ роковыхъ стремленій;
За то, какъ много впечатлѣній
Проходитъ по душѣ твоей,
Когда ты, съ удочкой своей,
Нетерпѣливый, вдохновенный,
Идешь на ловъ уединенный.
Или раздвинувъ тростники,

Надъ золотистыми струями
Стоишь — протеръ свои очки —
И жадными слѣдишь глазами,
Какъ шевелятся полавки.
И весь ты страстное внимаешь....
Вотъ — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка надъ водой —
Плескъ, серебро и трепетанье.....
О, въ этотъ мигъ, передъ тобой,
Что значуть Римъ и всѣ преданья,
Обломки славы міровой!

Но, чу! свистокъ раздался птичій,
Ночь шелеститъ во мглѣ кустовъ:
Спѣши, мой милый рыболовъ,
Домой, съ наловленной добычей!
Спѣши! — ужь божья благодать
На ложе сна дѣтей приѣмлетъ,
Твои малютки спать, — и дремлетъ
Ихъ убаюкавшая мать.
Уже въ румяномъ полусвѣтѣ,
Тамъ, въ сладкихъ грезахъ полусна,
Тебя ждетъ милая жена,
Иль трудъ въ сосѣднемъ кабинетѣ.

Трудъ благодатный! трудъ живой!
Часы, въ которые душой
Ты, чуя Бога, смѣло пишешь,
И на себѣ цѣпей не слышишь.
Люблю я стихъ широкій твой,
Насквозь пропахнувшій смолою
Тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ весною,
Въ тѣни отъ солнца, межъ вѣтвей,
Ты подстерегъ лѣсную фею,
И гдѣ съ Каменою твоею
Шептался плещущій ручей.
Я самъ люблю твою Камену,
Подругу сѣверныхъ ночей:
Я* помню, какъ неловко съ ней
Ты шель на шумную арену
Народныхъ браней и страстей;
Какъ ей самой не ловко было....
Но.... олимпійская жена,
Не внемля хохоту Зоила,
Тебѣ осталася вѣрна,
И вновь, въ объятія природы—
Въ поля, въ лѣса, туда, гдѣ воды
Струятся, гдѣ синѣть мгла
Изъ-подъ шатра дремучей ели,

Туда, гдѣ водятся форели,
Съ тобою весело ушла.

Прости, мой другъ! не знай желаній
Моей блуждающей души!
Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не заплѣсневѣть въ глуши.
Повѣрь, не нужно быть въ Парижѣ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе,
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римѣ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видитъ и — творить,
И ѳиміамъ его горить
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ,
И гдѣ Творецъ съ нимъ говорить.

Баденъ-Баденъ.

Августъ, 1857.

К О Н Ц Е Р Т Ъ.

Здѣсь Берліозъ!... я видѣлъ самъ
Его жидовско-римскій профиль,
И думалъ: что-то скажетъ намъ
Сей музыкальный Мефистофель?
И вотъ, при свѣтѣ лампъ и свѣчъ,
При яромъ грохотѣ оркестра,
Я изъ-за дамскихъ вижу плечъ,
Какъ тѣшитъ публику маэстро.
Трубятъ рога, гремитъ тимпанъ,
Въ колоколѣ звонятъ надъ нами ~~и~~
И надъ поющими струнами
Несется звуковъ ураганъ.
И адская слышна угроза....
И раздаются голоса....

И встали дыбомъ волоса
На головѣ у Берлюза.

Поютъ!... увы! не понять я,
Что значить хоръ сей погребальный?
И вдругъ— тебя увидѣлъ я,
Знакомка милая моя,
Тебя, мой критикъ музыкальный.
Къ колѣнамъ уронивъ цвѣты,
Къ полудню сорванныя нами,
Межъ двухъ колоннъ сидѣла ты
Блѣдна, съ померкшими очами.
Я угадалъ: страдала ты
Безъ мысли и безъ наслажденья,
Какъ отъ какой то духоты,
Иль въ ужасѣ отъ сновидѣнья.
И думалъ: скоро на балконъ
Мы выйдемъ.... звѣзды видѣть будемъ....
И эту музыку забудемъ
(Инструментальный громъ и звонъ) —
Забудемъ, какъ тяжелый сонъ.

Бадень - Бадень.

Юль, 1858.

НА БЕРЕГАХЪ ИТАЛИИ.

Я по красному щебню схожу одинъ
Къ морю сонному,
Словно тучками мглою далегихъ вершинъ
Окоймленному.

Ахъ! какъ млбють, вдали замыкая заливъ,
Выси горныя!
Какъ рисуются здбсь, уходя въ тбнь оливъ,
Козы черныя....

Пастухи вдали, на свои жезлы,
Съ ихъ котомками,
Опершись, стоять на краю скалы —
Надъ обломками.

Тамъ, у взморья когда-то стоялъ чертогъ
Съ колоннадами,

И наяды плескались въ его порогъ
Подъ аркадами.

Тамъ недавно мнѣ снился роскошный сонъ....
Но — всегда ли я
Ради этихъ сновъ забывалъ твой стонъ,
О, Италия!

Вдохновляемый плачемъ твоимъ, я схожу
Къ морю сонному,
Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ
Окоймленному.

Тамъ въ лазурномъ туманѣ толпой встаютъ
Тѣни блѣдныя.
То не тѣни встаютъ — по волнамъ плывутъ
Пушки мѣдныя.

Корабельный флагъ отдаленьемъ скрытъ,
Словно дымкою.
Тамъ судьба твоя съ фитилемъ стоитъ
Невидимкою....

КАРАВАНЪ.

(Отрывокъ изъ восточной повѣсти.)

I.

Какая ночь— не ночь, а рай!
Ночныя звѣзды нескры мечуть.
Вставай, привратникъ, отвори
Ворота въ караванъ-сарай:
Въ горахъ бубенчики лепечуть.

II.

Луна свѣтла, какъ тронъ Ады.
Какъ тѣни, длинныя шагаютъ

Верблюды по краямъ скалы;
На нихъ ружейные стволы,
То пропадаютъ, то мелькають.

III.

Вдали развалина стоитъ,
Въ туманъ серебряный повита.
Внизу клокочетъ и бѣжитъ
Ручей по склону черныхъ плитъ,
По дну ручья стучать копыта.

IV.

То ѣдетъ самъ Тамуръ-Гассанъ
Въ тѣни дремучаго оврага.
И вотъ, къ лукъ нагнувъ свой станъ,
Онъ въ гору скачетъ, какъ шайтанъ.
Куда герой? куда бродяга?

V.

Поводья брошены, — висять;
Ружье въ чакль; подобно звѣнямъ
Стальнымъ, брэнчить его булатъ;
Порывистъ конь, стуча скользятъ
Его копыта по каменьямъ.

VI.

Суровый всадникъ гордь и смѣль.
Откуда и куда онъ скачетъ?
Что онъ, какъ ханъ разбогатѣль?
Пли нажитья не успѣль—
И жизнь по-прежнему маячить?

VII.

Вставай, привратникъ, отвориай
Ворота въ караванъ-сарай!
Готовь ночлегъ для каравана,
И въ гости жди, и угощай
Разбойника Тамуръ-Гассана!

VIII.

Далеко слухъ идетъ о немъ:
Тамуръ-Гассану ни по-чемъ
Отбить быковъ, связать чобана.
Рука, съ нацѣленнымъ ружьемъ,
Дрожитъ при имени Гассана.

IX.

Онъ можетъ пулей въ-лѣтъ пронзить
Орла; клыкастому кабану

Свиную морду раскронть,
Влетѣть въ табунъ, коня скрутить
И покорить его аркану.

x.

Широкъ руки его размахъ....
Какъ левъ, взмахнувъ косматой гривой,
Храпить, и съ пѣной на губахъ,
Напрасно въ двадцати шагахъ
Изъ петли рвется конь ретивый —

xi.

Какъ-разъ могучая рука
Смирить порывъ его свободный,
И будетъ гнать его, пока
Слѣдѣ коньтъ его рѣка
Не захлестнетъ волной холодной.

xii.

На чѣртѣ — а не на конѣ —
Гассанъ вездѣ поспѣлъ; въ огнѣ
Онъ не горитъ, въ водѣ не тонетъ;
Задумаетъ о табунѣ —
Табунъ его — какъ-разъ угонить.

xiii.

Онъ подползеть къ нему, какъ змѣй,
Въ дыму вечерняго тумана,
Съ двумя изъ опытныхъ друзей,
Онъ выстрѣломъ снугнетъ коней,
Пасущихся среди бурьяна —

xiv.

Впередъ помчится и свистить —
И вотъ, гонимый съ-лѣва, съ-права,
Табунъ шарахнувшись летить,
Летить, какъ буря — степь дрожить....
Пропалъ табунъ — Гассану слава.

xv.

Молва недаромъ бережетъ
Его отъ пули и булата:
Онъ въ двухъ имперіяхъ живетъ
И съ каждой въ дань себѣ беретъ
Коней, оружіе и злато.

xvi.

Всѣмъ жутко отъ его проказъ
Отъ Каменки до Арарата;

И самъ слыхаль я, какъ не разъ
Давали казакамъ наказъ:
«Словить его, связать, ребята!»

xvii.

Хотя конечно вѣсть о немъ
Не доходила до Султана;
Но.... дѣрого была, въ одномъ
Аулѣ, метительнымъ кушомъ,
Оцѣнена башка Гассана.....

xviii.

Давно завидя караванъ,
Его догналь Тамуръ-Гассанъ,
И въ-слѣдъ за нимъ поѣхаль шагомъ,
И долго онъ пугаль Армянъ,
Пока не скрылся за оврагомъ.

xix.

Идетъ верблюдовъ длинный рядъ,
Раздулись ноздри ихъ, глотаютъ
Окрестныхъ рощей ароматъ;
На ихъ горбахъ ковры висятъ,
Шесты торчатъ, стволы мелькаютъ.

xx.

Весь караванъ вооружень;
Разбой онъ выстрѣлами встрѣтитъ.
А гдѣ-жь Гассанъ?!—Эге! ужь онъ
На той горѣ, гдѣ разложенъ
Костерь, какъ жертвенникъ, и свѣтитъ.

xxi.

Гассанъ узналъ родимый край...
Онъ шепчетъ тексты изъ корана.
Вставай, хозяинъ, отворяй
Ворота въ караванъ-сарай!
Меджидъ, встрѣчай Тамуръ-Гассана!

xxii.

Меджидъ выходитъ изъ воротъ;
Не суетится, не хлопочетъ;
Онъ гостя въ-тайнѣ узнаетъ,
И руку на-сердцѣ кладетъ,
И, опустивъ глаза, бармочетъ:

xxiii.

«Алласъ-Алла! слѣзай съ коня:
«Его сведемъ мы къ водопою,

«Ему насыплемъ ячменя;
«А ты, у мирнаго огня,
«Свою главу сложи къ покою.

XXIV.

«Костеръ мой сердце веселить;
«Моя старуха пловъ сварить....»
Гассанъ ему въ отвѣтъ: — Попоной
Накрой коня, возьми! Я сытъ....
И съль на буркѣ заплыёной —

XXV.

Съль и ослабилъ поясъ свой,
И рукава назадъ откинулъ,
И сталь вертѣть передъ собой
Кинжалъ съ насѣчкой золотой—
Потомъ въ ножны его задвинулъ.

XXVI.

Не такъ-ли иногда вертеть
Ребенокъ куклой расписною:
Ее заботливо хранить,
Тихонько съ нею говорить,
И даже спать класть съ собою.

xxvii.

Тамуръ нерѣдко былъ душой
Далекъ отъ подвиговъ злодѣйскихъ.
Но тамъ, гдѣ дряблъ законъ нѣмой,
Тамъ, гдѣ народъ привыкъ разбой
Считать не хуже дѣлъ судейскихъ, —

xxviii.

Тамъ, часто, местию горя,
Вдругъ, изъ ребенка-дикаря,
Наѣздникъ грозный вырастаетъ, —
И что же? — пѣснь сазандаря
Его отвагу прославляетъ!

xxix.

И онъ вездѣ найдетъ друзей,
Подъ кровомъ каждаго аула,
И не боится онъ цѣпей....
Всеъ берегутъ его: злодѣи
Нигдѣ не спитъ безъ караула.

xxx.

Въ народѣ знаютъ, что Гассанъ
Хоть и въ горахъ живетъ скитальцемъ,

Самъ-по-себѣ такой-же ханъ,
Возьметъ червонцы у Армянъ,
Но бѣдняка не тронетъ пальцемъ;

XXXI.

Дастъ богомольцу золотой,
И съ Богомъ въ путь его проводить.
И вотъ, въ умахъ толпы слѣпой
Онъ — то разбойникъ, — то святой, —
То духъ, который всюду бродить.

XXXII.

Молчанье робкое храня,
Меджидъ по сумрачной площадкѣ
Повелъ гассанова коня,
И конь, уздечкою звеня,
Плодилъ въ умѣ его догадки.

XXXIII.

— Узналъ-ли ты меня? спросилъ
Его Гассанъ, скрестивши руки.
И ликъ его спокоенъ былъ,
И тихъ былъ голосъ, но таилъ
Въ себѣ магическіе звуки.

xxxiv.

И блѣдень сталь Меджидь сѣдой.
«Ты гость мой: за тебя я душу
Готовъ отдать, клянусь Аллой!»
Шенталь Меджидь: «Измѣной злой
Гостепріимства не нарушу!

xxxv.

«Тебя не выдамъ никому:
Глухъ буду — нѣмъ..... клянусь Пророкомъ!
Довѣрся слову моему!»
И сталь Гассанъ смотрѣть ему
Въ глаза спокойно-зоркимъ окомъ.

xxxvi.

И молвилъ: — Вспомни! прошлый годъ
Тебя едва я не повѣсилъ....
Но, слушай — караванъ идетъ.....
Мнѣ въ эту ночь его даетъ
Судьба — онъ мой! молчи, будь весель!...

xxxvii.

Луна по прежнему была
Свѣтла, какъ лампа, и лила

Свой свѣтъ на каменные груди —
И ночь была, какъ день, свѣтла —
И шли — все ближе шли верблюды...

П Ъ С Н Я .

Посв. П. В. Гербелю.

Выйду — за оградой
Нодышать прохладой.
Горе ночи просить,
Горе сны уносить....
Только сердце бредить:
Будто милый ъдетъ,
ъдетъ съ позвонками
По стени широкой...
Гдѣ ты, другъ мой милый!
Другъ ты мой далекій?

Ночь свѣжѣ дышетъ —
Вѣрбою колышетъ,
Дрожью пробираетъ.
Соловей рыдаетъ.
Высыхайте слезы!
Улетайте грезы!
Дальній звонъ пронесся
За рѣкой широкой....
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

Зорька выплываетъ —
Заревомъ играетъ.
Я черезъ куртину
Проберусь въ долину....
Я лицо умою
Водой ключевою....
Вонъ и домикъ видѣнъ
На горѣ высокой....
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

НА КОРАБЛѢ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!...

Еще вчерашняя гроза не унялась:

Тѣ-жь волны бурныя, что съ вечера плескали,

    Не закачавъ, еще качаютъ насъ.

Въ безлунномъ мрагѣ мы дорогу потеряли,

Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ комнасъ.

Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали! —

Еще вчерашняя гроза не унялась....

Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;

Нашъ капитанъ въ потьмахъ стоитъ, раздумья полнъ....

Зоря!... друзья, зоря! Смотрите, какъ яснѣетъ —

И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.

Кто болѣнь, кто устааль, кто бодръ еще, кто плачетъ,
Что бурей сломано, разбито, снесено —

Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ....

Но — не погибли мы!.. и много спасено....

Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,

Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь —

И дальше въ путь поидемъ, и дружно пѣсно грянемъ ...

Господь, благослови грядущій день!

1856.

ПЕРЕДЪ ЗАКРЫТОЙ ИСТИНОЙ.

(Посв. Мих. Лар. Михайлову.)

I

Когда-то въ Мемфисѣ стоялъ Изиды храмъ,
Всей кастой царственной, ученыхъ жрецами
    Благоговѣнно чтимый. Тамъ
Въ глубокой нишѣ, за гранитными столбами,
    Покрытыми до потолка
Танественныхъ письменъ узорными чертами,
    Стоялъ кумиръ, несчетные вѣка
Переживающій, — въ народахъ знаменитый,

Богъ-вѣсть когда и кѣмъ со всѣхъ сторонъ покрытъ

Какимъ-то допотошнымъ полотномъ.

Кумиръ тотъ *истиной закрытой* именуя,

И только избраннымъ толкуя

Значенье символовъ, начертанныхъ кругомъ,

Жрецы ей жертвы жгли съ особымъ торжествомъ.

II

Къ ея подножью шли, не только царь-избранникъ,

Не только истый жрецъ, но и безвѣстный странникъ,

И воинъ, и кунецъ, и сумрачный изгнанникъ,

(Изъ вавилонскихъ стѣнъ бѣгущій отъ цѣпей,

Иль изъ Аонія отъ славы слишкомъ громкой)

И просто ученикъ, изъ за чужихъ морей

Принесшій лавра вѣтвь съ дорожною котомкой.

Но видѣть вѣчную никто изъ нихъ не могъ....

Хотя, на пьедесталъ съ чела до самыхъ ногъ

Спускаясь въ тысячи неувимыхъ складокъ,

Казалось, не тяжелъ былъ дѣвственный покровъ,

Скрывающій разгадку всѣхъ загадокъ,

Задачу всѣхъ задачъ, и тайну всѣхъ вѣковъ,

Никто не смѣлъ поднять и края покрывала....

Нѣмая истина заклятиемъ боговъ

Какимъ-то ужасомъ холоднымъ обдавала
Умы запальчивыхъ головъ.

III

Быль полдень. Тихій Ниль, среди своихъ песковъ,
Роскошно нѣжился. Тяжелыя вѣтрила,

Сплетенныя изъ тонкихъ тростниковъ,
Бродили медленно; — за ними крокодила
Зубчатая спина, сверкая, бороздила
Поверхность сонныхъ струй. Вершины пирамидъ
Синѣлись въ воздухѣ — и солнце жгло гранитъ.

Отъ обелисковъ стала тѣнь короче;
Народъ по улицамъ сноваль какъ рой тѣней;
На Ниль, и на толпу, и на дворцы царей

Глядѣли сфинксовъ каменные очи...
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ.
Изиды темный храмъ отворенъ настежь былъ.
Въ тѣни его столбовъ широкихъ на ступеняхъ
Сидѣль маститый жрецъ, и на его колѣняхъ
Лежалъ развернутый напирусъ: онъ читаль —
Онъ неподвижностью своей напоминаль

Боговъ сидящихъ изваянья —
И на его лицѣ была печать молчанья.

IV

Быль нѣмъ и пусть открытый настежь храмъ.
Какъ вдругъ — шаги: по лѣстничнымъ плитамъ
Идутъ въ тѣни столбовъ и — спорять.... «Это Греки!»
Подумалъ старый жрецъ, приподнимая вѣки
Къ своимъ насуленнымъ бровямъ.
И двое юношей, два чужеземца съ виду,
Рукъами голыми широкую хламиду
Придерживая на груди,
Спросили у жреца: войти-ли въ храмъ?

«Войдите!»

— Не здѣсь-ли истина? —

«Ступайте и смотрите.»

— Наставникъ! вымолвилъ одинъ: — не осуди
Вопроса моего, и не лишн отвѣта:
Что будетъ, если я безъ страха подойду
Къ закрытой истинѣ? и если я найду
Довольно смѣлости?....

«Нѣтъ!» возразилъ на это

Сопутникъ юноши, тревожный и худой,
Его плеча слегка дотронувшись рукой:
«Себѣ не слишкомъ вѣрь, и знай — рука поэта

Лишь сердцу повинуется; — а ты
Поэтъ, и знаешь самъ, какъ робко сердце бьется..
Минерва строгая надъ чувствами смѣется.
Безсмертной истины холодныя черты

Лишь одному философу доступны:
Одно стремленье къ ней въ насъ съ нами рождено....

Учитель! развѣ мы, ища ее, преступны?

И развѣ намъ искать её запрещено?

Казнить ли насъ за то, что истины мы просимъ,

Что жажду чувствуя мы жажды не выносимъ.

Нѣтъ, что ни говори; а нами мудрено

Распоряжаются завистливые боги!»

V

И отвѣчалъ имъ жрецъ: «Боговъ законы строги:

Не оскорбляйте ихъ!...»

— Но мы оскорблены:

Намъ вмѣсто истины даютъ пустые сны,

Которые сбиваютъ насъ съ дороги....

Такъ смѣю думать я, такъ смѣю говорить!—

На раздраженнаго бросая взглядъ сердитый—

«Ты огорченъ», сказали старикъ маститый:

«Не тѣмъ ли что въ сосудъ не можешь моря влить?»

Ты невозможность называешь горемъ;

Разбейся въ атомы—и ты сольешься съ моремъ

И будешь утоленъ, иль новый примешь видъ,

Чтобъ жаждать вновь, пока вновь будешь не разбить.»

—Ты говоришь хитро, и мы съ тобой не споримъ:

Мы школьники—а ты не даромъ стражъ боговъ.

Скажи мнѣ, стражъ боговъ,—ужели не достало

Ни въ комъ той смѣлости, чтобъ съ истины покровъ

Поднять или сорвать, не тратя лишнихъ словъ?

VI

Жреца Изиды поражала

Надменность пришлеца; казалось онъ приветалъ,

Чтобъ отвѣчать ему—и мрачно отвѣчалъ:

«Да, былъ одинъ смѣльчакъ—святое покрывало

Онъ дерзко приподнялъ, но ахнулъ и упалъ:

Очнувшись, никого изъ насъ онъ не узналъ,

И всё, что бредилъ онъ, такъ ново, и такъ дико
    Казалось намъ, что понимать его,
Безумца, не нашлось въ толпѣ ни одного.
Не забывайте же, какъ страшно и велико
То что отъ нашихъ глазъ Изидою сокрыто!
И оба странника, замѣтно поблѣднѣвъ,
    Спустили съ плечь свои хламиды,
И съ тайнымъ трепетомъ вступили въ храмъ Изиды;
А жрецъ прочелъ имъ вслѣдъ молитву на распѣвъ,
Потомъ задумался — и долго, до заката,
Сидѣлъ, какъ бы рѣшась дожидаться ихъ возврата.

VII

День вечерѣлъ. Вершины пирамидъ
Своими верхними ступенями сіяли;
    Дворцовыхъ лѣстницъ простывалъ гранитъ;
Межъ дальнихъ отмелей кой гдѣ едва мелькали
    Повисшіе надъ Ниломъ паруса.
Слетались ибисы на гнѣзда. Тѣнь ложилась,
Какъ будто для того, чтобъ ярче золотилась
Зоря — и пурпуромъ сквозили небеса.
    На роскошь приближающейся ночи
    Глядѣли сфинксовъ каменные очи,

И тайной вѣяло отъ царственныхъ могиль.

Изиды храмъ еще отворенъ былъ...

И тотъ же строгій жрецъ при входѣ на ступеняхъ
Сидѣлъ, какъ статуя, со свиткомъ на колѣняхъ.

VIII

Онъ ждалъ — и наконецъ изъ храма вышелъ тотъ,

Кого товарищъ называлъ поэтомъ.

Ему въ лице закатъ сіялъ горячимъ свѣтомъ;

Онъ шелъ торжественно; съ чела струился потъ,

И кудри черныя надъ нимъ вѣнцомъ качались;

Полураскрытыми уста его казались,

Какъ-будто въ первый разъ онъ взоромъ обнималъ

Пространство — и ему въ пространствѣ улыбались

И небо и рѣка и камни....

«Что?» сказалъ

Имъ пораженный жрецъ.

— Непостижимо! —

Сказалъ восторженно поэтъ, шагая мимо:

Она — гармонія — свѣтъ — сила — красота!

Все сердцемъ понято — не имутъ словъ уста ...

И не докончилъ онъ.... И по ступенямъ храма
Сходилъ, какъ полубогъ, какъ свѣтлый Аполлонъ,
Когда онъ шествуетъ, стряхнувши горній сонъ,
Вкушать молебный дымъ земнаго фимиама.

IX

Но не успѣлъ онъ скрыться за толпой,
Какъ по слѣдамъ его, изъ за столба, другой
Явился, блѣдный, сумрачно-унылый;
Казалось, попирая прахъ,
Онъ шелъ съ презрительной улыбкой на устахъ.
Лицо его дышало мертвой силой;
Зловѣщимъ пламенемъ въ очахъ его сіялъ
Вечерній свѣтъ лучей прощальныхъ.
И голосъ тяжело, отрывисто звучалъ,
Какъ будто умъ его томясь перегоралъ
Въ хаосъ думъ нестройныхъ и печальныхъ.
Онъ говорилъ: «Ну да! я сознаю, что нѣтъ
Во мнѣ той смѣлости, чтобъ разомъ
Нагую истину явить на божіи свѣтъ;
Но мнѣ не даромъ данъ несокрушимый разумъ:
Подъ вашей тайною скрывается — скелетъ,
Уничтоженія всего символъ нетлѣнный....

Пустая вѣшалка — подставка всей вселенной...
Чтобъ этотъ гордый міръ не рухнулъ, стражь боговъ,
Ты правъ, что истину поставилъ подъ покровъ!»

И съ этимъ словомъ онъ ушелъ, потупивъ очи.

Маститый жрецъ одинъ сидѣлъ до поздней ночи:
Онъ долго наблюдалъ движеніе свѣтилъ,
Потомъ глаза закрылъ въ глубокомъ размышленьи,
И медленно, какъ бы въ пророческомъ томленьи,
Бесѣдуя съ двумя духами, говорилъ,
— Духъ творчества! и ты духъ темный разрушенья!
Одно стремленье васъ когда нибудь ероднить....
Враждуйте — потому, что истина молчитъ!
Когда же съ смертными она заговорить,
Міръ вашу старую вражду, какъ сонъ, забудетъ...
Но, боги! — что тогда? ужель тогда не будетъ
Ни храма этого, ни этихъ пирамидъ?...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
«Мое сердце — родникъ, моя пѣсня — волна» .	1.
«На устахъ ея улыбка»	2.
На Черномъ морѣ	3.
«Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она» . .	9.
«Царство науки не знаетъ предѣла»	11.
Звѣзды	13.
Агарь	15.
Передъ отъѣздомъ	19.
И. С. А.	21.
Внутренній голосъ	24.
Сны	26.
На пути изъ гостей	30.
Соловьиная любовь	35.
На кладбищѣ	38.
Ночь въ Крыму	41.
Молитва	43.
Гапсаль 1852	45.
«Недавно ты изъ мрака вышелъ»	47.
«Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ»	48.
Наяды (фантазія)	50.
Туманъ	54.
«Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы» .	56.
«Корабль пошелъ на встрѣчу темной ночи» .	58.
Утрата	59.

	Стр.
Иногда	61.
Холодѣющая ночь	63.
Въ Альбомѣ	68.
Хандра	69.
А. Н. Майкову	71.
Концертъ	77.
На берегахъ Италіи	79.
Караванъ	81.
Пѣсня	93.
На кораблѣ	95.
Передъ закрытой истинной	97.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Читай:

Стр. Стих.

48 — 4 молитвъ

молитвъ

73 — 6 о ни чѣмъ

о ничѣмъ

77 — 10 Въ колокола звонять
надъ нами....

Въ колокола звонять.... надъ
нами,

КУЗНЕЧЕКЪ-МУЗЫКАНТЬ.

КУЗНЕЧЕКЪ-МУЗЫКАНТЪ.

ШУТКА ВЪ ВИДѢ ПОЭМЫ.

Съ добавленіемъ нѣкоторыхъ стихотвореній за послѣдніе годы.

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

РИСУМКИ В. ГАРТМАНА,
ГРАВИРОВАНИЕ ГОФЕНФЕЛДЕНИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Мая 1863 года

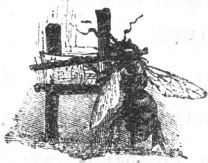
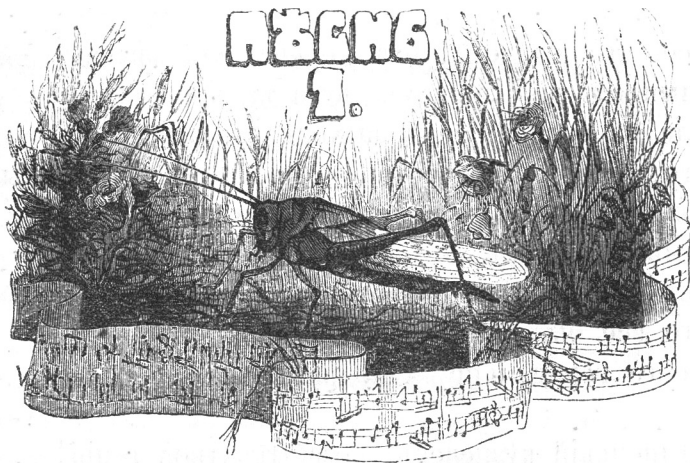
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОЕНФЕЛЬДЕНА И К^о.

КУЗНЕЧЕКЪ

МУЗІКАНТЪ

рисуи. В. Гартманн
гравир. Гогенфельденъ

е сверчка нахала, что скрипитъ у
 печекъ,
 Я пою: герой мой — полевой куз-
 нечекъ.
 Росту небольшого, но продолго-
 ватый,

На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый;
 Тонконогий, тощій и широколобый,
 Былъ онъ сущій геній — даръ имѣлъ особый:
 Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ,
 И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
 Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чистомъ,
 Оглашая воздухъ безконечнымъ свистомъ
 Своего оркестра. Вѣтряное племя
 Скакуновъ забыло, что въ поляхъ, въ то время,
 Музыки и вкуса былъ онъ представитель.

Всё, что нынче лѣтомъ деревенскій житель
Слышитъ за окошкомъ, лежа на кровати,
Или на балконъ свой выходя въ халатѣ, —
Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
Разлитой повсюду, и сухой, и нѣжный,
Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
Есть живая нѣга и восторгъ, повѣрьте, —
Это всё былыя, вѣчныя созданья
Моего героя, или — подражанья.

Бѣдненькій кузнечекъ! позабытъ твой геній!
Но ты вѣкъ свой прожилъ не безъ приключеній.
Помню, ты недаромъ слылъ идеалистомъ:
Сядешь ты, бывало, въ сѣтѣ серебристомъ
Мѣсяца, подъ пологъ ночи, на соломякъ,
Вѣтромъ сокрушенной. (Даромъ что не ломки
Гибкіе колосья, всё же въ нивѣ шаткой
Много ихъ подломитъ этотъ вѣтеръ гадкій).
Сядешь ты, бывало, и во славу ночи
На своей скрипицѣ пилишь что есть мочи.
И тебя дразнили пискуны пустые,
Комары-злодѣи трубачи степные,
И въ тебя влюблялись божиі коровки,
И мугила зависть многія головки,
Съ тѣмъ-же музыкальнымъ то-есть направленьемъ,
Съ тою-же охотой, да не съ тѣмъ умѣньемъ.
И грозилась мошка, съ помощью науки,
Умертвить тобою созданные звуки,
И тяжеловѣсный жукъ неоднократно

Увѣрять, что уши смачивать приятно
На твоихъ концертахъ, а не то де уши,
Какъ трава, завянуть отъ ужасной суши.
Въ частной жизни также къ добренькимъ коровкамъ,
Къ мушкамъ и козявкамъ часто въ пренеловкомъ
Быль ты положеньи: слушалъ ихъ признанья,
Робко избѣгая тайнаго свиданья.

Но ничто однако жъ нѣ поколебало
Твоего покоя: ни какое жало
Твоему таланту не казалось вреднымъ:
Въ музыкальномъ мѣрѣ былъ ты всепобѣднымъ.
Ты вполне блаженъ былъ — но — пришла невзгода....
Слушайте, однажды въ половинѣ года,
Въ самый жаръ, быть можетъ, въ самые Петровки,
Въ дни, когда на рынкахъ потныя торговки
Продаютъ малину, вишенья, клубнику
И, маша платками, часто не безъ крику,
Съ мухами заводятъ изъ-за ягодъ ссоры;
Въ дни, когда изъ праха созидаютъ горы
Муравьи, и роютъ скрытые тунели
Подъ корнями дуба иль смолистой ели;
Бабочка, танцуя, празднуетъ свободу;
А пчела, съ клубочкомъ золотаго меду,
Покидая липу, вся въ пыли цвѣточной,
Такъ и льнетъ къ жасмину бѣлизны молочной;
Шмель, бичуя воздухъ, знойный и душистый,
И, кружась надъ моремъ нивы золотистой,
Пропадаетъ въ блескъ солнца, какъ пылинка;

Въ дни, когда для мошки каждая былинка
Получаетъ соки, сладость и значенье,
И она вкушаетъ тѣ же наслажденья —
Стало-быть въ Петровки, около полудня,
Мой герой, кузнечекъ, понаѣвши студня,
То-есть за обѣдомъ начинивъ желудокъ,
Вышелъ насладиться видомъ незабудокъ,
И, вдыхая запахъ алаго горошка,
Легъ, прищуря глазки — и мечталъ немножко.
Много пролетало мимо насѣкомыхъ,
Ось, шмелей сердитыхъ — трубачей знакомыхъ,
Съ разными вѣстями. Ни къ кому съ вопросомъ
Онъ не обратился. Все, что передъ носомъ
У него вертѣлось, ползало, жужжало
Было чуждо сердцу — и не занимало....
Моему герою вѣрно-бы вздремнулось,
Какъ и вамъ, читатель, если-бъ не взгрустну-
лось.

Вдругъ надъ нимъ порхнуло чудное видѣнье,
Бабочка — такая, что мое почтенье!
Бѣлизны жемчужной крылышки съ каёмкой,
Глазки — изумруды, носикъ нѣжный, тонкій,
Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ.
Увидаль кузнечекъ — затряслись въ немъ жилки.
Бабочка все ниже и такъ близко вьется,
Что невольно сердце у артиста бьется.
Бабочка — не знаю, видѣла-ль бѣдняжку
Или не видала — только кушать кашку
Сѣла — и, конечно, ничего не съѣла.

„Ахъ!“ она сказала: „если-бъ я умѣла
Такъ же пѣть отлично, какъ одинъ извѣстный
Всѣмъ артистъ-кузнечекъ! — Если-бы небесный
Голосъ я имѣла, — какъ-бы я запѣла!

О, какъ я бездарна, о, какъ я....„

— Напрасно....

Перебилъ кузнечекъ.... (Онъ влюбился страстно
Въ милую болтунью).

Бабочка украдкой

На него взглянула:

„Ахъ, какой онъ гадкій!“

Думаетъ.... Однако жъ улыбнулась мило,

Подняла свой носикъ и проговорила:

„Отчего жъ напрасно!?“

— Отчего!.. —

Смѣшался

Мой артистъ, однако рекомендовался.

„Очень, очень рада!“ — молвила кокетка

(Бабочки бываютъ безъ кокетства рѣдко):

„Очень рада! очень! Звуки вашей скрипки

Часто долетаютъ даже къ намъ подь Липки.“

Покраснѣлъ кузнечекъ, началъ завираться,

Умоляя гостью чаще съ нимъ видаться.

Бабочка вспорхнула и, не давши слова

Прилетѣтъ вторично, прилетѣла снова

И заговорила:

„Даже въ свѣтѣ знаютъ,

Что большой вы геній, — всѣ васъ изучаютъ....

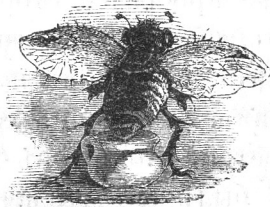
Только я къ вамъ съ просьбой: едѣлайте такую
Божескую милость — напишите злую,
Злую эпиграмму на мою сосѣдку,
Бабочку кокетку, что недавно въ сѣтку
Къ мальчикамъ попалась и съ крыломъ помятымъ
Ночью воротилась къ братцамъ глуповатымъ.
Эти братцы также пребольшіе фаты,—
И воображаютъ, что они богаты!
Къ эпиграммѣ можно сочинить любую
Музыку — такую, самую смѣшную“.

Упорхнула гостья — а кузнечекъ бѣдный
Такъ былъ озадаченъ, что нѣмой и блѣдный
Шель онъ, глядя въ землю (такъ, видалъ я, въ воду
Сунувшись мальчишки, ищутъ въ рѣчкѣ броду).
Шель, повѣся носъ свой, чуть переступая
Длинными ногами и соображая:
Тьфу! Да какъ же это? — развѣ эпиграммы
Можно класть на ноты? Ахъ, какъ глупы дамы!
Шель онъ, шель, и бредиль: то ему казалось,
Что она хитрила и надъ нимъ смѣялась.
То воображалъ онъ, что Сильфида эта
Захотѣла только испытать поэта
И ему такую задала задачу,
Что хоть плачь! Однакожь, чтожь я время трачу!
Думаетъ кузнечекъ: развѣ не съумѣю
Я въ смѣшномъ и жалкомъ отразить идею.
И съ такимъ рѣшеньемъ за работу смѣло
Принялся онъ: мигомъ закипѣло дѣло —

И слова и звуки. — Хоть и не бывалъ онъ
Въ обществѣ Жоржъ-Занда — вотъ что написалъ онъ:
„Къ мальчику подь сѣтку бабочка попалась —
„Краски полиняли, крылышко помялось.
„Если врагъ лукавый разставляетъ сѣти,
„Кто въ нихъ попадаетъ? — попадаютъ дѣти.
„Боже! отчего же за постунокъ дѣтскій
„Ихъ казнить такъ страшно судъ великосвѣтскій?“
Кончено! —

И началъ сочинять онъ ноты:
И усталъ онъ, бѣдный, отъ такой работы.
Но любовь всеильна! Оставалось скликать
Прочихъ музыкантовъ — и начать пикивать.
И народу куча собралась на пробу,
Даже жукъ навозный, начинивъ утробу
Всеякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый,
Уши отъ простуды затыкая ватой,
За толпой туда же пробрался сторонкой, —
Ничего не понялъ, но замѣтилъ тонкій
Хвостъ у музыканта, и бочкомъ поплелся
Разказать сосѣдямъ, что-де онъ сошелся
Съ молодымъ маэстро, что-де онъ не взраченъ,
Что его фигурой былъ онъ озадаченъ....
Черная казьявка, та, что бьетъ баклуши
И весь день вертится, наострила уши;
Божія коровка всѣхъ перепугала:
Отъ восторга ныла — ныла и упала
Въ обморокъ.... Спасибо, муравей, съ шнуровкой

Подъ жилетомъ моднымъ — малый очень ловкой,
Даль ей спиртъ понюхать въ маленькомъ флаконѣ.
Онъ встрѣчалъ коровку у N. N. въ салонѣ.
Гдѣ онъ появлялся насурмивши бровки,
И, быть-можетъ, радъ былъ услужить коровкѣ.
Много было шуму: музыку хвалили,
Музыку бранили, спорили, судили. —
Бабочки ночныя, въ сѣренскихъ бурнусахъ,
Въ бѣлыхъ перелинкахъ и въ гранатныхъ бусахъ,
Просто поблѣднѣли отъ негодованья,
Раскусивши новой пѣсни содержанье.
Но въ тотъ день герой мой такъ ужъ былъ разсѣянъ,
Что и не замѣтилъ, кѣмъ онъ былъ осмѣянъ.

ось поднимала алыми перстами
 Темные покровы ночи — и мѣ-
 стами
 Въ небѣ загорались огненные
 пятна.
 Жизнь, полупроснувшись, сла-
 бо и невнятно
 Бормотала въ рощѣ, бормотала
 въ полѣ.

Поцѣлуй сливался съ ропотомъ неволи
 Всюду, гдѣ лишь только брачныя оковы
 Гименея были ржавы и не новы.
 Поцѣлуй былъ звонче, ропотъ былъ нѣжнѣе —

Тамъ, гдѣ эти цѣпи были поновѣе.
Лишь одинъ, герой мой, этой сладкой муки
Не вкушалъ и вѣрно умеръ-бы со скуки....
Рано онъ проснулся — но не до зѣвоты
Было музыканту: нужно было ноты
На листочкахъ розы написать, какъ можно
Лучше, тоньше, чище. — Тихо, осторожно
Перышкомъ водилъ онъ.... Сочинилъ виньетку.
Гдѣ изобразилъ онъ миртовую вѣтку —
Миртовую вѣтку, а надъ ней съ крылами
Огненное сердце, съ надписью стихами:
„Я неуловима; но не унывайте!
„Обожгитесь прежде, а потомъ поймите!“
Даровитый малый былъ артистъ мой — мило
Сочинилъ онъ эти два стиха; въ нихъ было
Столько такта, столько нѣжности игривой.
Что въ нашъ вѣкъ холодный и самолюбивый
Ни одинъ кузнечекъ не найдетъ въ нихъ смысла
И быть-можетъ даже улыбнется кисло.
Для кого жь на этихъ розовыхъ листочкахъ
Мой герой всю душу въ линияхъ и точкахъ
Выражаетъ, сердцемъ страстно пламенѣя? —
Для тебя, Сильфида, праздничная фея,
Цвѣтниковъ роскошныхъ милая жилища!
Но откликнись, гдѣ ты? гдѣ твоя свѣтлица?
Спишь-ли ты? Быть-можетъ всякія обновки
Богъ-Морфей готовитъ для твоей головки.
Для Морфея нѣтъ вѣдь никакихъ таможенъ.
Для твоей головки всякій сонъ возможенъ —

Глупая головка!
Солнце поднимаетъ
Изъ-за сосень шаръ свой. Сильно припекаетъ
Жатву. Сладко нахнегъ въ воздухъ гречихой.
По ржаному полю утренничекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, рбсу отрясаетъ,
Быть дождю иль ведру — по росѣ гадаеть
И шуршитъ соломой, словно безпокоясь!
И ему колосья кланяются въ поясъ.
А лопухъ, высоко поднимая шишку
Съ вѣникомъ, изъ листьевъ сдѣлалъ точно крышку,
Такъ расположилъ ихъ, что подъ ихъ навѣсомъ
Въ жаръ всегда прохладно молодымъ повѣсамъ.
Въ сей харчевнѣ много всякихъ насѣкомыхъ;
Но, на это время, никого знакомыхъ.
Вотъ сидитъ кузнечекъ, но не нашъ кузнечекъ,
А другой, — и курить, точно человѣчекъ.
Съ нашимъ музыкантомъ онъ одной породы —
И скрипачъ, быть можетъ, но не любитъ моды:
Лапками на шею повязалъ тряпицу,
Въ зубы взялъ сигару, да и корчитъ птицу.
Клопика заставить заплатить за водку,
Напоить козявку, осмѣять коровку,
Муху одурачить, паука спровадить,
И при всемъ при этомъ съ цѣлымъ міромъ ладить —
Былъ онъ мастерище. — Страстно обожалъ онъ
Нашего артиста; рѣдко покидалъ онъ
Друга, даже пьяный; передъ цѣлымъ свѣтомъ
Защищалъ — и часто надѣлялъ совѣтомъ, —

Ибо, хоть и рѣдко бралъ онъ книги въ руки.
Зналъ онъ „Твердо“ „Слово“ и не вѣрилъ въ „Буки“.
Подъ лопухъ въ харчевню рано онъ забился,
Потому что утромъ не шути бранился.
Больно было другу — больно и досадно —
Глядя на артиста, видѣть какъ не складно
Онъ проводить время, вѣчно задыхаясь
Отъ бесплодной страсти и ни въ чемъ не каясь.

Но пора вернуться къ нашему герою!
Тотъ, кто боленъ сердцемъ — боленъ головою.
Такъ всегда бываетъ, — тотъ не жди успѣха.
Чье больное сердце головѣ помѣха.
Бабочка гуляла — и кузнечекъ тоже
(Такъ и мы гуляли, бывши помоложе) —
Наконецъ, гуляя, встрѣтились — и ножки
Подогнувъ, кузнечекъ ей кивнулъ. — Съ дорожки
Бабочка, виляя, сѣла на цвѣточекъ.
Онъ — прыгъ-прыгъ — и рядомъ сѣлъ на бугорочекъ.

— „Ахъ! она сказала: — я не ожидала!
Я васъ за другого приняла сначала!
Вашу эпиграмму намъ вчера достали:
Вы мою сосѣдку мило оправдали.
На неё за это всѣ напали вдвое....
(Насѣкомыхъ племя — племя очень злое).
Вирочемъ, ваши мысли такъ всегда игривы,
Такъ всегда глубоки, такъ краснорѣчивы
И такъ звуки сладки — точно земляника. —

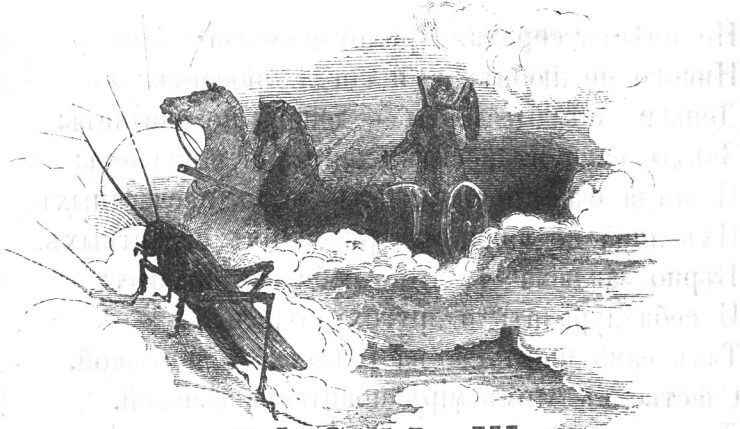
Лестное сравненье — было очень дико;
Но его артистъ мой даже не замѣтилъ —
И ужъ я не знаю, что онъ ей отвѣтилъ.

— „Ба!“ его Сильфида громко перебила:
— „Вы мнѣ написали ноты?! Ахъ, какъ мило!
Очень благодарна! очень благодарна!“
И она при этомъ тонко и коварно
Улыбнулась; глазки стали веселѣе,
Или — кто пойметъ ихъ! — стали просто злѣе.
Помолчавъ немного, бабочка вздохнула
И сказала: „поздно я вчера заснула...
У моей кузины я была на балѣ...
То-то-бъ вы влюбились, если-бъ увидали!
Впрочемъ, извините! — я васъ утомила
Болтовней. Прощайте!“ —

И она сложила
Крылышки (такъ точно бабушкины внучки,
Гостю присѣдая, складываютъ ручки),
И по-надъ-дорожкой, тихо ковыляя,
Словно листикъ вѣтромъ сорванный, мелькая
Бѣлизною крыльевъ, понеслась Сильфида.
Скоро мой кузнечекъ потерялъ изъ вида
Полевую фею, подскакнулъ, вцѣнился
Въ усики ржаного колоса, — и злился,
Что проклятый вѣтеръ колось нагибаетъ,
Нагибая колось, видѣтъ вдаль мѣшаетъ....
Въ этомъ положеньи шмель его увидѣлъ

И нескромнымъ словомъ прыгуна обидѣлъ.
Бѣдненькій кузнечекъ тутъ же спохватился,
Растопырилъ фалды и въ траву свалился.

П Ъ С Н Ъ . III.

а глазахъ съ повязкой, стало-
 быть слѣпая,
 Ёдетъ гдѣ попало, день и ночь
 зѣвая,
 Глупая Фортуна. Ею прихоть
 править.
 На однихъ наѣдетъ — коле-
 сомъ раздавить,
 На другихъ наткнется—вдругъ
 начнетъ бросаться

Золотомъ, чтобъ только поскорѣй умчаться,
 Да забрызгать липкой грязью пѣшехода,
 Да загнать въ объятя красоты урода,
 Или, такъ, безъ пользы, и не для примѣра,
 Сдернуть мимоѣдомъ маску съ лицемѣра.
 Рыская по свѣту, этотъ идоль свѣта

Не имѣеть сердца. Прихотница эта
Никого не любитъ — и когда бросаетъ
Деньги, звѣзды, ленты — денегъ не считаетъ;
Звѣздъ сама не носить, лентъ не покупаетъ;
И когда счастливо влюбить двухъ несчастныхъ,
Ихъ лица не видя, изъ рѣчей ихъ страстныхъ,
Вѣрно заключаетъ, что влюбиться значитъ:
И себя дурачить и другихъ дурачить.
Такъ сама Фортуна, на глазахъ съ повязкой,
Счастье въ этомъ мѣрѣ почитаетъ сказкой.
Для такой богини цѣлый мѣръ — пустыня!
И не то чтобъ эта странная богиня
Къ нашему герою благосклонна стала:
Только улыбнулась и въ него попала
Чѣмъ-то благовоннымъ, проѣзжая мимо.
Здѣсь, поставивъ точку, мнѣ необходимо
Вамъ сказать, что жертва тайнаго страданья
Мой герой, кузнечекъ, получилъ посланье,
Спрыснутое амброй. Бабочка писала:
„Приходите: жду васъ!“ — Счастія не мало
Въ себѣ заключало это выраженье —
„Приходите: жду васъ!“ — Это приглашенье
Принялъ мой кузнечекъ съ той надеждой темной,
При которой искра кажется огромной
Огненной звѣздой. Другъ его, гуляка,
Принималъ все къ сердцу — много вралъ. Однако,
Если только слушать мы его захочемъ,
Говорилъ такія рѣчи, между прочимъ:
„Ты, братъ, рассуждаешь глупо и постыдно!

Буду правду рѣзать: гдѣ же это видно,
Чтобъ сверчекъ....“

— Кузнечекъ! перебилъ кузнечекъ.

„Чтобъ сверчекъ....“

— Кузнечекъ! перебилъ кузнечекъ

„Ну хоть и кузнечекъ! — ну, положимъ даже
Ты сверчка немного чище и поглаже
И немножко больше чувствуешь свободы —
Все-жъ ты, братецъ, съ нею не одной породы.
Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ!
Жить онѣ не могутъ безъ цвѣтныхъ вѣтошекъ;
За женой бабошкой гдѣ-жъ тебѣ упрыгать?
Гдѣ-жъ тебѣ повсюду вслѣдъ за нею шмыгать?
Въ свѣтѣ, гдѣ нерѣдко всѣхъ умнѣй — невѣжда.
На талантъ — плохая, братецъ мой, надежда.“

— Слава — вотъ надежда.

„Экой, братъ ты, право!

Разсуди же здраво и пойми, что слава
У людей бываетъ; а у насѣкомыхъ,
Что такое слава? — болтовня знакомыхъ.
Мы не лавры носимъ — носимъ побрякушки,
То-есть, наша слава просто — *финтифлюшки*,
Какъ сказалъ когда-то авторъ водевильный
Публикѣ, пуская пузырьчекъ мыльный.“

Тутъ гуляка видно, утомившись споромъ,
Оглядѣль артиста мутно-строгимъ взоромъ;
Выпилъ рюмку водки, пискнулъ, углубился
Въ созерцанье почвы и — угомонился.
Ну, и слава Богу! — Не до возраженій
Было музыканту. Какъ упрямый геній
Онъ, съ хлыстомъ, на мѣсто безпокойной скрипки,
По межѣ зеленой поскакалъ подѣ Липки.
Липки — это было нѣчто въ родѣ парка:
Въ серединѣ — прудикъ, а при вѣздѣ — арка
Изъ вѣтвей — такая, что была, безспорно,
Чудомъ совершенства; такъ была просторна,
Что, вообразите, насѣкомыхъ двѣсти
Въ рядъ могло бы вѣхать. Вы меня повѣсьте,
Если вру! Строитель, я и не скрываю,
Былъ — сама природа; только я не знаю,
Кто ей за работу заплатилъ; а впрочемъ
Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопочемъ....
Такъ, чтобъ журналисты насъ не заклевали,
Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ, едва-ли
Описать возможно лѣстницу подѣ желтымъ
Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протертымъ;
Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливреи;
Залу, гдѣ гнилушки, точно сталактиты,
Облѣпивъ карнизы, зеленью повиты.
Мой одинъ знакомый, архитекторъ русскій,
Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ этрусскій;
И, я живо помню, хвасталъ, не краснѣя,

Какъ ему въ той залѣ вдругъ пришла идея
Украшать со вкусомъ барскіе покои,
Покрывая бѣлой плѣсенью обои.
Впрочемъ, домъ Сильфиды, если только строго
Придираться къ стилю, смахивалъ не много
На душло.

Кузнечекъ такъ былъ очарованъ,
Или такъ былъ сердцемъ наэлектризованъ,
Что дрожалъ и таялъ, — молча ждалъ Сильфиды,
Подходилъ къ окошку и глядѣлъ на виды.
А Сильфида съ кѣмъ-то по саду порхала;
Съ милыми гостями весело болтала.
Гости эти были черви разныхъ клочекъ
И въ травѣ лежали въ видѣ заковычекъ.
Чернокожій клопикъ, вѣрно сынъ швейцарскій,
Или внучекъ няни, крестничекъ боярскій,
Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный
Господинъ изволитъ ждать её въ гостиной.

.....
Приглашенъ герой мой; ему отвѣчали
На поклонъ улыбкой и пробормотали:
„Очень, очень рады!“ — Барышни оглядѣли
Всю его фигуру и едва сѣумѣли
Удержать свой хохотъ — только покосились
На мушинъ; но черви не пошевелились;
Ибо умъ ихъ кто-то такъ ужасно сѣзусилъ,
Что для нихъ довольно бантикъ или узелъ
Галстука замѣтить, чтобъ на остальное

Не глядѣть, и въ гордомъ пребывать покоѣ,
Поприще артиста къ разнымъ столкновеньямъ
Приучаетъ душу; но къ обыкновеньямъ
Милыхъ насѣкомыхъ вышаго разряда
Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,
Бѣдень, худъ и блѣдень, съ головы до пятокъ
На себѣ носилъ онъ поля отпечатокъ,
Поля, гдѣ лишь тучи подають свой голосъ,
Колосится жатва и серпа ждетъ колосъ.
Знаю, о, кузнечекъ! какъ ты былъ отмѣнно
Бабочкою принятъ. Ты себя надменно
Вель, какъ-будто цѣлый вѣкъ торчалъ ты въ свѣтѣ,
Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.
Но, скажи, въ тотъ вечеръ, что съ тобою сталося
И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалосъ,
И какія думы охватили жарко
Геніальный лобъ твой, въ часъ, когда изъ парка
Ты обратно въ поле мчался черезъ кочки?
Отвѣчать-ли?.. или — мы поставимъ точки

.....
(Будто-бы цензура выклевала строчки).

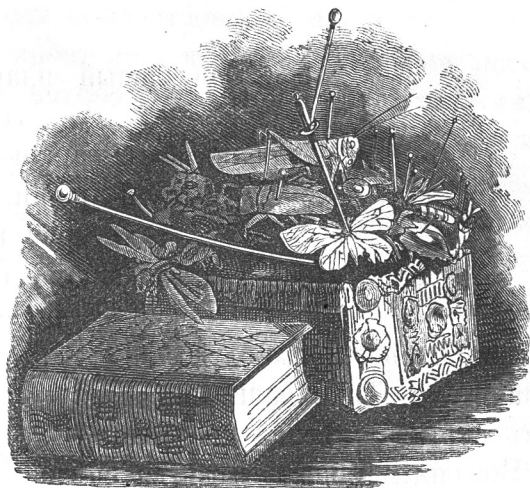
Но злодѣй-кузнечекъ, что же ты ни слова
Не сказалъ гулякѣ въ ночь, когда другаго
Не имѣлъ ты друга, съ кѣмъ-бы подѣлиться
Снами, отъ которыхъ часто плохо спится?
Ненавистникъ свѣта, бабочекъ крылатыхъ,
Гладенькихъ коровокъ и червей лохматыхъ,
Онъ — едва вошелъ ты — спросилъ сердито:
„Что, братъ, былъ-ли ужинъ? накормили сыто,

Или и понюхать нѣ дали съѣстнаго?
Что, братъ, какъ дѣлишки? Все-ли тамъ здорово
И благополучно? Ты чему смѣешься.
Эх-ма, ничего ты, братецъ, не дождешься.»

— Спи, сказалъ кузнечекъ. —

„Сплю“ сказалъ гуляка.

И, вздравши къ верху ноги изъ-подъ фрака,
Захрапѣлъ.

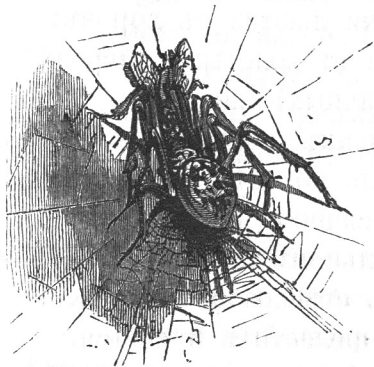

Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
Только роковыя страсти не дремали,
Только насѣкомыхъ мѣръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи; комары трубили;
На своихъ скрипицахъ весело пилили,
Лихо зная ноты, стало-быть безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечекъ.
Впереди оркестра, на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина,
И женихъ былъ славный съ хоботкомъ дѣтина;
По уму конечно не былъ изъ проворныхъ;
Но происходилъ онъ отъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ не сносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
Сравпивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ пиновникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ.
Баль великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ;
Шпанскихъ мухъ десятки въ золотыхъ ливреяхъ
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Коношатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣянъѣ.
Стрекоза, сіѣпившись съ стрекозой, несется.
Пестрый вихоръ вальса шелеститъ и вѣется,
Жуколицы ходятъ около буфета;

Ползають козявки... И большаго свѣта
Жѣсткія особы — божіи коровки
Собрались другъ-другу показать обновки.
Молча, подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ.
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ:
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры —
Всё въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ кузнечекъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, и какъ чѣртъ играетъ.
По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнный,
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртнѣ
Вашего же сада, если, о, читатель!
Садъ иль хоть садишко даль тебѣ Создатель.

Но и насѣкомыхъ балъ
не обошелся
Безъ скандала: въ пар-
кѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ
вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, не-
видимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски-
ловко и искусно,

Что тайкомъ, быть можетъ, и покушалъ вкусно.
Говорять — вдобавокъ пленнулась коровка,
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
Паучёкъ какой-то, пренаивный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
Притянуть старался, и глядѣлъ ужь — нѣтъ-ли,
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ,
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья...
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренье,
Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
Паучекъ надулся; а комаръ: „смотрите“,
Пропищалъ артисту: „какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались!“
Покраснѣлъ кузнечекъ: видитъ — паутина
Къ рукаву прилипла.

— „Экая скотина!“

Проворчалъ и—вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала, только выбрала другаго
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Быль ея сосѣдки братецъ глуповатый.

— Правда-ли, спросилъ онъ:—слухъ идетъ изъ нивы,
Будто-бы въ маэстро страстно влюблены вы?
Будто-бы кузнечекъ говорилъ, что хочетъ
Онъ на васъ жениться — и о томъ хлопочетъ?

„Что вы говорите?“ молвила Сильфида:
„Мой женихъ — кузнечекъ! Какова обида!“
Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
Или эту глупость выдумали мухи!“

— Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! кто-то изъ оркестра
Говориль, что будто слышалъ отъ маэстро.

Фея надъ собою сдѣлала усилье,
Чтобъ не разсердиться — и, встряхнувши крылья,
Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
„Браво! фора! фора!“ — дѣлала гримаски,
Или улыбалась, опуская глазки.
Баль подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.
Бабочка устала. — Вдругъ, за рощей гдѣ-то
Соловей защелкалъ.

Ей тогда сказали
(Можно-ли безъ лести обойтись на балѣ!).
Ей сказали: — Фея! прекратите танецъ,
Слышите-ли пѣнье? — это иностранецъ,
Соловей пролетный вздумалъ серенаду
Вамъ давать. —

И точно, по всему-то саду
Разсыпались звуки, страстно замирая
Въ безконечныхъ треляхъ. Бабочка, внимая
Соловью, мечтала. Въ это время сзади
Подошелъ кузнечекъ.

— Фея! — Бога ради!...
Что вы такъ печальны?...

„Ахъ!“ она сказала:
„Вы мнѣ помѣшали... Я воображала,
Что таланты нашихъ, не всегда приличныхъ
Скакуновъ, достойны тѣхъ пѣвцевъ столичныхъ,
Имена которыхъ славны за границей.
Боги! для чего я рождена не птицей!
Будь я птицей... Впрочемъ, если захочу я
Соловья послушать, завтра жъ полечу я....“

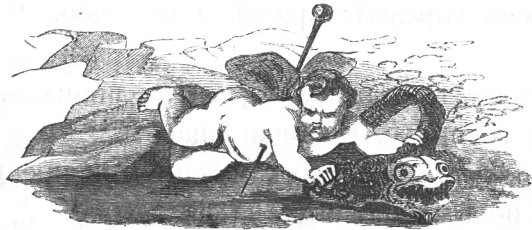
— О! сказалъ кузнечекъ...

„Жалкій музыкантикъ!“
Прошептала Фея, пощипавши бантикъ
На своемъ корсажѣ: „развѣ я не знаю....“

— О! сказалъ кузнечекъ: — я не понимаю,
Что вы говорите. Соловьи опасны,
И къ тому-жь, положимъ, пѣсни ихъ прекрасны—
Все-же не въ народномъ духѣ.

Засмѣялась
Бальная царица — и, какъ тѣнь, умчалась.
Бѣдненькій кузнечекъ тутъ же носъ повѣсилъ
И одинъ остался, блѣденъ и не веселъ.
Вотъ упала слезка на листочекъ влажный.
Съ вѣтеркомъ промчался чей-то вздохъ протяжный,

Словно колокольчикъ звякнулъ въ отдаленьѣ....
Ничего герой мой не слыхалъ: презрѣнье
Было слишкомъ явно.... И глядѣль онъ мутно
Въ тѣмный лѣсъ, откуда, сладко раздражая
Благовонный воздухъ, и не умолкая,
Солорьбинныхъ пѣсень раздавались трели,
И шепталъ онъ: — боги! боги! неужели?
Что жъ это такое! отъ чего же это!?...
Или для поэта миновало лѣто! —
Пойте, пойте, птицы! — Но сердца больныя
Врачевать не могутъ пѣсни не родныя.

лачь родная Муза! Затяни ты
пѣсню:

Не о томъ, какъ „ходить мо-
лодецъ на Прѣсню“,

Не о томъ, какъ „пряха пря-
ла — не лѣнилась“,

Не о томъ, какъ „Волга ма-
тушка катилась“, —

Спой намъ пѣсню такъ, чтобъ туча разразилась
Надъ широкой нивой, чтобъ дождемъ шумящимъ
Пробѣжала сила по листьямъ дрожащимъ:
Чтобъ червей, враждебныхъ зелени и лѣту

Ненавистныхъ, падкихъ къ завязи и цвѣту,
Смыло, разнесло-бы по крутымъ оврагамъ!
Туча дождевая, будь ты нашимъ благомъ!
Поднимая вѣтеръ, оборви ты сѣти
Паука съ крестами, что гордится въ свѣтѣ
Тѣмъ, что изсушилъ онъ множество народу,
Изъ души и сердца высосавъ свободу!
Бабочкамъ грозою опали ты крылья,
Чтобъ хоть ихъ за это снова полюбить я! —
Такъ стоналъ кузнечекъ подъ наитьемъ бурной
И мятежной думы. А надъ нимъ лазурный
Василекъ качался наливался колосъ,
И, жужжа, знакомый проносился голосъ:
„Слышишь-ли ты грома дальніе раскаты?
„Погляди на тучки, что безъ крыль крылаты,
„Мрачны безъ печали, безъ улыбки ясны,
„Какъ гроза могучи, какъ туманъ безстрастны!“
Проносился голосъ, но въ душѣ артиста
Раздавалось что-то въ родѣ злаго свиста.
Оскорбленный свѣтомъ, огорченный баломъ,
Не на шутку мрачнымъ сталъ онъ либераломъ.
Въ этомъ мѣстѣ надо, въ видѣ объясненья,
Маленькое къ Липкамъ сдѣлать отступленье.
Бабочка, герою измѣнивъ, сначала
За его нескромность уколоть желала:
А потомъ — головка видно закружилась —
И она не въ шутку въ соловья влюбилась.
Иностранецъ этотъ въ мѣрѣ насѣкомыхъ,
Говорять, былъ дерзокъ и клевалъ знакомыхъ.

Отомстить любовью этой чудной птицѣ,
Приковать къ побѣдной своей колесницѣ,
Пѣсни и посланья сочинять заставить
И, быть-можетъ, въ свѣтѣ тѣмъ себя прославить:
Вотъ что замышляла вѣтренная фея.
Къ нашему-жь герою, просто не краснѣя
И не церемонясь, клопика послала,
И „*блоходарю* васъ“ ему написала.
Эта „*блоходарность*“, вмѣсто „*благодарность*“,
Пуще огорчила моего героя.
А гуляка страшно хохоталъ и, строя
Разныя гримасы, говорилъ, что блохи
Болѣе полезны, чѣмъ пустые вздохи.
Можетъ-быть, артистъ нашъ, разъ отдавшись снова
Музамъ, позабылъ-бы, какъ любовь сурово
Обошлась съ нимъ, то есть: позабылъ-бы эту
Вѣтренную фею; къ будущему лѣту
Сочинилъ-бы кучу гимновъ и сонетовъ,
Былъ-бы снова счастливъ счастиемъ поэтовъ,
Сѣлъ-бы на соломку, чтобъ во славу ночи
На своей скрипицѣ пилить что есть-мочи;
Но, къ его несчастью, вдругъ распространилась
Вѣсть, что будто, что-то съ бабочкой случилось:
Говорили, буд о бабочка бѣжала,
Бабочка погибла, бабочка пропала.
Прямо шли изъ парка эти злые слухи.
Стало-быть не ввали комары и мухи:
Была вѣроятность! Долго этимъ слухамъ
Мой артистъ не вѣрилъ. Вдругъ, какъ-бы обухомъ

Кто-нибудь героя съѣздилъ прямо въ ухо,
Онъ повѣрилъ разомъ въ достовѣрность слуха,
Только что успѣлъ онъ всѣхъ предать проклятью,
Получилъ пакетикъ съ маленькой печатью.
Вотъ письмо:

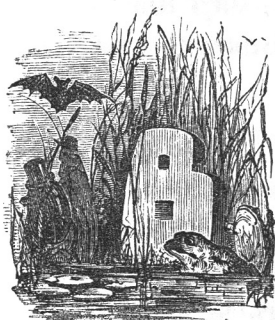
„Вы были къ намъ неравнодушны —
„Если правда, будьте хоть любви послушны:
„Поищите нашу милую Сильфиду
„И ее не дайте соловью въ обиду.
„Кто вамъ это пишетъ, сами угадайте.
„Если-жъ будутъ вѣсти, въ Липки передайте.“

Прочитавъ такое странное посланье,
Онъ въ припадкѣ страсти и негодованья
Началъ просто хныкать.... хныкалъ, долго хныкалъ!
(Эдакое горе онъ себѣ накликалъ!)
Приближался вечеръ. — Къ счастью, гуляка
Былъ въ харчевнѣ, клюкнулъ и, краснѣе рака,
Постучался къ другу. Онъ разставилъ ноги,
Увидавши слезы и слѣды тревоги
На лицѣ артиста.

„Ва! Какія страсти!
Выпей, братецъ, клюкни! — будешь нашей масти!“
Возгласилъ гуляка: „плюнь ты на Сильфиду —
И тебя не дамъ я никому въ обиду.“

— Бѣдная Сильфида, что съ ней? — не безъ писку
Отвѣчалъ кузнечекъ: — на! прочти записку.

„Ничего не вижу!“ — пробурчалъ гуляка,
Ибо онъ не даромъ былъ краснѣе рака.
Тутъ ему кузничекъ разсказалъ въ чемъ дѣло,
И они рѣшились въ путь пуститься смѣло.
Мой герой готовъ былъ съ соловьемъ хотъ драться,
А гуляка вышелъ просто поразмяться.

ечерь былъ ненастный. Квакали
лягушки;
Подъ налетомъ вѣтра зыбкія верхушки

Жатвы колыхались, словно волны; капаль
Тихій дождь — и гдѣ-то пѣрепель вавакаль;
Паучки свернулись; пораскисли мушки;
Комары притихли. Около опушки
Лѣса нашъ кузнечекъ шель самъ-другъ съ гулякой.

— „Слушай-ка, пріятель! надо-бы на всякой
Случай запасться намъ фонаремъ,“ шагая,
Говориль гуляка. Но, не возражая
На совѣтъ, кузнечекъ пріостановился:
Съ вѣтромъ изъ тумана къ нему доносился
Звукъ ему знакомый: два степныхъ артиста
На дрянныхъ скрипицахъ хрипло и нечисто
Выводили нотки.... безпрестанно эти
Нотки обрывались.

— „Ты имѣй въ предметъ,“

Продолжалъ гуляка:— „что въ потьмахъ наткнуться
Можно на лягушку, или кувыркнуться.
Гей! - онъ свистнулъ.-Кто тамъ? “и подъ подорожникъ
Заглянувши, крикнулъ: — ну-ка, ты, пирожникъ,
Выходи! — И вышелъ таракашекъ смуглый
Какъ медовый пряникъ, и какъ булка круглый.

„Что вамъ надо?“

— „Гдѣ тутъ къ свѣтляку дорога?“ —

„Дальше, баринъ, дальше! по правѣй немного,
Тамъ подъ божьей травкой двѣ еловыхъ шишки,
Тамъ спросите.... Жаль вотъ спятъ мои мальчишки....“

— „Э! сказалъ гуляка: — мы идемъ не свищемъ,
А къ еловымъ шишкамъ сами путь отыщемъ.“

„Дали-бы на водку, я пошель-бы съ вами.“

— „Не ходи любезный!“ — шевеля усами,

Возразиль гуляка.

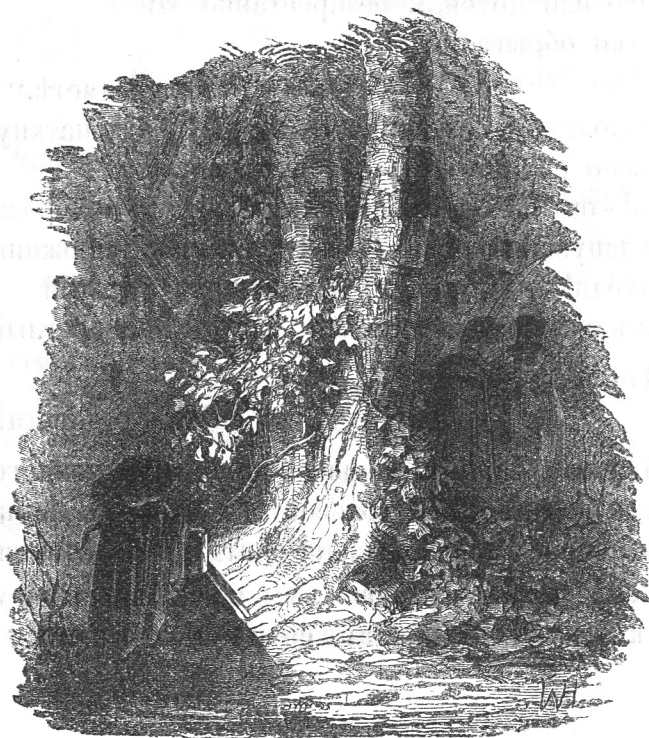
— „Больно ночь муруга!“

— „Ну, не ври, любезный!“ —

И пошли два друга
Къ двумъ еловымъ шишкамъ. Стукъ-стукъ! — Отворяйка
Двери! —

— „Кто тамъ?“

— Лѣшій! —

„Кто тамъ?“
— Вылѣзай-ка! —

И свѣтлякъ, съ разбитымъ фонаремъ, пустился
Въ лѣсъ казать дорогу. Клялся и божился,
Что совсѣмъ не знаетъ, гдѣ тамъ обитаетъ
Соловей, что нужно, если кто желаетъ
Знать его *фатеру*, допросить у Розы.

— „Я, сказалъ гуляка“ у такой занозы
Спрашивать не стану: и глупа ужасно,
И молчить, какъ рыба, и не безопасна. —

— „Ну, такъ хоть улитку допросите.“

— Враки!
Ты совсѣмъ не знаешь гдѣ зимуютъ раки.
Надо въ тихомолку пробираться въ лѣво,
Къ муравьинымъ кучамъ дальше отъ посѣва. —

Вдругъ гуляки голосъ превратился въ шопоть:
Въ темнотѣ раздался чей-то рѣзвый топоть,
Въ кустъ черезъ дорогу проскакала мышка.
У гуляки тотчасъ началась одышка:
Онъ маленько струсиль. Впрочемъ, отъ испуга
Скоро онъ очнулся, догоняя друга.
Вѣтеръ унимался и луна въ сквозные
Своды темной рощи, словно золотыя

Струны протянула. Мшистые коренья
Просіяли, словно дожидаясь пѣнья.
И, о чудо! въ дебряхъ вдругъ раздался голосъ
Соловья — и дрогнулъ мой артистъ, и вѣлось
Дыбомъ на макушкѣ всталъ отъ ошущенья
Страха и тревоги, гнѣва и смятенья.

„Вотъ онъ! вотъ!“ шепнулъ онъ, притаивъ дыханье.

— Что это за пѣнье? — Просто рокотанье —
Тутъ ему замѣтилъ другъ его гуляка:
Все въ однихъ руладахъ, все въ однихъ...

— „Однако,

Возразилъ герой мой: „не бранись напрасно!
Плуть едва-ли можетъ пѣть такъ сладкогласно.“

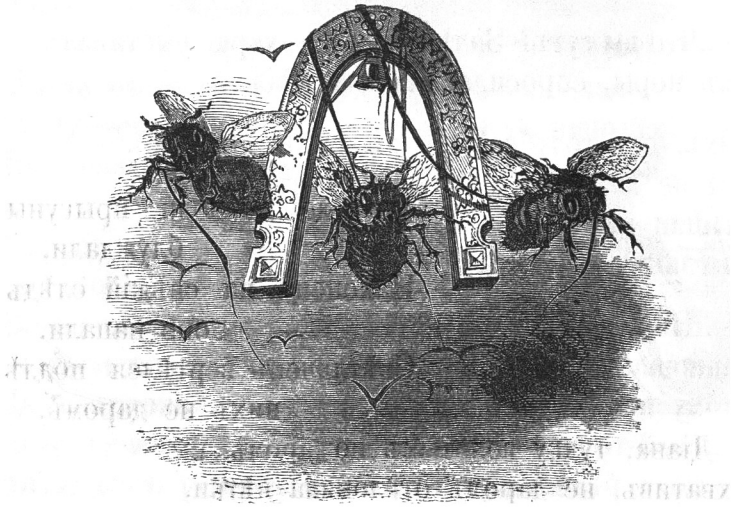
— „Что вы тутъ? Зачѣмъ вы?“ — харю выставляя
Изъ норы, спросила ихъ оса лѣсная.

„Эхъ, оса голубка! что ты смотришь волкомъ;
Мы не лиходѣи — отвѣчай намъ толкомъ:
Вышли мы на поискъ....“ И кузнечекъ смѣло
Выглянувшей харѣ, объяснилъ въ чемъ дѣло.

— „Нешто я не знаю, какъ она вертѣлась, —
Запищала харя: — пофиньтить хотѣлось....
Этому никакъ ужъ третій день, какъ минулъ....
Соловей-то клюнулъ, да потомъ и кинулъ.
Ползала, бѣдняжка, ползала не мало;
Если въ муравейникъ съ дуру не попала,

Гдѣ-нибудь у нашихъ червяковъ спросите....
Я-жь оса — и только, — ну и не взыщите!“ —
Съ этимъ словомъ, какъ-то скорчась, опустилась

Харя въ норку и въ подвалѣ скрылась.
„Такъ-бы вотъ и съѣздила я по этой харѣ“
Проворчала гулька: „если-бъ былъ въ ударѣ.“
Но артистъ-кузнечекъ горестнымъ рассказомъ
Такъ былъ отуманенъ, что, казалось, разумъ
Потерялъ.... И долго сладостныя трели
Соловья такъ смутно для него звенѣли,
Какъ звенить порою въ часъ ночной мятели,
Глухо замирая, колокольчикъ дальный
Въ глубинѣ пустыни снѣжной и печальной.

олго до полночи прыгуны
 блуждали,
 Наконецъ на свѣжій слѣдъ
 они напали.
 Свѣтлячекъ вертѣлся подлѣ
 нихъ не даромъ,

И Діана, тучку золотымъ пожаромъ
 Охвативъ, не даромъ отклоняла вѣтки,
 И кой-гдѣ чертила яркія отмѣтки:

Для моихъ героевъ блѣдный лучъ богини.
Путеводнымъ свѣтомъ былъ среди пустыни.
Тамъ, не подалеку спѣющей брусени,
Подъ корнями красной полевой гвоздики
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
Ножки протянула, крылья распластала,
И, казалось, лежа небесамъ молилась.
Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
Тотъ же сохранился очеркъ милый, нѣжный,
Тою же сіяя бѣлизною снѣжной
Матовыя крылья. Черная косынка
На груди раскрылась. Крупная слезинка,
Какъ алмазъ, блестяла около рѣсницы,
И какъ бархатъ были темныя косицы.
Мертвая казалась сонной; но чернѣла
Маленькая ранка.... Молча возлѣ тѣла
Постоялъ кузнечекъ, сердцемъ надрываясь.
Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
Свѣтлячекъ, какъ-будто сильно пораженный
Небывалымъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
У гуляки тоже хмѣль прошелъ. — Сурово
Онъ глядѣлъ и то, что видѣлъ, было ново
Для него. Онъ понялъ, что была-бъ тутъ шутка
Вовсе неприлична. Даже какъ-то жутко
Становилось сердцу вѣчнаго гуляки.
Даже покривилась рожа забіяки,
Потому, что былъ онъ добрая скотанка,
Видя, какъ у мертвой на лицѣ слезинка
Неподвижно свѣтлой капелькой стояла,

Онъ шепталъ: „Бабошка! — Ты отпировала!
Такъ и мы у смерти дни свои воруемъ;
Попадемся съ кражей — да и отпируемъ!“
Впрочемъ, мой гуляка былъ такого сорту,
Что свое унынье вмигъ отправиль къ черту,
И, толкнувъ артиста, молвилъ: „ну, конечно,
Жаль, да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно!
Сдѣлаемъ носилки, и ее прилично
Отнесемъ подъ Липки. Все пойдетъ отлично.
Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
Силь не трать, и плакать послѣ постарайся.
Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли—и долго поступью не смѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шель свѣтлякъ — и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ. —
„А! ба! кто тамъ? что тамъ?“ — слышалось въ
сонномъ
Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раз-
дался:
Муравей какой-то подъ ноги попался
Нашему гулякѣ—онъ его и тиснулъ.
Вслѣдъ за этимъ визгомъ — въ роуцѣ кто-то
свистнулъ.
Комары, проснувшись и поднявшись роємъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ;
Но, слетѣвшись кучей — и увидѣвъ тѣло,

Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло...)
И, трубя плачевно, въ разстояннхъ дальномъ
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи,
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Бабочка — Сильфиды прежняя подруга —
Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
На холодный камень и — оцѣпенѣла.
Предразсвѣтнѣй вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думаль, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелиль у мертвой легкими крылами,
И дышалъ въ лице ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ,
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая.
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повелики, робко по стволамъ ползущей;
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣннй
Головой кивали. — Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая, —
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подѣ Липки
Мертвую Сильфиду — тамъ ее сложили,
Вырыли могилу и похоронили.

И когда надъ этой новою могилою
Думаль злую думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртiной
Звучно раздавался рокоть соловьиной.

ДЛЯ НЕ МНОГИХЪ.

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры,
Моя душевная гроза
Едва слышна въ аккордахъ лиры;
Едва видна моя слеза.
Ко мнѣ видѣнья прилетаютъ,
Мнѣ звѣзды шлютъ нѣмой привѣтъ, —
И мнѣ не многіе внимаютъ,
И для не многихъ я поэтъ.

Я не взываю къ дальнимъ братьямъ:
Стихи мои — для ихъ оковъ,
Подобны трепетнымъ объятьямъ,
Простертымъ въ воздухъ. — Вѣщихъ словъ
Моихъ не слушаютъ народы;
Въ моей душѣ проклятій нѣтъ, —
Но въ ней журчитъ родникъ свободы,
И для не многихъ я поэтъ.

Подслушавъ ропоть Немезиды,
Какъ божеству я вѣрю ей,
Не мнѣ, а ей карать обиды,
Грѣхи народовъ и судей.
Меня глубоко возмущаетъ
Все, чѣмъ гордится грязный свѣтъ,
Но къ музамъ грязь не прилипаетъ —
И для не многихъ я поэтъ.

Когда судьба меня карала —
Увы! всѣмъ общая судьба....
Моя душа не уставала,
По силамъ ей была борьба.
Мой крикъ, мой плачь, мои стенанья
Не проникали въ міръ суетъ;
Тая безплодные страданья,
Я для не многихъ былъ поэтъ.

Я знаю, область есть иная,
Тамъ разумъ вѣчнаго живетъ,
О жизни тамъ, живымъ, живая
Любовь торжественно поетъ.
Я какъ поэтъ ей жадно внемлю,
Какъ гражданинъ — сердцамъ въ отвѣтъ
Слова любви свожу на землю;
Но — для не многихъ я поэтъ.

---

* * *

Моей молоденькой сосѣдкѣ
Ужъ минуло шестнадцать лѣтъ —
У ней голубенькія глазки
И очень узенькій корсетъ.
Bonjour! я ей сказалъ однажды,
И ей отвѣсилъ мой поклонъ,
Съ-тѣхъ-поръ при каждой нашей встрѣчѣ
Она краснѣетъ какъ піонъ.
Не говоритъ со мной, дичится,
Отъ маменьки не отстаетъ;
Мой Богъ! чего она боится,
Она не мышь, а я не котъ,
Ей-ей! не нахожу причины....

А впрочемъ, господа, —
Листы молоденькой осины
Дрожать безъ вѣтра иногда.

СУМАСШЕДШІЙ.

Кто говоритъ, что я съ ума сошелъ,
Напротивъ! — Я гостямъ радешенекъ... Садитесь!..
Какъ это вамъ не грѣхъ! неужели я золь!
Не укушу — чего боитесь!

Давило голову — въ груди лежалъ свинець....
Глаза мои горять — но я давно не плачу —
Я все скрывалъ отъ васъ... Внимайте, наконецъ
Я разрѣшилъ мою задачу!...

Да, господа! мiръ обновленъ. — Вѣка
Къ благословенному придвинули насъ вѣку —
Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
Что счастье нужно человѣку. —

Народы поднялись и обнажили мечъ,
Но образумились и обнялись какъ братья,
Гербы и знамена — все надо было сжечь,
Чтобъ только снять печать проклятья.

Настало царствіе небесное — свѣтло —
Просторно! — На землѣ нѣтъ ни одной столицы,
Тирановъ также нѣтъ — и все какъ сонъ прошло
Рабы, оковы и темницы! —

Науки царствуютъ — видѣнья отошли,
Одни безумцы ими одержимы....
Чу! слышите — поютъ со всѣхъ концевъ земли
Невидимые херувимы.

Ликуйте! вѣчную привѣтствуйте весну!
Свободы райской гимнъ изъ сердца такъ и рвется—
И я тянусь, тянусь, какъ лучъ въ одну струну —
Что если сердце оборвется!!...

---

* * *

По горамъ двѣ хмурыхъ тучи,
Знойнымъ вечеромъ блуждали,
И на грудь скалы горячей
Къ ночи медленно сползали.
Но — сошлись — не уступили
Той скалы другъ-другу даромъ,
И пустыню огласили
Яркой молніи ударомъ.
Грянулъ громъ, по дебрямъ влажнымъ
Эхо рѣзко засмѣялось,
А скала — такимъ протяжнымъ
Стономъ жалобно сказалась,
Такъ вздохнула, — что не смѣли
Повторить удара тучи,
И у ногъ скалы горячей
Улеглись и обомлѣли.

НОЧЬ ВЪ СОРЕНТО.

Волшебный край! Соренто дремлетъ —
Умъ колобродитъ — сердце внемлетъ....
Тѣнь Тасса начинаетъ пѣть —
Луна сіяетъ — море манитъ.

Ночь по волнамъ далеко тянетъ
Свою серебряную сѣть.

Волна, скользя, журчитъ подь аркой;
Рыбакъ зажегъ свой факель яркій
И мимо берега плыветъ —
Надъ моремъ, съ высоты балкона,
Не твой-ли голосъ, примадонна,
Взвился и замеръ? — Полночь бьетъ.

Холодной мѣди бой протяжный,
Будильникъ совѣсти продажный,
Ты не разбудишь никого!
Одно невѣжество здѣсь дышетъ, —
Все исповѣдуетъ, все слышитъ, —
Не понимая ничего....

Но отъ полуночнаго звона,
Зачѣмъ твой голосъ, примадонна,
Оборвался и онѣмѣлъ?
Кого ты ждешь моя синьора?
О! ты не та Елеонора,
Которую Торквато пѣлъ....

Кто тамъ, на звонъ твоей гитары,
Прошелъ въ тѣни съ огнемъ сигары!
Зачѣмъ махнула ты рукой,
Облокотилась на перила,
Лицо и кудри наклонила,
И вновь поешь: „О идолъ мой!“

Объятый трепетомъ и жаромъ,
Я чувствую, что здѣсь не даромъ
Италія горитъ въ крови....
Луна сіяетъ — море дремлетъ
Умъ колобродитъ — сердце внемлетъ,
Тѣнь Тасса плачетъ о любви.

СНЫ.

I.

ПОДСОЛНЕЧНОЕ ЦАРСТВО.

Клонить сонъ — стихи прощайте!
Погасай моя свѣча —
Сплю — и слышу будто гдѣ-то
Ходить маятникъ, стуча.

Ходить маятникъ — и — сонный
Чтобъ догнать его скорѣй,
Какъ по воздуху иду я
Вдаль за тридевять полей.

И хочу я въ тридесатомъ
Государствѣ кончить путь,
Чтобъ хоть тамъ свободнымъ словомъ
Облегчить больную грудь.

И я вижу въ тридесѣтомъ
Государствѣ на часахъ,
Сторожа стоять въ туманѣ
Съ самострѣлами въ рукахъ.

На мосту собака лаетъ—
И въ испугѣ черезъ садъ
Я иду подъ сводъ какихъ-то
Фантастическихъ палатъ.

Узнаю родныя стѣны,
И тайкомъ иду въ покой,
Гдѣ подсолнечнаго царства
Царь лежитъ съ своей женой.

Коть мурлычетъ на лежанкѣ —
Свѣтитъ лампа — царь не спитъ —
И сѣдая, изъ подушекъ,
Борода его торчитъ.

На глаза колпакъ напяливъ,
Шевелить онъ бородой,
И ведетъ такія рѣчи
Обо мнѣ съ своей женой.

Сокрушилъ меня царевичъ,
Кто мнѣ что ни говори —
А любя стихи да рифмы,
Не годится онъ въ цари.

Я лишу его наслѣдства, —
А жена ему въ отвѣтъ:
Будеть бѣдненькій по царству
Онъ скитаться какъ поэтъ. —

Но — сказалъ, отецъ, дозволимъ
Мы за это такъ и быть,
Нашей фрейлинѣ съ безумцемъ
Одиночество дѣлить. —

У нее въ лицѣ любовью
Дышетъ каждая черта —
У него — въ стихахъ не даромъ
Все любовь, да красота.

Но — отвѣтила царица,
Наша фрейлина горда,
И отвергнутаго нами,
Не полюбить никогда.

Ахъ! кричу я имъ лишите
Вы меня всего, всего!
Все-то ваше царство врядъ-ли
Стоитъ сердца моего!

Но — ужель — она, чьи очи
Свѣтятъ раемъ такъ, горда,
Что отвергнутаго вами
Не полюбить никогда!

П.

ТИШЬ И МРАКЪ.

Я спалъ — и гнетущаго страха,
Волненье хотѣлъ превозмочь —
И видѣлъ я сонъ — будто свѣтитъ
Какая-то странная ночь.

Дымясь, неподвижныя звѣзды
Въ эфирѣ горятъ какъ смола,
И запахомъ ладона сильно
Ночная пропитана мгла.

И мѣсяць, холодный, какъ будто
Мертвецъ, посреди облаковъ
Стоитъ надъ долиной, покрытой
Рядами могильныхъ холмовъ.

Недвижно поникли деревья;
Далеко стоитъ тишина:
Природа какъ-будто не дышетъ
Въ объятяхъ мертваго сна.

И весь я вниманье, — и сердцемъ
Далеко я въ ночь уношусь,
И жду хоть единаго звука —
И крикнуть хочу и — боюсь!

И вдругъ, съ легкимъ трескомъ все небо
Подвинулось, — звѣзды текутъ —

И катится мѣсяцъ, какъ-будто
На немъ гробъ тяжелый везуть.

И темныя тучи печальнымъ
Надъ нимъ балдахиномъ висять,
И красныя звѣзды, какъ свѣчи
Повитыя крепомъ горять.

И катится мѣсяцъ все дальше
И дальше въ бездонную ночь —
И звѣзды за нимъ въ безконечность
Уходятъ изъ глазъ моихъ прочь.....

Ихъ слѣдъ, какъ дымокъ отъ фосфора,
Какъ облачко, въ черной дали
Расплылся — и мракъ непроглядный
Одѣлъ мертвый черепъ земли.

И сталъ я блуждать въ этомъ мракѣ
Одинъ — какъ слѣпецъ. — Не ночной —
Могильный былъ мракъ — и повсюду
Была тишина и покой.

Такой былъ покой, и такая
Была тишина, что листокъ
Въ лѣсу покачнись — или капля
Скатись — я услышать-бы могъ.

То весь замиралъ я, — и долго
Стоялъ неподвижно — то билъ

Я въ землю ногами, не видя
Ни ногъ, ни земли; — то ходилъ,

Кружась, какъ помѣшанный — падалъ —
Лежалъ — самъ съ собой говорилъ —
Вставалъ — щупалъ воздухъ руками —
И вдругъ, — чью-то руку схватилъ...

И мигомъ я понялъ, что это
Была не мужская рука,
У ней были нѣжные пальцы,
Она была стройно легка.

И такъ эту руку схватилъ я,
Какъ-будто добычу поймалъ —
И такъ я былъ радъ, что казалось,
На время дышать пересталъ.

„Ага! не одинъ я — не всё мы
Пропали!“ — я думалъ. „Есть грудь
Другая, которая можетъ
И закричать, и вздохнуть“.

„О кто ты?“ шепталъ я „хоть слово
Скажи мнѣ — хоть слово! и мнѣ
Оно будетъ музыкой въ этой
Могильной, нѣмой тишинѣ.....“

„Откуда ты шла? — Гдѣ застигла
Тебя эта тьма! — говори!“

Мнѣ звуки рѣчей твоихъ будутъ
Сіяніемъ новой зари.“

Молчанье — молчанье — ни слова,
Ни вздоха..... Одна лишь рука
Незримая руку мнѣ жала
И трепетала слегка.

Напрасно порывисто, жадно
Уста я устами ловилъ,
Напрасно лобзаль ее въ очи,
И плечи слезами кропилъ.

Она предавала все тѣло
Мучительнымъ ласкамъ моимъ;
А я — я шепталъ: умоляю,
Порадуй хоть словомъ однимъ.

Молчанье, молчанье — и вотъ ужъ
Я самъ пересталъ говорить,
И помню, во снѣ, какъ безумецъ,
Готовъ былъ ее укусить!!

Но въ эту минуту, рванувшись,
Какъ змѣй ускользнула она,
И стало опять — мракъ во мракѣ —
И въ тишинѣ — тишина.....

Съ простертыми долго руками
Ходилъ я, рыдая, стена,

Шатаясь — и тьму обнималъ я,
И тьма обнимала меня.

Споткнувшись на что-то, я поднялъ
Какую-то книгу — раскрылъ
Страницы — и легъ съ ней на землю —
И лбомъ къ ней припалъ — и застылъ.

Изъ книги, мнѣ чудилось, буквы
Всплывали, — и ярче огня
Сверкали и въ жгучія строки
Слагались въ мозгу у меня.

И страшныя мысли читалъ я
Въ невидимой книгѣ — какъ вдругъ
На словѣ „проклятье“ очнулся —
И оглянулся вокругъ. —

О Боже мой! гдѣ я!! — Сквозь щели
Затворенныхъ ставень сквозятъ
Лучи золотые, то солнца
Глаза золотые глядятъ.

Глядятъ и смѣются — и сердце
Очнулось — и жизни привѣтъ
Почуя, выиграло, какъ-будто
Впервые увидѣло свѣтъ.....

ЖЕНЩИНЪ.

Когда во мнѣ душа кипѣла,
Когда она, презрѣвъ судьбу,
Рвалась изъ тѣснаго предѣла
На свѣтъ, на волю, на борьбу. —
Зачѣмъ тогда не укротила
Ты духъ мой гордый и слѣпой
Что-бъ даромъ не погибла сила
Въ борьбѣ безплодной и пустой.

Когда тоскливый, безпокойный,
Безъ цѣли—въ даль отъ суеты,
То мчался я по степи знойной,
То лѣзъ на снѣжные хребты.—
Зачѣмъ звѣздою путеводной
Ты не сіяла предо мной,
Быть можетъ гордый и свободный
Нашель-бы я мой путь прямой.

Когда отъ жизни уставая,
Въ нетрезвомъ полузабытѣи
Я повторялъ: о жизнь пустая,
О силы прежнія мои!
Какъ лучъ востока благодатный
Зачѣмъ тогда не разбудилъ
Меня твой голосъ сердцу внятнѣй
И падшихъ силъ не обновилъ.

Когда лампаду трудовую,
Какъ рабъ нужды, зажегъ я вновь,
И проклиналъ страну родную
Безъ вѣры въ славу и любовь.
Зачѣмъ, когда лампада гасла
Не ты пришла, и въ поздній часъ
Какъ другъ, спасительнаго масла —
Не ты влила чтобъ свѣтъ не гасъ.

Когда по слякоти шагая,
Въ туманъ, — я отличалъ едва
Себя отъ грязи — такъ больная
Была туманна голова.
Зачѣмъ отъ этого ненастья
Ты разумъ мой не сберегла
И отъ постыднаго участья
Своимъ участьемъ не спасла.

Но кто-же ты? — къ кому упреки!..
Тебя я съ юныхъ лѣтъ не зналъ:
Не ты давала мнѣ уроки
Когда мой слабый умъ блуждалъ.
Не ты любить меня учила —
Когда безумно я любилъ,
Не ты меня благословила
Бороться до утраты силъ.

Шли годы. — Съ упованьемъ тайнымъ
Разстался я. — Къ чему-жъ теперь,

Видѣнъ емь свѣтлымъ и случайнымъ,
Ты къ старику стучишься въ дверь.
И слезы позднія роняя,
Мнѣ шепчешь—о! какъ ты грѣшилъ,
Какъ низко падалъ!—но—святая,
Гдѣ ты была, когда я жилъ?—

ИНАЯ ЗИМА.

Я помню какъ дѣтми съ румяными щеками
По снѣгу хрупкому мы бѣгали съ тобой,
Насъ добрая зима косматыми руками
Ласкала и къ огню сгоняла насъ клюкой.
А позднимъ вечеромъ твои сіяли глазки,
И на тебя глядѣлъ изъ печки огонекъ,
А няня старая намъ сказывала сказки,
О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачекъ.
Съ тѣхъ поръ для насъ прошла весна съ улыбкой
Мая,
И лѣтній жаръ простылъ—и вотъ, слыша вой
Осенней бури, къ намъ идетъ зима иная,—
Зима бездушная,—и ужъ грозитъ клюкой...
А няня старая ужъ ножки протянула —
И спитъ себѣ въ гробу, и даже не глядитъ,

Какъ ты усталая къ моей груди прильнула,
Какъ-будто слушаешь, что сердце говоритъ.
А сердце въ эту ночь, какъ няня, къ дѣтской ласкѣ
Неравнодушное, раздуло огонекъ
И на ушко тебѣ рассказываетъ сказки
О томъ какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачекъ.

ЮБИЛЕЙ ШИЛЛЕРА.

(1862)

Съ вавилонскаго столпотворенья
И до нашихъ дней—по всей землѣ
Духъ вражды и духъ разъединенья
Держать мѣръ въ невѣжествѣ и злѣ —
Люди на людей куютъ во мракѣ цѣни,
Истина не смѣетъ быть нагой,
И съ морями берега, съ горами степи
Безъ конца ведутъ кровавый бой.

Отчего-же вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней —
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній Юбилей.

У разноязычныхъ, у разноплеменныхъ,
У враждебныхъ странъ во всѣ вѣка

Только два и было неизмѣнныхъ,
Всѣмъ сердцамъ понятныхъ языка:
Не кричитъ-ли міру о союзѣ кровномъ
Каждога ребенка первый крикъ,
Не для всѣхъ-ли націй въ родникѣ духовномъ
Черплетъ силу генія языкъ.

Не за тѣмъ-ли вся Европа встала
Засвѣтила тысячи огней
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Лучшихъ дней не скоро мы дождемся,
Лишь поэты—вѣстники боговъ,
Говорятъ, что всѣ мы соберемся
Мирно раздѣлять плоды трудовъ.
Что безумный произволь свобода свяжетъ,
Что любовь прощеньемъ свяжетъ грѣхъ,
Что побѣда мысли смертнымъ путь укажетъ
Къ торжеству, отрадному для всѣхъ.

Путь далекъ—но вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней —
И отпѣла, и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Но впередъ шагая съ каждымъ вѣкомъ,
Что мы видимъ въ нашъ желѣзный вѣкъ
Видимъ—въ страхѣ передъ человѣкомъ

Опускаетъ руки человѣкъ —
Въ побѣжденныхъ сила духа воскресаетъ;
Побѣдитель, раздражая свѣтъ,
Не за тѣмъ-ли мечъ свой грозный опускаетъ
Что его пугаетъ громъ побѣдъ.

Мечъ упалъ и вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней —
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Знаемъ мы какъ чутко наше время:
Какъ шпионъ за всѣмъ оно слѣдитъ,
И свободы золотое сѣмя,
Отъ очей завистливыхъ таитъ.
Но встаетъ вопросъ—народы ждутъ отвѣта....
Страшно не признать народныхъ правъ —
И для мысли какъ для воздуха и свѣта,
Невозможно выдумать заставъ.

Всталъ вопросъ—и вся Европа встала
Засвѣтила тысячи огней —
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Сколько разъ твердила чернь поэту:
Ты какъ вѣтеръ не даешь плода,
Хлѣбныхъ зеренъ ты не сѣешь къ лѣту,
Жатвы не собираешь въ осень — Да, —

Духъ поэта — вѣтеръ—но когда онъ вѣетъ,
Въ небѣ облака съ грозой плывутъ,
Подъ грозой тучнѣй родная нива зрѣетъ
И цвѣты роскошнѣе цвѣтутъ.

Духъ повѣялъ—и Европа встала
Засвѣтила тысячи огней —
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Шиллеръ, чье полнѣе сердце было
Пѣсенъ вѣчныхъ, чистыхъ и святыхъ!
Чья душа сильнѣй людей любила,
И стояла горячей за нихъ!
О, не ты-ль смѣшалъ людей съ полубогами —
Въ идеалѣ видѣлъ божество,
Свѣту разума надъ мракомъ и страстями
Приготовилъ въ мѣрѣ торжество.

О, не ты-ль?—и вся Европа встала
Засвѣтила тысячи огней —
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

О, Германіи поэтъ всемірный!
Для тебя народы всѣ равны.
Откликаюсь я на звонъ твой лирный
Тихимъ трепетаніемъ одной струны,
Той живой струны, что въ глубинѣ сердечной

Братія, у всѣхъ у насъ звучитъ
Всякій разъ, когда любви намъ голосъ вѣчный
Божій голосъ громко говорить.

ЧАЙКА.

Поднялъ корабль паруса;
Въ море спѣшить онъ, родной покидая заливъ,
Буря его догнала и швырнула на каменный рифъ.

Бьется онъ грудью объ грудь
Скаль, опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ мор-
скимъ,
А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.

Съ бурей обломки его
Въ даль унеслись; — чайка сѣла на волны —
и вотъ,
Тихо волна покачавъ, ее, новой волнѣ отдаетъ.

Вонъ — отдѣлились опять
Крылья отъ скачущей пѣны — и вѣтра быстрѣй
Мчитъ она, упадая въ объятія вечернихъ тѣней.

Счастье мое, ты—корабль.

Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной.—
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ
тобой.

Буря обломки твои

Пусть унесетъ! но пока будетъ пѣна блестять,
Дамъ я волнамъ покачать себя, прежде чѣмъ въ
ночь улетѣть.

Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность—ты-ли
Предупредивъ меня, уйдешь за грань могиль,
Повѣдать небесамъ страстей земныя были,
Невѣроятныя въ странѣ безплотныхъ силы!
Мы оба поразимъ своимъ разговоромъ небо
Объ этой злой землѣ, гдѣ братъ мой просить хлѣба,
Гдѣ золото къ враждѣ, къ безумію ведетъ,
Гдѣ ложь всѣмъ явная наивно лицемѣритъ,
Гдѣ робкое добро себѣ пощады ждетъ,
А правда такъ страшна, что сердце ей не вѣритъ.
Гдѣ ненависть—я боролся и страдалъ,
Гдѣ ты—любя—томилась и страдала;
Но...

Ты скажи, что я не проклиналъ;
А я скажу, что ты благословляла!..

ВЕЗУМІЕ ГОРЯ.

(посв. пам. Ел... П....й).

Когда держась за ручку гроба,
Мой другъ! въ могилу я тебя сопровождалъ, —
Я думалъ: умерли мы оба
И какъ безумный—не рыдалъ.
И представлялось мнѣ два гроба:
Одинъ былъ твой—онъ былъ уютно—малъ,
И я его съ тупымъ, бессмысленнымъ вниманьемъ
Въ сырую землю опускалъ;
Другой былъ мой,—онъ былъ просторенъ,
Лазурью, зеленью вокругъ меня пестрѣлъ,
И солнца дискъ, къ нему прилаженный, какъ бляха
Роскошно золоченая, горѣлъ.
Когда твой гробъ исчезъ, заброшенный землею,
Увы! мой—все еще насмѣшливо сіялъ —
И озирался я, покинутый тобою,
Душа души моей!—и смутно сознавалъ,
Какъ не легко въ моемъ громадно—пышномъ гробѣ
Забиться—умереть на столько, чтобъ забыть
Любви утраченное счастье,
Свое ничтожество, и—жажду вѣчно жить.
И порывался я очнуться,—встрепенуться, —
Подняться,—вѣчную мою гробницу изломать —
Какъ саванъ сбросить это небо,
На солнце наступить и звѣзды разметать, —
И ринуться по этому кладбищу,

Покрытому обломками свѣтиль,
Туда, гдѣ ты—гдѣ нѣтъ воспоминаній,
Прикованныхъ къ ничтожеству могиль.

МЕЛЬНИКЪ.

(посвящается А. Н. Островскому).

Мельникъ съ похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
Мельника будить сынишка:
„Батъка! куда ты съ дороги свернулъ?“
— Полно ты, полно, трусишка!

Глуше, все глуше становится лѣсъ...
Что тамъ! Не мѣсяць-ли всходитъ?
Али съ зажженой лучиною бѣсъ
Между деревьями бродить?
Бѣдетъ старикъ, инда сучья трещать...
„Батъка! куда ты! Ворочай назадъ!“

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
Этто костры зажигаютъ —
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ,—слышь —
Наши ребята гуляютъ.

Смотрить ребенокъ, и видитъ—огни, —
Искры летать, тѣни пляшутъ;

Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
Скачуть, хохочуть и машуть...
Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
„Батька! мнѣ страшно!“ ребенокъ кричитъ.

— Что тутъ за страсти! откуда ты взялъ!
Биль я тебя—биль, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана-купала.

Пышуть огни—вотъ, изъ лѣсу идетъ
Мельника старшая дочка;
Косы свои распустила, поетъ:
„Эхма ты, ноченька—ночка!“
Парень ее сзади ловить рукой...
Крикнуть ей мельникъ: „Куда ты? постой!..“

— Батюшка, батюшка! молвила дочь:
Дай ужь ты мнѣ нагуляться, —
Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
Завтра съ постели подняться.

Пышуть огни—вотъ, качаясь, идетъ
Мельника младшая дочка.
Вся разгорѣвшись идетъ она—льнетъ
Къ бѣлому тѣлу сорочка.
„Эхъ!“ говоритъ: „загуляю, запью
Злую неволю-кручину свою!..“

„Дамъ я вамъ знать, какъ безъ спроса гуляты!“

Мельникъ ворчить: „эко дѣло!..“

Медленно сталъ онъ съ телѣги слѣзать —

Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ—въ шубенкѣ стоитъ

Кумъ его—точно Еремка.

Зубы оскаливши, „кумъ!“ говоритъ,

„Полно сердчать-то—Пойдемъ-ка,

Вышьемъ-ка съ горя..... Чего замигалъ?..

Али ты, милый, меня не узналъ!“

— „Какъ не узнать!“ глухо молвилъ старикъ.

„Ну, и пойдёмъ.... обоприися...“

— „Батька!“ раздался ребяческій крикъ:

„Это не кумъ—воротися!“

Мельникъ не слышитъ—и съ кумомъ своимъ

Сталъ за кострами теряться.

Хохоть, какъ буря, пронесся за нимъ;

Начали тѣни сгущаться;

И красноватыми пятнами сталъ

Дымъ пропадать, пропадать—и пропасть.

Только туманъ изъ-за низменныхъ пней

Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ

Дождикъ дробилъ по листьямъ, да ручей

Глухо ворчалъ въ буеракѣ.

Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
Шорохъ проснувшихся галокъ.....
„Батъка!“ въ лѣсу раздавалось, и былъ
Голосъ тотъ робокъ и жалокъ.....
Къ утру ребята съ рогатиной шли
Въ лѣсъ по медвѣдя—телѣгу нашли.....

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
Въ лужѣ съ болотною тиной.
Мальчикъ дрожалъ, и весь день наяву
Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
Душу сгубилъ. Толковали:
Чортъ-ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
Пьянъ, такъ отъ лѣсу подалѣ.
Но и донинѣ душа старика
Стонетъ въ лѣсу позади кабака....

Я читаю книгу пѣсенъ.
„Рай любви—змѣя любовь“—
Ничего не понимаю—
Перечитываю вновь.

Что со мной! — съ невольнымъ страхомъ
Въ душу крадется тоска.....

Словно книгу заслонила
Чья-то мертвая рука—

Словно чья-то тѣнь поникла
За плечемъ—и въ тишинѣ
Тихо плачетъ—тихо дышетъ
И дышать мѣшаетъ мнѣ.

Словно эту книгу пѣсенъ
Прочитать хотять со мной
Потухающія очи
Съ накипѣвшею слезой.

Когда-бъ любовь твоя мнѣ спутницей была —
О! можетъ быть въ раю твоихъ объятій
Я проклинать не сталь-бы даже зла,
Я-бъ не слыхаль ни чьихъ проклятій.
Но я одинъ—одинъ—мнѣ суждено внимать
Оковъ бряцанью—крику поколѣній.
Одинъ! я не могу—ни самъ благословлять
Ни услыхать благословеній.
То клики торжества—то похоронный звонъ...—
Все отъ сомнѣнія влечетъ меня къ сомнѣнью:
Иль братьямъ чуждый братъ—я буду осужденъ
Межъ нихъ пройти неслышной тѣнью—

Иль братьямъ чуждый братъ—безъ пѣсень, безъ
надеждъ,
Съ великой скорбію моихъ воспоминаній,
Я буду страждущимъ орудіемъ невѣждъ
Подпоркою гнилыхъ преданій!

ВЪГЛЫЙ.

Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Не сегодня—завтра свяжутъ молодца.
Не ушоль-ли ты отъ матери—отца?
Не гуляль-ли ты за Волгой въ степи?
Не сидѣль-ли ты въ острогѣ на цѣпи?

„Я сидѣль и въ острогѣ на цѣпи,
Я гуляль и за Волгой въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я даль—
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.

„Какъ въ острогѣ-то слышалось намъ,
Что про волю-то читають по церквамъ,—
Ужъ откуда сила-силушка взялась:

Цѣпь желѣзная, и та вишь порвалась!
И задумаль я на родину бѣжать;
Божья ночка общалась покрывать.

„Я бѣжалъ—ногъ не чуюль подь собой....
Очутился на сторонущкѣ родной.
Тутъ за рѣчкѣй моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.
Я сначала постучуся у окна—
Выходи, скажу, на улицу жена!

„Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди.
Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,
Да вишь какъ-то по дорогѣ все растресъ;
Я вина не пилъ—съ воды былъ пьянъ,
Были деньги—не зашилъ карманъ.

„Какъ намъ волю-то объявятъ господа,
Я съ воды хмѣлень не буду никогда;
Какъ мнѣ землю-то отмѣрятъ на міру,—
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру.
Буду въ праздники царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?“

Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Хоть родное-то гнѣздо недалеко,—
Ночь-то мѣсячна: признать тебя легко.
Знать тебѣ въ дому хозяномъ не быть —
По дорогамъ значить велѣно ловить...

ОТРЫВОКЪ.

Ужъ осень! Кажется, давно-ли
Цвѣтущимъ ландышемъ дремучій пахнулъ лѣсъ.
И рѣки, какъ моря, сливались по волѣ
Весною дышущихъ небесъ!

Давно-ль ладья моя качалась
Тамъ, гдѣ теперь скрипятъ тяжелые возы;
Давно-ли жаркая въ разливѣ отражалась
Заря, предвѣстница грозы!

Я помню — облаковъ волокна
Сплывались, и ночь спускалася кругомъ
На крыльяхъ вѣтра, а вдали сверкали окна
И грохоталъ весенній громъ.

И въ блескѣ молній мнѣ казалось
Волшебнымъ островомъ знакомое село.
Я плылъ—горѣла грудь—ладья моя качалась
И вырывалося весло.

Я правилъ къ берегу разлива,
И хата, крытая соломою, съ крыльцомъ,
Ко мнѣ на встрѣчу шла, мигая мнѣ пугливо
Уединеннымъ огонькомъ.

Стихало. Туча громовая
Отодвигалася за дальніе плетни;

Пѣль соловей, а я причаливалъ, бросая
Весло свое на дно ладьи.

О, ночька, золотая ночька,
Какъ ты свѣжа была, безлунная, въ звѣздахъ!
Какъ ты притихла вдругъ, когда ея сорочка
Мелькнула въ темныхъ воротахъ.

Казачка бѣдная! пугливой
Голубкой ты росла;—но ты меня рукой
Манила издали,—меня твой взоръ ревнивый
Могъ узнавать во тьмѣ ночной.

Не диво! корень приворотный
Мнѣ за карбованецъ отецъ твой навязалъ,
И ужъ чего-чего старикъ словоохотный
Мнѣ про него не насказалъ.

Когда послѣдній шкаликъ водки
Хвативъ, онъ поклялся, хмѣльной, на образахъ,
Ты вышла, блѣдная, изъ-за перемородки,
И долго плакала въ сѣняхъ.

И недоступная дѣвчина,
Ты въ эту ночь пошла, какъ тѣнь пошла за мной..
Я помню, лѣсъ былъ тихъ и сонная долина
Въ росѣ блѣлась подъ луной.

Когда холодными руками
Ты обвила меня, и съ головы платокъ

Скатился на плеча,—прильнувъ къ устамъ устами,
Я страсти одолѣть не могъ.....

На самомъ дѣлѣ оправдала
Ты знахарство отца: ни плеть его съ-тѣхъ-поръ,
Ни брань, ни кулаки, ничто не помогало...
Силень былъ вражій приговоръ.....

На посидѣлкахъ опустѣла
Въ кругу дѣвчатъ твоя обычная скамья.
Ты мнѣ лишь одному степныя пѣсни пѣла,
Свои предчувствія тая.

Бѣдняжка! въ корень приворотный
Ты вѣрила, а я,—я вѣрилъ, что весна
Колдуетъ и въ гнѣздѣ у птички беззаботной,
И у косящата окна.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ.

На Женевскомъ озерѣ
Лодочка плыветъ —
Бдетъ странникъ въ лодочкѣ,
Тяжело гребетъ;
Видитъ онъ— по злачному

Скату береговъ,
Много въ темной зелени
Прячется домовъ;
Видитъ, подъ окошками
Возлѣ синихъ водъ,
Въ виноградныхъ садикахъ
Красный макъ цвѣтеть;
Видитъ изъ-за домиковъ,
Въ вѣковой пыли,
Колокольни сѣрыя
Подняли шпили —
А за ними вѣчныя
Въ снѣжныхъ пеленахъ,
Выси допотопныя
Тонуть въ облакахъ —
И душой мятежною
Погрузился онъ
О далекой родинѣ
Въ неотвязный сонъ:
У него на родинѣ
Ни озеръ, ни горъ —
У него на родинѣ
Стени да просторъ. —
Изъ простора этаго
Некуда бѣжать.
Думы съ вѣтромъ носятся —
Вѣтра не догнать.

УВѢЩАНЬЕ.

Неизмѣнною душою
Одарилъ тебя творецъ,
Влюблена ты—все напрасно!—
Онъ женихъ—всему конецъ!

Голосъ чести—правды голосъ
Отзывается въ тебѣ,
И сочувствіе находить
Все что падаетъ въ борьбѣ.

Къ молодому поколѣнью
Безучастный и слѣпой
Онъ не нынче—завтра будетъ
Обладать твоей рукой.

Кто-жъ изъ васъ кого накажетъ—
Онъ тебя иль ты его?
Кто кого скорѣе свяжетъ
И погубить?—Для чего!..—

Для того-ль чтобъ всѣ сказали:
Вотъ примѣрная жена,
Мужъ у ней по дудкѣ пляшетъ,
А она ему вѣрна—

Иль напротивъ—вотъ примѣрный
Честный мужъ, по старинѣ,

Не даетъ онъ много воли,
Ни лакеямъ, ни женѣ.

Развѣ можетъ быть чертогомъ
Развалившійся чертогъ!
Иль оптическимъ обманомъ
Онъ мечты твои увлекъ....

Такъ развалина глухая,
Жаркой тронута зарей,
Словно замокъ издалека
Приглашаетъ на покой.

Подойди—и гдѣ твой замокъ!—
— Стѣнь обломки—да трава—
Да въ окнѣ сидитъ слѣпая
Пучеглазая сова.

ОДНОМУ ИЗЪ УСТАЛЫХЪ.

Ожесточила-ли тебя людская тупость
Иль повседневная суеть ихъ кутерьма,
Ихъ сердца старческая скупость,
Или ребячество ихъ гордаго ума;—
Вся эта современность злая,
Вся эта безголочь живая,

Весь этотъ сонмъ тирановъ и льстецовъ,
Иль эта кучка маленькихъ бойцевъ,
Самолюбивыхъ и въ припадкахъ гнѣва
Готовыхъ бить на-право и на-лѣво.

Усталъ-ли ты науку догонять
Иль гнаться по слѣдамъ младаго поколѣнья—
Не говори что хочешь ты бѣжать,
Въ глуши искать уединенья.

Къ чему!—Прошли тѣ дни, когда лѣсную глушь
Преданье чудными духами населяло,

Когда отшельника незримо навѣщала
Семья оплаканныхъ имъ душъ,

Когда дитя фантазіи народной,
Со dna рѣки, на свѣтъ луны холодной,
Всплывала и его дразнила наготой
Русалка блѣдная съ зеленою косой;

Когда подь шумный говоръ лѣса
Пустынный, тихую лампаду засвѣтя,
Молился, а его, какъ малое дитя,
Хранитель-ангелъ блюлъ отъ бѣса.

И одинокимъ не былъ онъ,
Безплотныхъ силъ толпой повсюду окружень,
И были для него какъ мѣръ разнообразны,
Неизъяснимые то страхи, то соблазны.

Ну, а тебя, товарищъ старый мой,
Всѣ эти чудеса займутъ едва-ли,
Мы отъ мнѣическихъ годовъ съ тобой отстали.
И унесемъ въ пустыню за собой,

На днѣ души разбитой, но живой,
Невыносимыя воспоминанья,
Неутолимая, законная желанья,
И жажду жить и двигаться съ толпой.
О! я-бъ и самъ желалъ уединиться,
Но, другъ, мы и въ глуши не перестанемъ злиться,
И къ злой толпѣ воротимся опять.
Не говори мнѣ, что природа—мать,
Она дѣтей не любитъ одинокихъ,
Ожесточенныхъ, также какъ жестокихъ,
Природа не умѣетъ утѣшать.
И ничего не сдѣлаетъ природа
Съ такимъ отшельникомъ, которому нужна
Для счастья законная свобода;
А для свободы—вольная страна.

ЧИВИТА-ВЕКИА.

Встала надъ моремъ съ казарменной скукою
Крѣпость, сердитѣе моря суроваго.
Въ миломъ лицѣ я искалъ предъ разлукою,
Нѣтъ-ли для сердца чего-нибудь новаго.

Долго смотрѣлъ я, какъ лодка качалася —
Ты уплыла—я остался надъ палубой.

И ничего для меня не осталось
Кромѣ неволи съ бесплодною жалобой.

Снова помчуся я въ море шумящее,
Новыя пристани ждуть меня странника,
Лишь для тебя мое сердце скорбящее
Нѣтъ родной пристани, какъ для изгнанника.

ДВОЙНИКЪ.

Я шёлъ и не слыхалъ какъ пѣли соловьи,
И не видалъ какъ звѣзды загорались,
И слушалъ я шаги,—шаги, не знаю чьи,
За мной въ лѣсной глуши неясно повторялись.
Я думалъ—эхо, звѣрь, колышется тростникъ...
Я вѣрить не хотѣлъ, дрожа и замирая,
Что по моимъ слѣдамъ, на шагъ не отставая,
Идетъ не человекъ, не звѣрь, а мой двойникъ.
То я бѣжать хотѣлъ, пугливо озираясь,
То самого себя какъ мальчика стыдилъ...
Вдругъ злость меня взяла—и страшно задыхаясь,
Я самъ пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ:
—Что ты пророчишь мнѣ, или зачѣмъ пугаешь?
Ты призракъ иль обманъ фантазіи больной?
— Ахъ! отвѣчалъ двойникъ: — ты видишь мнѣ мѣ-
шаешь

И не даешь внимать гармоніи ночной;
Ты хочешь отравить меня своимъ сомнѣньемъ,
Меня—живой родникъ поэзіи твоей!..
И, не сводя съ меня испуганныхъ очей,
Двойникъ мой на меня глядѣль съ такимъ смя-
теньемъ,
Какъ-будто я къ нему среди ночныхъ тѣней —
Я, а не *онъ* ко мнѣ явился привидѣньемъ.

ПОЦАЛУЙ.

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я не даромъ такъ жарко цалую тебя

Я цалую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти,—быль робокъ и нѣмъ,
И за ту, что меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была-бы щитомъ,
Да убитая спитъ подъ могильнымъ крестомъ.

Все, что въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Догорая, пусть гаснетъ въ объятяхъ твоихъ.

НА МЫЗЪ.

(Е. А. Шт. к. н. шн. д. р.)

Ползеть ночная тишина
Поделушивать ночные звуки...
Травую пахнет и влажна
Въ саду скамья твоя. Больна,
На книжку уронивши руки,
Сидишь ты въ тѣнь погружена,
И говоришь о дняхъ грядущихъ,
Объ угнетенныхъ, о гнетущихъ,
О роковой растратѣ силъ,
Которыхъ ключъ едва пробилъ
Кору тупаго закоснѣнья;
О всемъ, что губить вдохновенье,
Чѣмъ такъ униженъ человѣкъ,
И что великаго презрѣнья
Достойно въ нашъ великій вѣкъ.

А тамъ—сквозь тѣнь — огни за чаемъ,
Сквозь окна—музыка... Серпомъ
Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
Съ его росой и соловьемъ,
И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ и этотъ домъ.

Страну волковъ преображая
Въ подобіе земнаго рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ,

На тундрахъ домъ возникъ—и вотъ,
Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило: неожиданнымъ
Паденьемъ безмятежныхъ водъ
Возмущены ночныя тѣни,
И усыпительно для лѣни.
Однообразно жернова
Шумять,—и лодка у плотины,
И Термуса изъ бѣлой глины
Вдали мелькаетъ голова...

Здѣсь точно рай—и ты привыкла
Къ благополучью своему.
Здѣсь рай. Зачѣмъ-же ты поникла,
И вновь задумалась к чему?
Иль поняла, что рай твой тѣсенъ
Для гражданина и для пѣсенъ,
Что мысли здѣсь займутъ луна,
Цвѣты, грибы, прогулки лѣтомъ,
И новой жизни семена
Взойдутъ быть-можетъ пустоцвѣтомъ;
Что въ этомъ маленькомъ раю
Все измельчаетъ понемногу.
Иные скажутъ: „слава—Богу!“
А ты,—ты голову свою
Повѣсивъ, будешь какъ нѣмая
Сидѣть и думать: „Боже мой!
Какъ хорошо бѣжать изъ рая,
И окунуться съ головой,

Въ жизнь, поднимающую вой,
Какъ злое море подь грозой...“

ФАНТАЗИИ ВЪДНАГО МАЛАГО.

Я-бъ желалъ, внимая гулу вѣтра,
Размышлялъ когда-то бѣдный малый,
На чердакъ свой въ сумерки забравшись,
Я-бъ желалъ, чтобъ шаръ земной иначе
Былъ устроенъ мачихой-природой,
Чтобъ моря не знали урагановъ,
Чтобъ земля не стыла отъ морозовъ,
Чтобъ она не трескалась отъ зноя,
Чтобъ весна цвѣты свои мѣшала
Съ золотыми осени плодами;
Я-бъ тогда нашелъ себѣ мѣстечко,
Я-бъ тогда ушелъ подь самый полюсъ,
Тамъ-бы легъ въ тѣни густыхъ каштановъ.
Кто-бъ тогда мѣшалъ мнѣ грызть орѣхи,
Упиваться винограднымъ сокомъ,
Въ пѣнье птицъ, въ нѣмое созерцанье
Вѣчныхъ звѣздъ душою погружаться!—
Въ хороводѣ непритворно страстныхъ
Шаловливо-нѣжныхъ дѣвъ—по вкусу
Я-бъ нашелъ себѣ жену-голубку.
Для нее построилъ-бы я домикъ

Изъ шестовъ, плющами перевитыхъ,
Къ потолку подвѣсиль-бы гирлянды,
И нагой валялся-бъ я по сѣну,
Какъ съ амурами, съ дѣтьми нагими.
Я-бъ училъ ихъ по деревьямъ лазить,
Съ обезьянами я жилъ-бы въ мѣрѣ...
Да и люди были-бы сноснѣе.

— Вишь чего ты захотѣлъ, малютка!
Глухо прошумѣла мать-природа —
У тебя знать губа-то не дура!

Я-бъ желалъ, уткнувши носъ въ подушку,
Продолжалъ мечтать мой бѣдный малый,
Я-бъ желалъ, чтобъ люди умирали
Безъ тоски, съ невозмутимой вѣрой,
Что они изъ міра ускользаютъ,*
Какъ изъ душевной ямы на свободу;
Чтобъ я могъ витать загробной тѣнью.
Я-бъ тогда неожиданнымъ появленьемъ
Могъ смутить бездушнаго злодѣя,
Оправдалъ-бы жертву тайной злобы,
Былъ-бы добрымъ гениемъ несчастныхъ,
А не то—я могъ-бы ради смѣха
Озадачить моднаго педанта,
Гордаго въ своемъ матерьялизмѣ.
Я-бъ заставилъ перья прыгать—или
У меня и книги-бы летали.
А не то... я выкинулъ-бы штуку —

Къ ней, моей божественной, прелестной,
Къ той, о комъ я, бѣдный малый,
И мечтать не смѣю, оттого что
Пребывая въ невысокомъ чинѣ,
Высоко квартиру нанимаю,—
Я-бъ подкрался свѣжимъ, раннимъ утромъ,
Подошелъ-бы къ дѣвственному ложу,
Тихо распахнулъ-бы занавѣски
И листы крапивы самой жгучей
Насоваль-бы ей подъ одѣяло.
Я-бъ желалъ, чтобъ мачиха-природа,
Не шутя, хоть черта смастерила.
И зато я-бъ ей сказалъ спасибо...

. . . . .
— Вишь чего ты захотѣлъ малютка!
Громко просвистѣла мать-природа,
У тебя знать губа-то не дура!

Если-жъ нѣтъ! хвативши кулачищемъ
По столу,—воскликнулъ бѣдный малый,
Если эта мачиха-природа
Ничего-то не сумѣла сдѣлать—
И бѣднѣе всѣхъ моихъ фантазій,
Я хочу, чтобъ ей на зло повсюду
Разлилось довольство, чтобъ законны
Были всѣ земныя наслажденья,
Чтобъ меня судила справедливость,
Чтобъ тяжелый трудъ былъ равномерно
И по-братски раздѣленъ со всѣми,

Чтобъ свобода умѣряла страсти,
Чтобы страсти двигали народомъ,
Какъ пары колесами машины,
Облегчая руки человѣка,
Созидаая новыя богатства.

— У тебя знать губа-то не дура!
Залилась, запѣла мать-природа.
Погляжу я на тебя, малютка,
Какъ ты будешь съ братьями-то ладить,
Будешь ладить, я мѣшать не стану,
Даже стану по головкѣ гладить.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Дымъ потянуло вдаль, повѣяло прохладой.
Безъ тѣни, безъ огней, надъ блѣдною Невой
Идетъ ночь блѣдная—лишь куполь золотой
Изъ-за сѣдыхъ дворцовъ, надъ круглой колонадой,
Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
Скажи, куда итти за счастьемъ, за отрадой!
Скажи, на что ты золь, товарищъ бѣдный мой!?
Вотъ—темный монументъ вознесся надъ гранитомъ,
Иль мысль стѣсненная твоя,
Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
Какъ эта мѣдная змѣя,
Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
Его несущаго коня...

---

* * *

Твой скромный видъ таитъ въ себѣ
Такъ много силы страстной воли,
Что не уступишь ты судьбѣ
Ни шагу безъ борьбы и боли.

Мгновенья счастья, ты трудомъ
Или болѣзнями искупишь;
Но предъ общественнымъ судомъ
Рѣстницъ стыдливо не потушишь

Свѣтъ осужденъ тобою—онъ
Не можетъ дать тебѣ закона;
Святая правда—твой законъ,
Святая гордость—оборона.

Пускай поэта стихъ живой
Въ тебѣ отзыва не находитъ,
Поэтъ, отвергнутый тобой
Тебя и встрѣтитъ и проводить.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои порывы,—
Откликнется на всѣ призывы
На всѣ страданія твои.

